

**International conference
HUMANS AND ANIMALS:
PARADOXES OF MUTUAL RELATIONSHIPS**

Abstracts

**Международная конференция
ЛЮДИ И ЖИВОТНЫЕ:
ПАРАДОКСЫ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ**

Тезисы докладов

Associazione Italiana
di Etnoarcheologia
Roma

ISMEO

Ambasciata d'Italia
Mosca

Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera)
of the Russian Academy of Sciences (MAE RAS, St. Petersburg, Russia);
Italian Association for Ethnoarchaeology (AIE, Rome, Italy);
Institute of Archaeology and Ethnography of the Siberian Branch
of the Russian Academy of Sciences (IAET SB RAS, Novosibirsk, Russia);
The International Association for Mediterranean and Oriental Studies
(ISMEO, Rome, Italy); Italian Embassy in Moscow;
Italian Institute of Culture in St Petersburg

International conference HUMANS AND ANIMALS: PARADOXES OF MUTUAL RELATIONSHIPS

29 November — 2 December 2021

ABSTRACTS

St Petersburg
2021

Associazione Italiana
di Etnoarcheologia
Roma

ISMEO

Ambasciata d'Italia
Mosca

Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера)
Российской академии наук (МАЭ РАН, Санкт-Петербург, Россия);
Итальянская ассоциация этноархеологии (AIE, Рим, Италия);
Институт археологии и этнографии Сибирского отделения
Российской академии наук (ИАЭТ СО РАН, Новосибирск, Россия);
Международная ассоциация средиземноморских
и востоковедческих исследований (ISMEO, Рим, Италия);
Посольство Италии в Москве;
Итальянский институт культуры в Санкт-Петербурге

Международная конференция ЛЮДИ И ЖИВОТНЫЕ: ПАРАДОКСЫ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ

29 ноября — 2 декабря 2021 года

ТЕЗИСЫ ДОКЛАДОВ

Санкт-Петербург
2021

УДК 008
ББК 60.033.1
Л93

Ответственные редакторы:

Ф. Лульи, В.Н. Давыдов, В.А. Беляева-Сачук

Редакционная коллегия:

В.А. Беляева-Сачук, В.Н. Давыдов, Ф. Лульи,

М.В. Станюкович, Г.Б. Сыченко

Переводчик

К.А. Маретина

Л93 **Люди и животные: парадоксы взаимоотношений: материалы международной конференции / Отв. ред. Ф. Лульи, В.Н. Давыдов, В.А. Беляева-Сачук.** — СПб.: МАЭ РАН, 2021. — 264 с.

ISBN 978-5-88431-401-6

В сборнике представлены тезисы Международной конференции «Люди и животные: парадоксы взаимоотношений», состоявшейся в г. Санкт-Петербурге в МАЭ РАН 29 ноября — 2 декабря 2021 года. На конференции обсуждались новые направления исследований взаимодействия человека и животного. Эти отношения всегда имели решающее значение для человеческого существования. В прошлом они в основном определялись практически (источники животного белка, источники опасности и защита от нее и т.д.), а также ритуальными аспектами, однако сегодня спектр таких взаимоотношений значительно расширился: животные становятся объектом защиты своих прав, могут наследовать имущество своего владельца и т.д. Можно предположить, что как в прошлом, так и в настоящем отношения между людьми и животными были весьма сложными и даже парадоксальными.

Editors: F. Lugli; V. N. Davydov; V. A. Beliaeva-Sachuk

Editorial board: V. A. Beliaeva-Sachuk, V. N. Davydov,

F. Lugli, M. V. Stanyukovich, G. B. Sychenko

International Conference “People and Animals: Paradoxes of Mutual Relationships”. November 29 — December 2, 2021. A Volume of Abstracts.

The volume contains the abstracts of the International Conference “People and Animals: Paradoxes of Mutual Relationships” held in St. Petersburg at the MAE RAS on November 29 — December 2, 2021. The participants of the conference discussed new areas of research on human-animal interaction. This relationship has always been critical to human existence. In the past, they were mainly determined by practical (sources of animal protein, sources of danger and protection from it, etc.), as well as ritual aspects, but today the range of such relationships has expanded significantly: animals become objects of protection of their rights, they can inherit the property of their owner, etc. We can assume that both in the past and in the present, the relationship between humans and animals was very complex and even paradoxical.

© МАЭ РАН, 2021

The Dog as a Puberty Rite, or About Love

Svetlana B. Adonyeva

Propp Centre, Saint Petersburg, Russia, spbfolk@mail.ru

The puppy is sleeping. Photo by S. Adonyeva. 2021.

Щенок спит. Фото С. Адоньевой. 2021.

The paper discusses the keeping of dogs and cats in urban settings as a particular leisure practice. These kinds of practices, not involving exchange and capitalization, form an important part of everyday life. The spotlight of humanitarian research mostly focuses on these kinds of practices treating them either as social artefacts that define dispositions of power/subordination, legitimacy, stigmatization, or as a phenomenon of everyday life. Meanwhile, almost every urban dweller is involved in pet-keeping in a certain period of his/her life. We will try and compare several approaches and artefacts in order to form our object. The latter can be defined as an individual practice of skill formation in search of love.

Keywords: dogs, puberty rite, leisure.

Собака как инициация, или о любви

Светлана Борисовна Адоньева

АНО Пропповский центр, Санкт-Петербург, Россия,
spbfolk@mail.ru

На материале сообществ любителей собак Петербурга мы рассмотрим содержание собак в городе как особую практику досуга. Практики досуга (leisure), не предполагающие отношений обмена и капитализации, составляют значительную область повседневной жизни людей. В объектив гуманитарного знания они попадают либо как социальные артефакты, проявляющие диспозиции власти/подчинения, легитимности или стигмы и пр., либо как явления повседневной культуры. В практики содержания домашних питомцев, меж тем, вовлечен на определенных этапах своей жизни почти каждый горожанин. Сопоставляя разные подходы и рассматривая разные артефакты, мы постараемся сконструировать свой предмет: индивидуальную практику агрегации опыта, связанного с поисками любви.

Ключевые слова: собаки, инициация, досуг.

Polyeiconiya of Ekven: Plots and Technology

Natalya A. Aleksashenko

Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera) of the RAS, Saint Petersburg, Russia,
sas-natalya@yandex.ru

The mattock handle with zoomorphic images. Ekven cemetery.

The 1st millennium AD. Collection of the Kunstkamera.

МАЭ № 6561 — 1. Photo taken by A.Saifieva.

Рукоять мотыги с зооморфными изображениями.

Могильник Эквен. 1 тыс. н.э. Коллекция МАЭ № 6561-1.

Фото А.Сайфиевой.

Bone objects with zoomorphic and anthropomorphic images make up a significant part of the collection from the Ekven cemetery (Chukotka. I — the beginning of the II millennium AD), which has been brought to the Kunstkamera. Among them there are artifacts with an image of one, two or more characters. Some of them are made in a realistic manner (flat plates and three-dimensional figures of bears, whales, birds or a person), others have the appearance of fantastic creatures, especially characteristic of winged objects.

Multi-figure compositions applied to hunting equipment or household items are more common. These are one-sided relief images of one or two animals and a man, located at different ends of the handles of baleen vessels, and are parts of the drills, on the sides of the harpoon shaft heads.

A separate group of artifacts consists of objects with polyeiconic plots, in which, when changing the angle of view, we see how one line depicts one animal first, then another one. They reflected the ideas of the ancient Eskimos about the close relationship, the mutual

transformation of one animal species into another or into a human. Among this group of products there are things with three-dimensional figures of marine mammals or their heads forming a single composition. Some stamps for pottery are shaped like a whale or a swimming polar bear, and their handle or non-working part is decorated in the form of a human face.

The most complete polyeiconic images are presented on transport hooks and carabiners. In this group, we see artifacts, the general appearance of which is an anthropomorphic image created by a technological hole, animal faces and engraving. On the other things, there are combinations of such characters as a bear and a walrus, a woman and walruses, a whale, a ram, a raven, a hare, a bear and a man.

In addition to the plot, the technique of performing these objects is of interest. They are made in the form of a three-dimensional sculpture, high and low relief and are detailed by the technique of engraving. The line outlining several characters seems to be one-piece, drawn by the master with a single movement of the chisel. However, the study under the microscope revealed multiple cutting of contours and reliefs of animals and humans with the tool and helped to identify the sequence of operations.

Keywords: Ekven cemetery, polyeiconical images, technology.

Полиэикония Эквена: сюжеты и технологический аспект

Наталья Анатольевна Алексаменко

Музей антропологии и этнографии имени Петра Великого
(Кунсткамера) РАН, Санкт-Петербург, Россия, sas-natalya@yandex.ru

Костяные предметы с зооморфными и антропоморфными изображениями составляют значительную часть коллекции из Эквенского могильника (Чукотка, I — начало Птыс. н.э.), поступившей в Кунсткамеру. Среди них есть артефакты с образом одного, двух и более персонажей. Одни из них выполнены в реалистичной манере (плоские пластины и объемные фигурки медведей, китов птиц или человека), другие имеют вид

фантастических существ, особенно характерных для крылатых предметов.

Более распространены многофигурные композиции, нанесенные на охотничье снаряжение или бытовые вещи. Это односторонние рельефные изображения одного или двух зверей и человека, расположенные на разных концах ручек ведерок, накладках на стержень сверла, на боковых сторонах головок древка гарпуна.

Отдельную группу артефактов составляют предметы с полиэikonичными сюжетами, в которых при изменении угла зрения мы видим, как одна линия изображает сначала одного зверя, затем другого. В них отразились представления древних эскимосов о тесной взаимосвязи, взаимопревращении одного вида животных в другой или в человека. Среди этой группы изделий есть экземпляры с объемными фигурами морских млекопитающих или их голов, образующих единую композицию. Некоторые штампы для керамики имеют форму кита или плывущего белого медведя, а их рукоять или нерабочая часть оформлены в виде человеческого лица.

Наиболее полно полиэikonичные изображения представлены на транспортировочных крюках и карабинах. В этой группе есть артефакты, общий вид которых представляет собой антропоморфный образ, созданный технологическим отверстием, мордами животных и гравировкой. На других экземплярах встречаются совмещение таких персонажей, как медведь и морж, женщина и моржи, кит, баран, ворон, заяц, медведь и человек.

Помимо сюжета интерес представляет техника исполнения этих предметов. Они выполнены в виде объемной скульптуры, высокого и низкого рельефа и детализированы приемом гравировки. Линия, очерчивающая несколько персонажей, кажется цельной, проведенной мастером одним движением резца. Однако изучение под микроскопом показало многократное прорезание инструментом контуров и рельефов животных и человека и помогло выявить последовательность операций.

Ключевые слова: Эквенский могильник, полиэikonичные образы, технология.

Insects: Annoying Resources and Sacred Jewel (On Archaeological Data from East Asia)

Sergei V. Alkin

Institute of Archaeology and Ethnography of Siberian Branch
of the RAS, Novosibirsk, Russia, alkin-s@yandex.ru

Among the species of facultative synanthropic fauna, insects occupy a special place. The history of the relationship between humans and insects dates back to the very dawn of human history. Insects have always accompanied humans. They have been bothering humans, but they are also known to be a part of human diets. The earliest representative sources for studying the role of insects in human life support and spiritual culture belong to the Neolithic era. The archeology of the early agricultural cultures of the eastern regions of Asia provides plenty of data for analyzing how the vis vitalis (natural vitality) of insects, including their high nutritional value, has influenced the shaping of cultural perceptions concerning supernatural forces and the connection of insects with ideas of birth and reincarnation, and thus, the acquisition of a sacred status by certain specimens of the insect world in the spiritual culture.

Insects are the only example in nature that illustrates the sacred theme of birth, death, and rebirth. An insect going through metamorphosis stages can be associated with different forces of nature: the insect larva develops deep in the ground, and the imago, or adult stage, lives aboveground; many imagines can fly.

In the Neolithic collections from Northeastern China, there is a separate category of archaeological finds: items of jade and other ornamental materials that are sculpted representations of insects at different stages of the metamorphosis (larvae, chrysalis and imago).

Spatial and semantic analysis concerning these finds, defining their role in burial rites, and using ethnographic and folklore materials have allowed to reveal the presence of a sustainable closed system of mythopoetic ideas about insects and the soul in a wide range of Asian Neolithic cultures. These ideas found their development in the cultures of East Asia in the Early Metal Age and early Middle Ages, up to the ethnographic present.

Keywords: insects, life support system, spiritual culture, shamanism.

Насекомые: докучливый ресурс и сакральная ценность (по археологическим данным из Восточной Азии)

Сергей Владимирович Алкин

Институт археологии и этнографии Сибирского отделения РАН,
Новосибирск, Россия, alkin-s@yandex.ru

Среди видов факультативно-синантропной фауны насекомые занимают особое место. История их взаимоотношений с человеком равна самой истории человечества. Насекомые всегда сопровождали человека, они не только доставляли определённое беспокойство, но и были частью рациона питания. Наиболее ранние репрезентативные источники для изучения роли насекомых в жизнеобеспечении и духовной культуре человека относятся к эпохе неолита. Археология раннеземледельческих культур восточных регионов Азии предоставляет немало данных для анализа того, как естественная витальность насекомых (включая их высокую пищевую ценность) повлияла на формирование в культуре представлений о сверхъестественных силах, о связи насекомых с идеей рождения и реинкарнации, и, как следствие, приобретении отдельными представителями мира насекомых сакрального статуса в духовной культуре.

Насекомые демонстрируют единственную в природе иллюстрацию сакральной темы рождения, смерти и возрождения. На стадиях метаморфоза насекомое может быть связано с разными природными стихиями: личинка развивается глубоко в земле, взрослое насекомое живёт на поверхности, а многие могут летать.

В неолитических коллекциях из Северо-Восточного Китая известна отдельная категория находок из нефрита и других поделочных материалов, представляющих скульптурные изображения насекомых на разных стадиях их метаморфоза (личинки, куколки и взрослые особи).

Планиграфический и семантический анализ этих находок, определение их места в погребальном обряде, а также привлечение этнографических и фольклорных материалов, позволили выявить в широком круге азиатских неолитических культур наличие устойчивой замкнутой системы мифопоэтических представлений о насекомых и душе. Эти представления получили развитие в культурах раннего металла и раннего средневековья Востока Азии, вплоть до этнографической современности.

Ключевые слова: насекомые, жизнеобеспечение, духовная культура, шаманизм.

Humans Just Like Doctor Frankenstein Enjoy Creating New Life Forms: Marbled Crayfish Go Wild

Ilenia Azzena, Fabio Scarpa, Piero Cossu, Marco Casu, Daria Sanna

University of Sassari, Sassari, Italy, iazzena@uniss.it; fscarpa@uniss.it; picosso@uniss.it; marcasu@uniss.it; darsanna@uniss.it

Individual of a marbled crayfish *Procambarus virginalis* collected in Sardinia in 2019. Photo by I. Azzena.

Особь мраморного рака *Procambarus virginalis*, обнаруженная на Сардинии в 2019 г. Фото И. Адзены.

Nowadays, thousands of species are either extinct or on the brink of extinction due to human activities. Although humans can be, directly or indirectly, very destructive, they can also create new species just like Dr. Frankenstein in Mary Shelley's novel. This is what happened with the marbled crayfish (*Procambarus virginalis*, Liko 2017), which is a parthenogenetic crustacean (i.e., capable of reproduction by self-fertilization) whose origin dates back to the 90s' German aquarium trade.

Preliminary studies hypothesized that the marbled crayfish stemmed from the human-mediated hybridization between the sexually reproducing form of the slough crayfish (*Procambarus fallax*, Hagen 1870) and the red swamp crayfish (*Procambarus clarkii*, Girard 1852). However, recent researches highlighted the autopolyploid nature (i.e., condition of increased number of chromosome sets) of the marbled crayfish, which is a triploid organism that differentiated from its mother species, the slough crayfish. After its “creation”, several marbled crayfish established wild populations in different European countries, due to voluntary or accidental release into the wild.

Starting from 2019, several individuals morphologically attributable to this “human-created” species were found for the first time in a Mediterranean island (Sardinia, Italy), where they may potentially become a dangerous invasive species.

In this context, we analyzed a total of 47 individuals found in the Sardinian Island using the maternally inherited mitochondrial gene Cytochrome c Oxidase subunit I as a molecular marker. All the sequences belonging to the marbled crayfish from European countries resulted identical, with only few exceptions found among Sardinian individuals. This result suggests a high genetic homogeneity of this new species in the European mainland in contrast with an astonishing high evolutionary rate in Sardinia. This point is of crucial importance, in particular for Sardinian freshwaters, whose poor number of native species could be further affected by the umpteenth alien species introduced by humans.

Keywords: Parthenogenetic species, marmorkrebs, invasive species, alien species, habitat modifier.

Как и доктор Франкенштейн, люди любят создавать новые формы жизни: одичание мраморных раков

Иления Адзена, Фабио Скарпа, Пьеро Коссу, Марко Казу, Дарья Санна

Университет Сассари, Сассари, Италия, iazzena@uniss.it; fscarpa@uniss.it; picosso@uniss.it; marcasu@uniss.it; darsanna@uniss.it

В настоящее время из-за деятельности человека тысячи видов животных либо вымерли, либо находятся на грани исчезновения. Хотя человеческая деятельность может быть, прямо или косвенно, крайне разрушительной, люди также могут создавать новые виды подобно доктору Франкенштейну в романе Мэри Шелли. Именно это произошло с мраморным раком (*Procambarus virginalis*, Liko 2017), партеногенетическим (т.е. способным к воспроизводству путем самооплодотворения) ракообразным, происхождение которого восходит к торговле аквариумами в Германии в 90-е годы.

В ходе предварительных исследований появилась гипотеза, что мраморные раки произошли в результате опосредованной человеком гибридизации между размножающейся половым путем формой слепого рака (*Procambarus fallax*, Hagen 1870) и красного болотного рака (*Procambarus clarkii*, Girard 1852). Однако недавние исследования выявили автополиплоидную (то есть имеющую повышенное количество хромосомных наборов) природу мраморных раков, которые представляют собой триплоидный организм, дифференцировавшийся от своего материнского вида плоских раков. Искусственно созданные мраморные раки, выпущенные намеренно или случайно в дикую природу, образовали дикие популяции в разных странах Европы.

Начиная с 2019 года несколько особей, морфологически относимых к этому «созданному человеком» виду, были впервые обнаружены на средиземноморском острове (Сардиния, Италия), где они могут стать опасным инвазивным видом.

В этом контексте мы исследовали в общей сложности 47 особей, обнаруженных на острове Сардиния, используя наследуемый по материнской линии митохондриальный ген субъединицы I цитохрома с-оксидазы в качестве молекулярного маркера. Все последовательности у мраморных раков из европейских стран оказались идентичными, за некоторыми исключениями, обнаруженными среди сардинских особей. Этот результат свидетельствует о высокой генетической однородности этого нового вида на материковой части Европы

в отличие от поразительно высокой скорости эволюции на Сардинии. Этот момент имеет решающее значение, в частности, для пресных вод Сардинии, где набор местных видов, и так скудный, может еще больше пострадать при введении человеком энного количества чужеродных видов.

Ключевые слова: партеногенетические виды, мраморные раки, инвазивные виды, чужеродные виды, модификатор среды обитания.

The Crane and the Stork as Figurants of Mythological Representations of the Inhabitants of the Bezhetsky Region

Oksana B. Balashova

Independent researcher, Moscow, Russia, obbalashova@gmail.com

Storks in Honeevo of the Bezhetsky Region of Russia.

Photo by Oksana Balashova, 2011.

Аисты в с. Хонеево Бежецкого края России.

Фото О. Балашовой, 2011.

At the end of the 80's of the XX century, fairy tales, legends, bylichki, stories about dreams, beliefs and omens, in which the crane and the stork appear, were recorded in the north-east of the Bezhetsky Region of Russia. The records reflect a local complex of folk views that represent the whole philosophy of the relationship between man and these rare large migratory birds. The testimonies that reflect the most archaic mythological ideas that have general Slavic parallels are especially interesting: the ritual of the «funeral of the crane», the magical abilities of the stork and the crane to act as a werewolf, the right to punish or reward and warn a person about danger, as well as the apotropaic properties of feathers, a cry, a nest, etc.

The werewolf stork and the werewolf crane are more characteristic of the Middle Eastern, Eastern and East Asian ethno-cultural traditions. In this regard, such an identification, which is noted for the first time for this region, is all the more interesting.

At the same time the Bezhetsky texts reveal the original folk-Christian understanding of the very fact of the existence and appearance of storks and cranes as «God's» birds, to which «God gave wings for righteousness» or, for example, in the local legend about the crane that gave its wings to an angel when the devil stole them from him.

It is also significant that in the minds of informants, the Christian legend about St. Nicholas and Anna Kashinskaya is combined with the belief about the inevitable punishment for the murder of a stork/crane or with a story about a woman who turned into a crane, and the instructive fairy tale «The Fox and the Crane» — a story about a prophetic dream or with personal visual observations. This combination reveals the once-existing logic of perception of human and bird contacts among the local population and allows us to talk about the existence in the past of the tradition of honoring the stork and the crane, which was reflected in various genre forms of folklore prose.

Keywords: the crane/the stork, Bezhetsk, mythology.

Журавль и аист как фигуранты мифологических представлений жителей Бежецкого края

Оксана Борисовна Балашова

Независимый исследователь, Москва, Россия,
obbalashova@gmail.com

В конце 80-х годов XX века на северо-востоке Бежецкого края были зафиксированы сказки, легенды, предания, былички, рассказы о снах, поверья и приметы, в которых фигурируют журавль и аист. В совокупности записи образуют локальный комплекс народных воззрений, представляющих целую

философию взаимоотношений человека и этих редких крупных перелетных птиц.

Особое внимание привлекают свидетельства, в которых отражены наиболее архаические мифологические представления, обнаруживающие общеславянские параллели: обряд «похорон журавля», магические способности аиста и журавля к оборотничеству, право наказывать или награждать и предупреждать человека об опасности, а также апотропейные свойства перьев, крика, гнезда и др.

Аист-оборотень и журавль-оборотень в большей степени характерны для ближневосточной, восточной и восточноазиатской этнокультурных традиций. В этой связи тем более интересна подобная идентика, впервые отмечаемая для данного региона.

С другой стороны, бежецкие записи раскрывают оригинальное народно-христианское осмысление самого факта существования и появления аистов и журавлей как «божьих» птиц, которым «Бог подарил крылья за праведность» или как, например, в местной легенде о журавле, который отдал свои крылья ангелу, когда у того их украл дьявол.

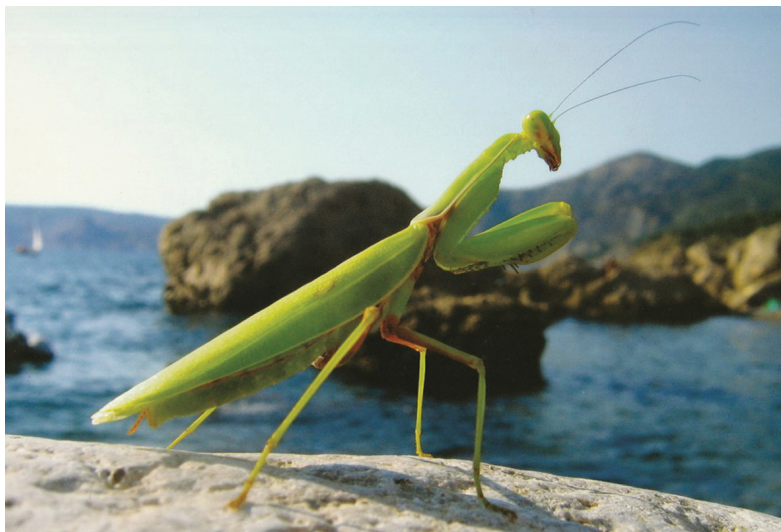
Показательно и то, что в сознании информантов христианская легенда о Николае-угоднике и Анне Кашинской совмещается с поверьем о неотвратимом наказании за убийство аиста/журавля или с быличкой о женщине, обернувшейся журавлихой, а поучительная сказка «Лиса и журавль» — с рассказом о вещем сне или с личными визуальными наблюдениями. Такое совмещение обнаруживает некогда существовавшую логику восприятия контактов человека и птиц среди местного населения и позволяет говорить о бытовании в прошлом традиции почитания аиста и журавля, нашедшей отражение в разных жанровых формах фольклорной прозы.

Ключевые слова: журавль/аист, Бежецк, мифология.

Cooperation with Intelligent Natural Forces

Valeryi B. Baldynov

Tunkinsky National Park, Kyren, Buryatia, Russia, hrista26@yandex.ru

Mantis on Cape Inzhir. Republic of Crimea, 2011.

The author of the photo T. Belitskaya, photo album Crimea. Seasons.

Богомол на мысе Инжир. Республика Крым, 2011 год. Автор фотографии Т. Белицкая, фотоальбом «Крым. Времена года».

My name is Valery Baldynov. I am a geologist, a hereditary hunter, a member of the Russian Geographical Society. I have spent my whole life in nature, surrounded by wild and domestic animals. When I was youth, I hunted a lot in the taiga of Buryatia, extracted meat for food. Then I radically revised my attitude to hunting and animals.

My presentation will be based on my own stories, materials of the International Congress «Healthy World — a healthy person» (October 15–19, 2013, Alushta, Crimea), as well as publications in the newspaper «ZOZh», etc.

From personal research, I want to give an example of hunting two wolves for two red deers (iziubr'), during which the predators demonstrated significant intellectual abilities.

From the newspaper «ZOZh» for a 10-year period, I collected more than 1,200 publications about the conscious behavior of animals. I would like to cite the most striking of them — an example of saving swallow chicks from a snake by an insect mantis — in my speech.

In the program report of the International Congress «A Healthy World — a healthy person», the plan for holding a World Ethical Forum in Crimea in 2014 was announced. There was also a proposal to include in the work of the upcoming forum the topic of human cooperation with the Intelligent Environment, which includes animals, plants and natural elements. The event did not take place for well-known reasons.

Immediately after the end of the above-mentioned congress, communication with me from the side of the mantis insect became so frequent and obvious that it went beyond the scope of an accidental phenomenon. As a result of a thorough analysis of the circumstances of the meetings with the mantis, I came to the conclusion that everything is not accidental and is under the supervision of Intelligent Natural Forces, which lead us to the idea of the need to hold a forum where we need to discuss the topic of cooperation with them.

In my opinion, the International Conference «People and Animals: paradoxes of Relationships» can become a step towards establishing interaction with Intelligent Natural Forces. The discussion of these issues should force humanity to reconsider its attitude to the surrounding world, to move away from the consumer perception of the natural resources of our planet, to become more respectful of «our lesser brothers».

Keywords: Cooperation, the surrounding world, the mantis.

Сотрудничество с Разумными Природными Силами

Валерий Бальжинович Балдынов

Национальный парк Тункинский, с. Кырен, Республика Бурятия,
Россия, hrista26@yandex.ru

Меня зовут Валерий Балдынов. Я геолог, потомственный охотник, член Русского географического общества. Всю жизнь

провел на природе, в окружении диких и домашних животных. В молодости много охотился в тайге Бурятии, добывал мясо для пропитания. Затем кардинально пересмотрел свое отношение к охоте и животным.

Мой доклад будет построен на основе собственных историй, материалов Международного конгресса «Здоровый мир — здоровый человек» (15-19 октября 2013г., Алушта, Крым), а также публикациях в газете «ЗОЖ» и др.

Из личных исследований, я хочу привести пример охоты двух волков на двух изюбрей, во время которой хищники продемонстрировали значительные интеллектуальные способности.

Из газеты «ЗОЖ» за 10-летний период я набрал более 1200 публикаций об осознанном поведении животных. Наиболее яркий из них — пример спасения насекомым богомолom птенцов ласточки от змеи — я бы хотел привести в своем выступлении.

В программном докладе Международного конгресса «Здоровый мир — здоровый человек» был озвучен план проведения в Крыму в 2014 году Всемирного этического форума. Также было предложение включить в работу предстоящего форума тему сотрудничества человека с Разумным Окружающим Миром, в который входят животные, растения и природные стихии. Мероприятие не состоялось по известным причинам.

Сразу же после окончания вышеупомянутого конгресса общение со мной со стороны насекомого богомола стало столь частым и явным, что вышло за рамки случайного явления. В результате тщательного анализа обстоятельств встреч с богомолom, я пришел к выводу о том, что все неслучайно и находится под наблюдением Разумных Природных Сил, которые подводят нас к мысли о необходимости проводить форум, на котором нужно обсудить тему сотрудничества с ними.

Именно Международная конференция «Люди и животные: парадоксы взаимоотношений», на мой взгляд, может стать шагом к налаживанию взаимодействия с Разумными Природными Силами. Обсуждение этих вопросов должно заставить

человечество пересмотреть свое отношение к окружающему миру, уйти от потребительского восприятия природных ресурсов нашей планеты, стать более уважительным к «братьям нашим меньшим».

Ключевые слова: сотрудничество, окружающий мир, богомол.

The Wolf in the Traditional Views of the Kalmyks

Tamara G. Basangova

Kalmyk State University, Elista, Russia, basangova49@yandex.ru

One of the brightest and most preserved element to this day, reflecting the ethnic specificity of the Kalmyk folk culture, is the cult of the wolf. The image of the wolf is reflected in the myths, fairy tales, legends, and prohibitions of the Kalmyks. The worship of the wolf among the Kalmyks has been preserved in an archaic form. According to the ancient beliefs of the Kalmyks, the wolf cannot be exterminated. The cult of the wolf among the Kalmyks is manifested in a respectful attitude towards the wolf, which indicates the wide significance of the wolf in the life of the people. The prevalence of fairy tales in the texts of which the wolf is a positive character indicates that he was celebrated, first of all, as a revered animal-totem for certain Kalmyk clans. Representatives of the genus “Chonos” — wolves notes that the name of the genus “Chonos” was forbidden, as a taboo. Avoiding to say “chonos” they describe it as: “gurəsəhn” — animal, arzhr — grinning, hal nydte — with fiery eyes. These taboos regarding the name of the wolf are associated with totemistic ideas. In everyday life of the Kalmyks, it was believed that the skin of an animal, its teeth, and meat possessed magical healing properties. Meat was fed to patients with pulmonary diseases, relying on its healing properties, newborn children were wrapped in the skin of an animal, especially those born weakened, for protective purposes, children were given a wolf’s fang as a remedy for the evil eye. The researcher discovered twelve plots of Kalmyk fairy tales, in which a wolf is one of the main characters.

Keywords: wolf, totem, cult, myth, fairy tale, song.

Волк в традиционных представлениях калмыков

Тамара Горяевна Басангова

Калмыцкий государственный университет, Элиста, Россия,
basangova49@yandex.ru

Одним из самых ярких и сохранившимся до наших дней элементом, отражающим этническую специфику народной культуры калмыков, является культ волка. Образ волка нашел отражение в мифах, сказках, преданиях, запретах калмыков. Почитание волка у калмыков сохранилось в архаической форме. Согласно древним верованиям калмыков, волк не подлежит истреблению. Культ волка у калмыков проявляется в почтительном отношении к волку, что указывало на широкое значение волка в жизни народа. Распространенность сказок, в текстах которых волк является положительным персонажем, свидетельствует о том, что он воспевался, прежде всего, как почитаемое животное-тотем для отдельных калмыцких родов. Представители рода «чонос» — волки отмечает, что название рода «чонос» для представительниц этого рода было запретным, табуированным. избегая говорить «чонос» они произносят «гөрэсэхн» — животное, *арзһр* — скалящийся, *һал нудтэ* — с огненными глазами, данные табуации относительно наименования волка связаны с тотемистическими представлениями. В быту калмыков считалось, что шкура животного, его зубы, мясо обладали магическими излечивающими свойствами. Мясом кормили больных легочными заболеваниями, полагаясь на его целебные свойства, в шкуру животного заворачивали новорожденных детей, в особенности родившихся ослабленными, в оберегающих целях, детям даровали волчий клык как средство от сглаза. Исследователями обнаружено двенадцать сюжетов калмыцких сказок, в которых одним из главных героев является волк.

Ключевые слова: волк, тотем, культ, миф, сказка, песня.

**«Sturdy like a Horse, Grunting like a Pig» —
The Yak in the Culture of Oka Buryats and Soyots**

Veronika A. Beliaeva-Sachuk

Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography
(Kunstkamera) of the RAS, Saint Petersburg, Russia,
belyaeva.veronika@gmail.com

A herd of yaks near the ulus Sorok. Okinsky district, Republic of Buryatia.
Photo by V.A. Belyaeva-Sachuk. 2010.

Стадо яков недалеко от улуса Сорок. Окинский район,
республика Бурятия. Фото В.А. Беляевой-Сачук. 2010.

The Oka district is the only region of Buryatiya, where the local inhabitants traditionally breed yaks. According to the local legends, Khongodors, one of the Buryat groups migrated here from West Mongolia and brought yaks in Oka. Yaks could cross mountain passes both in summer and in winter, owing to their physical abilities and exceptional endurance. Oka people treat yaks with greater respect, than cows, and this is mirrored in the local folklore. Nowadays yaks are one of the symbols of regional and cultural

identity of Oka Buryats and Soyots. This is also a symbol of ties between Oka and Tibet, where local people also breed yaks. Therefore, the yak is connected with Tibetan Buddhism and its distribution in the East Sayan Mountains. The tail, hair and horns of yak are used in the rites of the local form of shamanism. Oka Buryats and Soyots use ropes made of yak wool to protect their houses from evil spirits. Yaks play an important role in the local tourism development — the tradition of yak milking and production of souvenirs made of yaks' wool are being revived now.

Keywords: Oka Buryats and Soyots, yaks, shamanism and Buddhism.

The report was prepared with the financial support of the FPNI Program on the topic «Ethno-cultural diversity of Russian society and strengthening of the All-Russian identity» 2020–2022, the project «Indigenous small peoples of Russia: ethno-cultural projections» (Project Leader A.V. Golovnev).

**«Выносливый как лошадь, хрюкающий как свинья»:
як в культуре окинских бурят и сойотов**

Вероника Александровна Беляева-Сачук

Музей антропологии и этнографии имени Петра Великого
(Кунсткамера) РАН, Санкт-Петербург, Россия,
belyaeva.veronika@gmail.com

Окинский район — единственный регион Бурятии, где местные жители традиционно разводят яков. Согласно местным легендам, хонгодоры, одна из бурятских этнотерриториальных групп, мигрировавшие сюда из Западной Монголии, привели с собой яков. Эти животные могли пересекать горные перевалы как летом, так и зимой, благодаря своим физическим способностям и исключительной выносливости. Жители Окинского края относятся к якам с большим уважением, чем к коровам, и это отражено в местном фольклоре. В настоящее время яки являются одним из символов региональной и культурной самобытности окинских бурят и сойотов. Это также символ связей между Окой и Тибетом, где местные жители

также разводят яков. Таким образом эти животные местным населением связываются с тибетским буддизмом и его распространением в Восточных Саянах. В обрядах локальной формы шаманизма также используются хвост, шерсть и рога яка. Окинские буряты и сойоты используют веревки из шерсти яка, чтобы защищать свой дом от злых духов. Як играет важную роль в развитии местного туризма — в настоящее время возрождаются традиции доения яков и изготовления сувениров из шерсти яка.

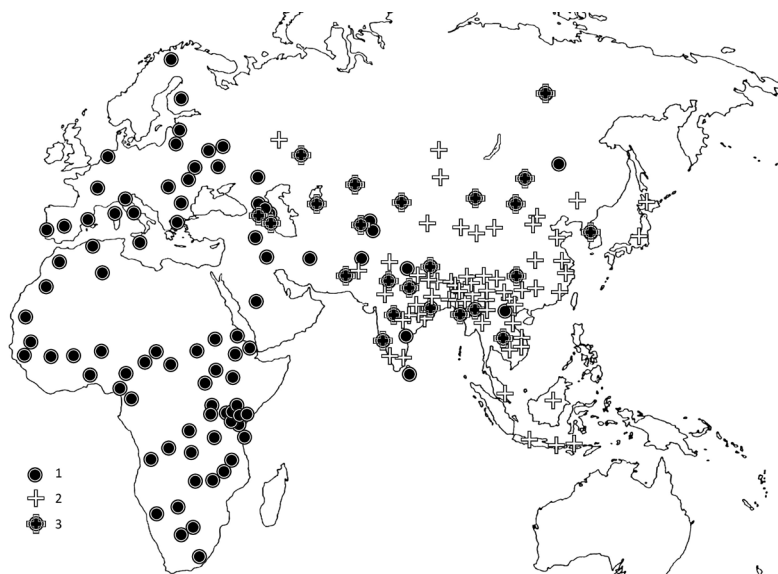
Ключевые слова: окинские буряты и сойоты, яки, шаманизм и буддизм.

Доклад подготовлен при финансовой поддержке Программы ФПНИ по теме «Этнокультурное многообразие российского общества и укрепление общероссийской идентичности» 2020–2022 гг., проект «Коренные малочисленные народы России: этнокультурные проекции» (рук. А.В. Головнёв).

Types of Animal Actors in Traditional Narratives

Yuri Ye. Berezkin

Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography
(Kunstkamera) of the RAS, Saint Petersburg, Russia,
berezkin1@gmail.com

Distribution of Lion and Tiger as failures who because of their stupidity and antisocial behavior are injured, humiliated or killed in. 1.

The lion. 2. The tiger. 3. Both.

Изображение Льва и Тигра как неудачников, которые из-за своей глупости и антиобщественного поведения ранены, унижены или убиты. 1. Лев. 2. Тигр. 3. Лев и Тигр.

It has been checked/shown that animals act/feature in a sixth of 1600 narrative episodes which have been distributed in 2900 traditions of the world. They play five principal roles: trickster-deceiver, smart winner, strong adversary, weak adversary (failure), and helper. There is no correlation between biology of the species and its role as the trickster though big animals never play such a role. Widespread tricksters are foxes/jackals and hares/rabbits. Areas of ravens/crows and spiders are more restricted and of 10–15 other

species are even smaller. The Old World distribution of foxes/jackals is continuous besides the South African enclave separated from North Africa by the Tropical African hare zone (to South Africa the motif was brought by Khoekhoe herders ca. 2000 B.P. The Asian origin of the trickster coyote in North America and the fox in South America are plausible. The area of the trickster hare consists of Tropical African and Southeast Asian parts. The rabbit is endemic of the American Southeast predating the post-Colonial African borrowings. The monkey as a trickster is rare and in China it is the weak adversary. In traditions where foxes or hares are tricksters, they are usually helpers too. The trickster is not a universal character and should not be mixed up with the smart winner like the barking deer (Indonesia) or turtle (South America). The hedgehog plays the same role in Maghreb and across parts of Europe. Big predators are failures. The predominance of the wolf in such a role in Europe and the bear in North America is not related to the geographic distribution of these species (both are common across all the Boreal zone). Aspects of folklore under consideration are a result of the long interaction between natural conditions and chance historical circumstances. How much (if at all) some peculiarities of the human mind influenced the narratives (trickster = helper) is a question for psychologists.

Keywords: animal tales, trickster, types of characters in traditional narratives, historical folklore studies.

Типы животных-актеров в традиционных повествованиях

Юрий Евгеньевич Берёзкин

Музей антропологии и этнографии имени Петра Великого
(Кунсткамера) РАН, Санкт-Петербург, Россия, berezkin1@gmail.com

Примерно в каждом шестом из около 1600 повествовательных эпизодов, чье распространение прослежено нами по почти тысяче традиций мира, животным принадлежит ведущая роль. В Новом Свете эта доля выше, но там само деление персонажей на антропо- и зооморфных не всегда релевантно. Животные

выступают в ролях трикстера-обманщика, хитреца-победителя, сильного противника, противника-неудачника и помощника. Связь между биологическими особенностями вида и его ролью трикстера отсутствует, хотя крупные животные трикстерами не бывают. Чаще всего трикстерами являются либо лиса/шакал, либо заяц/кролик. Ареалы распространения ворона и паука на порядок меньше, а полутора десятка других видов вовсе невелики. В Старом Свете ареал лисы/шакала сплошной (в Южную Африку образ принесен с севера койсанами-скотоводами ок. 2000 л.н.). Историческая связь койота на западе Северной Америки и лиса на юге Южной с азиатским прототипом допустима. Ареал зайца разорван: Африка южнее Сахары и юго-восточная часть Азии. Кроме того, заяц-трикстер эндемичен на востоке Северной Америки и, возможно, в Мезоамерике, хотя смешан там с образом, принесенном недавно из Африки. Обезьяна трикстером почти не бывает, а в Китае обычна в роли противника-неудачника. В тех традициях, в которых лиса или заяц являются трикстерами, они же действуют как помощники. В некоторых регионах трикстера нет, есть только хитрец-победитель (оленок на западе Индонезии, черепаха на востоке Южной Америки). В Магрибе и на значительной части Европы эта роль отведена ежу. В роли неудачников выступают крупные хищники: лев, гиена, волк, медведь, тигр, леопард, крокодил, ягуар. Преобладание волка в Европе и медведя в Америке не связано с особенностями распространения данных видов, обитающих во всей бореальной зоне — это историческая случайность. Функция исполнителей определенных ролей наверняка закрепилась за определенными видами еще в палеолите, возможно, до ледникового максимума. Как и культура в целом, данные аспекты фольклора есть результат взаимодействия особенностей среды и случайных, не поддающихся реконструкции обстоятельств. Имели ли значение гипотетические универсальные закономерности (трикстер = помощник) — вопрос к психологам.

Ключевые слова: сказка о животных, трикстер, типы персонажей в традиционных нарративах, историческая фольклористика.

Ethno-cultural Projections of Images of Real and Mythical Animals on the Modern Family Emblems of the Nanai People as the Basis for Constructing a Family Identity

Sergey V. Berezniitsky

Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera) of the RAS, Saint Petersburg, Russia,
svberezniitsky@yandex.ru

Tamga of the Nanai clan Aktanko. The central figure symbolizes the tiger — the sacred progenitor of the family. Dzhari, Nanaisky District, Khabarovsk Krai, Photo by S. Berezniitsky, June 2021.

Тамга нанайского рода Актанко. Центральная фигура символизирует тигра — священного прародителя рода. С. Джари, Нанайский район, Хабаровский край, Фото С. Березницкого, июнь 2021 г.

Currently, in the culture of the Nanai people, examples of decorative art are widely distributed, called family emblems, coats of arms, or banners. Most often they are painted or embroidered on colored fabric, however there are also drawings on small stones. At their core, these emblems, or coats of arms have a three-part composition that differs from each specific generic division of modern Nanai society. The upper part is represented by a symbolized, stylized image of a real or mythical animal: a deer or its horns, a raven, a kite, a swan, a hawk, a rooster, a tiger, a bear, a snake, a turtle, an earthly water or heavenly dragon. The tracteries of the middle and lower parts symbolize fishing activities, ancestral lands, parts of the universe, various elements, seasons and names of months, or ethno-cultural contacts. These emblems are actively used in almost all modern folklore and other holidays as generic banners. It is important to trace how through the mechanism of ethno-cultural projections, modern Nanais construct components of their history, culture, indicators and signs of ethnicity through these coats of arms. In the process of construction, the Nanais represent real and mythical animals as generic totems, emblems of segments of their society, regulators of social relations, according to the well-known expression of K. Levi-Strauss. Some representatives of the Nanai ethnic group try to draw a direct ethno-cultural line to the Jurchens as their potential ancestors. Very relevant, in the context of the modern powerful globalization impact, are attempts to identify the rudiments of the Nanai script before the Slavic period on the basis of preserved Jurchen samples, including in the form of various emblems on ceramic dishes. Researchers (Yu.A. Sem, E.V. Shavkunov, etc.) noted some semantic similarity of the Jurchen emblems with Nanais, Ulchis, and Udeges, examples of which are recorded in archival documents, objects of craft and other types of ethnographic sources.

Keywords: Nanai, Jurchen, family emblems, animals.

The presentation was prepared with the financial support of the FPNI Program on the topic «Ethno-cultural diversity of Russian society and strengthening of the All-Russian identity» 2020–2022, the project «Indigenous small peoples of Russia: ethno-cultural projections» (Project Leader A.V. Golovnev).

Этнокультурные проекции образов реальных и мифических животных на современных тамгах нанайцев как основа конструирования родовой идентичности

Сергей Васильевич Березницкий

Музей антропологии и этнографии имени Петра Великого
(Кунсткамера) РАН, Санкт-Петербург, Россия,
svbereznitsky@yandex.ru

В настоящее время в культуре нанайцев широко распространены образцы декоративного искусства, именуемые родовыми тамгами, гербами, знамёнами. Чаще всего они нарисованы или вышиты на цветной ткани, встречаются и рисунки на небольших камнях. В своей основе эти тамги, гербы имеют трехчастную композицию, отличающуюся у каждого конкретного родового подразделения современного нанайского общества. Верхняя часть представлена символизированным, стилизованным изображением реального или мифического животного: оленя или его рогов, ворона, коршуна, лебедя, ястреба, петуха, тигра, медведя, змеи, черепахи, земного, водного или небесного драконов. Узоры средней и нижней частей символизируют промысловую деятельность, родовые угоды, части вселенной, различные стихии, сезоны года и названия месяцев, этнокультурные контакты. Данные тамги активно используются практически во всех современных фольклорных и других праздниках в качестве родовых знамен. Представляется важным проследить, как через механизм этнокультурных проекций современные нанайцы конструируют посредством этих гербов компоненты своей истории, культуры, показатели и признаки этничности. В процессе конструирования нанайцы представляют реальных и мифических животных в качестве родовых тотемов, эмблем сегментов своего общества, регуляторов социальных отношений, по известному выражению К. Леви-Стросса. Отдельные представители нанайского этноса стараются провести прямую этнокультурную линию к чжурчжэням, как к своим потенциальным предкам. Очень актуальными, в контексте современного мощного глобализационного

воздействия, выглядят попытки выявления зачатков нанайской письменности до славянского периода на основе сохранившихся чжурчжэньских образцов, в том числе и в виде разнообразных тамг на керамической посуде. Исследователи (Ю.А. Сем, Э.В. Шавкунов и др.) отметили некоторое семантическое сходство чжурчжэньских тамг с нанайскими, ульчскими, удэгейскими, примеры которых зафиксированы в архивных документах, предметах промысла и других видах этнографических источников.

Ключевые слова: нанайцы, чжурчжэни, родовые тамги, животные.

Доклад подготовлен при финансовой поддержке Программы ФПНИ по теме «Этнокультурное многообразие российского общества и укрепление общероссийской идентичности» 2020–2022 гг., проект «Коренные малочисленные народы России: этнокультурные проекции» (рук. А.В. Головнёв).

Enemies or Relatives? Human and Wolf Interactions among Indigenous People of East Siberia

Donatas Brandišauskas

Vilnius University, Vilnius, Lithuania, d.brandisauskas@gmail.com

Invasion of wolves, Tungokochen, Zabaikal'skii krai.

Photo by D. Brandišauskas.

Нашествия волков, с. Тунгокочен, Забайкальский край.

Фото Д. Брандишаускаса.

In this presentation, by exploring mutual interactive dimensions, communication, contextualized knowledge and discourses between Siberian indigenous reindeer herders, hunters and wolves, I aim to reveal how the wolf is featured in daily indigenous lives and vice versa in dynamically changing socio-environmental contexts. I will show that the wolf has been one of the most important players of indigenous social life, morality and territoriality. Hence, wolves are known by people as individual persons with their ambiguous agencies that are learned by humans through an active process of socialization, rivalry as well as from experiences of sharing common living places and establishing co-residences. I will ethnographically show how humans and wolves domesticate each other through everyday engagements and communications also establishing entangled relations. I will also describe the contemporary ambiguity Evenki have to deal with in the context of a shifting economic and ecological environment as well as changing animals' behavior.

Keywords: wolves, reindeer herders and hunters, co-domestication, Siberia, ecosemiotic communication.

Враги или родственники? Взаимодействие человека и волка у коренных народов Восточной Сибири

Донатас Брандишаускас

Вильнюсский университет, Вильнюс, Литва,
d.brandisauskas@gmail.com

В своем докладе, исследуя взаимные интерактивные измерения, общение, контекстуализированные знания и взаимодействия между сибирскими коренными оленеводами, охотниками и волками, я стремлюсь показать, как волк проявляется в повседневной жизни коренных народов и, наоборот, в динамично меняющихся социально-экологических контекстах. Я продемонстрирую, что волк был одним из самых важных участников общественной жизни, моральных норм и территориальности коренных народов. Соответственно, волки известны людям как отдельные личности, наделенные своими

неоднозначными свойствами, с которые люди знакомятся в процессе активного процесса социализации, соперничества, а также на основе опыта совместного проживания и формирования совместной территории проживания. Я покажу, как с этнографической точки зрения люди и волки приручают друг друга посредством повседневных занятий и общения, в то же время устанавливая запутанные взаимоотношения. Я также опишу неоднозначность, с которой эвенки сталкиваются в наши дни в контексте меняющейся экономической и экологической среды, а также изменения поведения животных.

Ключевые слова: волки, оленеводы и охотники, взаимное приручение, Сибирь, экосемиотическая коммуникация.

«Infernal Creatures» or «Another Branch of Civilization»? On the Question of the Relationship between Humans and Insects

Olga Ye. Brednikova

Centre for Independent Social Research, Saint Petersburg, Russia,
bred8@yandex.ru

In the era of the Anthropocene (the understanding of the importance of which was repeatedly strengthened by the pandemic), a person rethinks the position of anthropocentricity, the relations of people and animals or, more broadly, people and “non-humans” are redefined. The paper focuses on the relationship between humans and insects living in our homes. The fact that you are “not alone at home” is often experienced very emotionally. A person is forced to choose strategies of coexistence or struggle with tiny, almost invisible creatures, redefine the boundaries of themselves and their space. I analyze the relationship between humans and insects through the whole range of emotions experienced by a person, the most common of which are:

1) disgust. In this case the insects are interpreted as a kind of alien (“infernal creature”, “another branch of evolution”), violating the boundaries of intimacy, bodily integrity, etc.

2) fear. Often the descriptions of relations with insects are dominated by the rhetoric of war (aggressors, weapons, victory or defeat, etc.). Such rhetoric leads to an understanding of the existing social order, for example — what is the house, which gender regime dominates, and so on.

3) shame is experienced within the framework of the discourse on social hygiene when the appearance of insects in the house is considered through the concept of dirt and social (class) boundaries, and then the presence of insects in the house is hidden.

4) charm / sympathy. Informants also produce anthropomorphism of insects (giving them names, attributing human properties and characteristics to them, etc.), as well as experiencing positive emotions when insects are considered as pets. As a rule, this attitude to insects is implemented within the framework of an ecological discourse.

Keywords: insects in the house, emotions, rhetoric of war, practices of subjectivation.

The paper is based on a study conducted in the project “Primus inter pares? Multi-species neighborhood in Russia and Finland” (financing by the KONE Foundation).

**«Адские создания» или «Другая ветвь цивилизации»?
К вопросу о взаимоотношениях человека и насекомых**

Ольга Евгеньевна Бредникова

Центр независимых социологических исследований,
Санкт-Петербург, Россия, bred8@yandex.ru

В эпоху антропоцена, понимание важности которой многократно усилила пандемия, человек переосмысляет позицию антропоцентричности, переопределяются отношения людей и животных или, более широко, людей и «не-человеков» (unhumans). В фокусе выступления — анализ взаимоотношений человека и насекомых, обитающих в наших домах. Осознание факта, что ты «не один дома», зачастую, переживается очень эмоционально. Человек вынужден выбирать стратегии сосуществования или борьбы с крошечными, почти незаметными существами, переопределять границы себя и своего пространства. К пониманию взаимоотношений человека и насекомых я подхожу через анализ целого спектра эмоций, испытываемых человеком, самые распространенные из которых:

1) омерзение/ отвращение. В данном случае насекомое понимается как некий чужой («адское создание», «другая ветвь эволюции»), нарушающий границы интимности, телесную целостность и пр.

2) страх. Зачастую, в описаниях отношений с насекомыми доминирует риторика войны (агрессоры, оружие, победа или поражение и пр.). Такая риторика подводит к пониманию существующего социального порядка, в частности, что такое дом, какой гендерный режим доминирует и так далее.

3) стыд испытывается в рамках дискурса о социальной гигиене, когда появление насекомых в доме рассматривается

через понятие грязи и социальных (классовых) границ, и тогда присутствие насекомых в доме скрывается.

4) очарование / симпатии. Удивительным образом при соблюдении определенной дистанции и правил взаимодействия возможно не только сосуществование человека и насекомых, но и производство их антропоморфности (наделение их именами, приписывание им человеческих свойств и характеристик и пр.), а также переживание позитивных эмоций, когда насекомые рассматриваются в качестве домашних питомцев. Как правило, такое отношение к насекомым реализуется в рамках экологического дискурса.

Ключевые слова: насекомые в доме, эмоции, риторика войны, практики субъективации.

Доклад основан на исследовании, проведенном в рамках проекта «Primus inter pares? Мультивидовое соседство в России и Финляндии» (финансирование фонда КОНЕ).

Classical and Christian Zoologies in Late Antiquity

Noah Cashian

Warburg Institute, London, UK, ncashian@gmail.com

An assortment of animals from a mosaic at Huwat [Manar Al-Athar photo-archive: http://www.manar-al-athar.ox.ac.uk/dams/pages/search.php?search=!collection2790&bc_from=themes].

Коллекция животных на мозаиках в Хувате [Фотоархив Манар ал-Асар: http://www.manar-al-athar.ox.ac.uk/dams/pages/search.php?search=!collection2790&bc_from=themes].

Across the Graeco-Roman and subsequent Christian civilization, it was hierarchy that consistently underpinned the social, political,

and intellectual fabric of society. The questions which present the greatest allure for scholars relate to the pressure-points at which a hierarchy — or its supporting taxonomy — flounders, and the consequences this has for the coherency of the wider hierarchical structure and its contribution to the scaffolding of wider society. There are many examples to draw upon, but at their core these questions are reducible to a single issue: what is a human? Philosophers and ancient historians have wrestled with the ancient legacy on this question for generations, focusing upon what does and does not qualify a person as being free and virtuous. Over the past half-century, the discussion has widened in accordance with societal developments and feminist theory. Now we ask not only what entitles one man to rule and another to be ruled, but how ruler and ruled alike are cast in opposition to woman. As such, the gaze of the academic reader has expanded and brought out fresh perspectives. After thirty years of gradual development, another shift has come about. It does not compare master with slave, nor man with woman, but examines what relationship each of these had with the irrational Other — the animal — that lurks in the background of ancient authors. Stepping back from the framework of hierarchy, this paper will look at how conceptions and taxonomies of created beings (humans; animals) were formed and re-formed between the traditions of the classical world and those of the Christian late antique period. Rather than restating obscure zoological lore, emphasis will be given to the ways in which dialogues on animals were reflective of the anxieties and tensions that emerged during the cultural and intellectual transitions of the fourth century.

Keywords: zoology, late antiquity, Philostorgius, history.

Классическая и христианская зоологии в период поздней античности

Ной Кэшиан

Институт Варбурга, Лондон, Великобритания, ncashian@gmail.com

В эпоху греко-римской и последующей христианской цивилизации социальная, политическая и интеллектуальная

структуры общества неизменно поддерживались с помощью иерархии. Вопросы, которые представляют наибольший интерес для ученых, касаются болевых точек истории, в которых иерархия — или поддерживающая ее таксономия — ослабевает, и последствий, которые это состояние имеет для согласованности более широкой иерархической структуры и ее вклада в укрепление общества в целом. Можно привести множество примеров, но по своей сути эти вопросы сводятся к одной проблеме: что есть человек? Философы и древние историки погружались в древнее наследие по этой проблеме на протяжении поколений, пытаясь ответить на вопрос, что делает человека свободным и добродетельным, а что нет. За последние полвека дискуссия расширилась вследствие развития общества и феминистской теории. Теперь мы задаемся не только вопросом, что дает право одному человеку править, а другому — подчиняться, но и вопросом, как и правитель и управляемый противопоставляются женщине. Таким образом, взгляд академического читателя расширился, и открылись новые перспективы. Далее, через тридцать лет постепенного развития произошел еще один сдвиг. Мы не сравниваем господина с рабом или мужчину с женщиной, но исследуем, какие отношения у каждого из них были с иррациональным Иным — животным — которое скрывается на заднем плане историй древних авторов. Отступая от концепции иерархии, мы рассмотрим, как концепции и таксономии сотворенных существ (людей, животных) формировались и реформировались, начиная с традиций классического мира и заканчивая традициями христианского мира позднего античного периода. Вместо того, чтобы пересказывать смутные зоологические предания, акцент будет сделан на том, каким образом диалоги о животных отражали тревогу и напряжение, возникшие во время культурных и интеллектуальных переходных периодов четвертого века.

Ключевые слова: зоология, поздняя античность, Филосторгий, история.

A Bear in the Village: Paradoxes of Human-predator Relationships in Chukotka

Vladimir N. Davydov, Elena A. Davydova

Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera) of the RAS, Saint Petersburg, Russia,
davydov.kunstkamera@gmail.com; elenav0202@gmail.com

Waiting for a polar bear. Koliuchin Island. Chukotka.

Photo by V. Davydov, 2019.

Ожидание белого медведя. Остров Колючин. Чукотка.

Фото В. Давыдова, 2019.

The authors will analyze a specific episode of the relationship between humans and a polar bear in a coastal village in Chukotka. The relationship between humans and this animal has a long history in the region. Nowadays new actors of these relations such as scientists, environmental movements, tourists, and government institutions have appeared. The intersection of different points of view and intentions considerably changes the structure of interaction between local people and predators.

Keywords: Polar bear, Chukotka, coastal village, human-predator relationships.

The research was supported by the Russian Science Foundation (project No. 19-78-10002).

Медведь в селе: парадоксы взаимоотношений человека и хищника на Чукотке

Владимир Николаевич Давыдов, Елена Андреевна Давыдова

Музей антропологии и этнографии имени Петра Великого (Кунсткамера) РАН, Санкт-Петербург, Россия,
davydov.kunstkamera@gmail.com; elenav0202@gmail.com

В докладе будет проанализированы конкретные эпизоды взаимоотношений человека и белого медведя в прибрежном селе на Чукотке. Отношения человека и этого животного имеют давнюю историю в регионе. Сейчас появляются новые участвующие в них акторы — ученые, энвайронментальные движения, туристы, государственные институты. Столкновение разных точек зрения и интенций существенно меняет структуру взаимодействия местных жителей и хищников.

Ключевые слова: белый медведь, Чукотка, прибрежное село, отношения человека и хищника.

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 19-78-10002).

Tame(d) Reindeer, Wild Tourists and GPS Trackers: an Anthropological Perspective on Various Forms of Contemporary Sámi-Reindeer Relationships on the Norwegian Side of Sápmi

Erika De Vivo

University of Turin, Turin, Italy, erika.devivo@unito.it

Tame(d) reindeer and wild tourists. Photo by E. De Vivo. 2020.

Одомашненные северные олени и дикие туристы.

Фото Э. Де Виво. 2020.

This contribution discusses the multifaceted and complex human–animal relationship between Sámi peoples (the only indigenous people of Europe) and reindeer, an animal that, throughout the centuries, has been at the basis of Sámi subsistence activities while also fulfilling important symbolic roles.

The aim of the paper is to address the mutual nature of the Sámi-reindeer relationship from a diachronic perspective, with a focus on relatively recent forms of coexistence. The analysis of both tourism and different forms of pastoralism in a North Sámi context

will be at the core of my reflections about Sámi domestication and exploitation of reindeer. In particular, I discuss the potential positive and negative outcomes intrinsic to the development of tourists-tailored reindeer-farms as well as the growing role of technology on large-scale reindeer herding. Such reflections seek to investigate whether these practices may prove to constitute alternative ways of preserving and adapting Sámi reindeer herding knowledge in the European Arctic, a natural and geo-cultural context changing at an alarmingly rapid pace and in unforeseeable ways due to the effects of climate change.

This contribution, which has been developed after 16-months ethnographic fieldwork on the Norwegian side of Sápmi, is based on a twofold approach: I have combined a more theoretical framework grounded in studies on Sámi reindeer pastoralism (Ingold 1987, 2002; Bjørklund 2013) as well as on recent research on Sámi history (Seitsonen & Viljanmaa 2021) with the personal experience I gained while carrying out ethnographic fieldwork as part of my PhD course in Cultural Anthropology and Ethnography. Furthermore, I have included the insights of some of my Sámi interlocutors into the reflections here delineated.

Keywords: Sámi, reindeer, tourism, wild tourism, GPS trackers.

**Одомашненные северные олени, дикие туристы
и GPS-трекеры: антропологический взгляд на различные
формы современных взаимоотношений саамов
и оленей на норвежской стороне Лапландии (Sápmi)**

Эрика де Виво

Туринский университет, Турин, Италия, erika.devivo@unito.it

Мое исследование посвящено многогранным и сложным взаимоотношениям людей и животных между саамами (единственным коренным народом Европы) и северным оленем, животным, которое на протяжении веков играло ключевую роль в обеспечении жизнедеятельности саамов, а также выполняло важные символические задачи.

Цель данной статьи — рассмотреть взаимоотношения саамов с северными оленями в диахронии, уделяя особое внимание относительно новым формам их взаимоотношений. Для моих выводов относительно domestikации и способов использования оленей у саамов ключевую роль играет анализ данных о туризме и разных видах пастбищного животноводства у северных саамов. В частности, я рассматриваю возможные положительные и отрицательные влияния развития оленеводческих центров туристической направленности и растущую роль новых технологий в крупном оленеводстве. Цель этих изысканий — выяснить, смогут ли эти новые практики стать альтернативными способами сохранения и адаптации традиционных саамских оленеводческих знаний в Европейской Арктике, там, где природный и геокультурный контекст меняется в результате климатических изменений так пугающе быстро и непредсказуемо.

Доклад, основанный на полевой этнографической работе в течение 16 месяцев на норвежской стороне Сапми, базируется на двустороннем подходе. Теоретический подход к саамскому оленеводству (Ingold 1987, 2002; Bjørklund 2013) и последние исследования истории саамов (Seitsonen&Viljanmaa 2021) я совмещаю с личным опытом, полученным в ходе полевой работы во время пребывания в аспирантуре по специальности «Культурная антропология и этнография». Я также привожу суждения своих саамских собеседников по рассматриваемым вопросам.

Ключевые слова: саамы, северный олень, туризм, дикий туризм, GPS-трекеры.

**To “Speak Horse” in the Himalayas and Argentina:
To What Extent Does Communication Between Humans
and Horses Depend on a “Language”,
and How Does it Differ in Distant Cultural Contexts?**

Yancen Diemberger

University of Exeter, Exeter, UK, yd308@exeter.ac.uk

Tibetan horse-science manuscript from the Tucci collection, ISMEO, Rome.
Тибетская рукопись о коневодстве из коллекции Туччи, ISMEO, Рим.

All over the world there are increasing debates around where to place horses on the spectrum of subjectivity, agency, cognitive ability and ethical responsibility. My research explores how the different cultural dynamics within which the horse is embedded reflect on living equitation practices. I explore two different horse cultures in Argentina and Nepal, and within them the construction of communicative frameworks between horses and humans.

In my undergraduate research in Tibetan Studies, I came across a Tibetan manuscript on horse-science in the IsIAO (ISMEO)

library in Rome. This illustrated text is tentatively dated to the 18th century and includes extracts from as early as the 9th century. In Tibetan, the horse is classified as a *semchen* (sentient being) and is referred to as having a *namshe* (principle of consciousness) similar to humans. These characteristics shape living equitation practices in western Nepal and resonate across the globe to central Argentina, specifically in the fieldwork sites of my cross-cultural, comparative ethnography.

Horse-training in both sites highlights tensions between horse instrumentality and intersubjectivity. Rather than suggesting monolithic, ontologically different horse cultures, equitation practices demonstrate different ways of negotiating horse-human relationships within different moral frameworks.

The cross-cultural element not only allows me to compare a wide range of approaches to equitation, with human-horse “language” changing alongside the human cultural context, but it also provides a deeper understanding of embodied knowledge, ethical implications and cultural tensions involved in human-horse connections. More generally I see my exploration within the framework of “multispecies multi-sited ethnography” in the context of a wider rethinking of human-animal relationships.

Keywords: horses, human-animal relations, cross-cultural ethnography, Nepal, Argentina.

**«Говорить на лошадином языке» в Гималаях и Аргентине:
в какой степени общение между людьми и лошадьми
зависит от «языка» и чем оно отличается в удаленных
культурных контекстах?**

Янсен Дембергер

Эксетерский университет, Эксетер, Великобритания,
yd308@exeter.ac.uk

Во всем мире все чаще возникают споры о том, где разместить лошадей по спектру субъективности, свободы воли, когнитивных способностей и этической ответственности. В сво-

ем исследовании я изучаю как различная культурная динамика, в которой находится лошадь, отражается на практике верховой езды. Я исследую культуры верховой езды в Аргентине и Непале, и как строится коммуникация между лошадьми и людьми в каждой из них.

Во время моего студенческого исследования по тибетологии мою была обнаружена тибетская рукопись по коневодству в библиотеке IsIAO (ISMEO) в Риме. Этот иллюстрированный текст был ориентировочно датирован 18 веком и включал отрывки, относящиеся к 9 веку. На тибетском языке лошадь классифицируется как семчен (разумное существо) и упоминается как имеющая намше (принцип сознания) подобно человеку. Эти характеристики формируют существующие до нашего времени практики верховой езды в западном Непале и находят отклик во всем мире, вплоть до центральной Аргентины, особенно в районе полевых исследований моей кросс-культурной сравнительной этнографии.

Обучение верховой езде в обоих районах подчеркивает противоречия между инструментальностью лошади и интерсубъективностью. Вместо того, чтобы показать монолитные, онтологически разные конные культуры, практики верховой езды демонстрируют разные способы построения взаимоотношений лошади и человека в различных моральных рамках.

Кросс-культурный подход позволяет мне сравнивать широкий спектр подходов к верховой езде, где «язык» коммуникации человека и лошади изменяется в соответствии с человеческим культурным контекстом; этот подход также обеспечивает более глубокое понимание воплощенных знаний, этических последствий и культурных сложностей во взаимоотношениях человека и лошади. В более общем плане я рассматриваю свои исследования в рамках «многовидовой многоаспектной этнографии» в контексте более широкого переосмысления взаимоотношений человека и животных.

Ключевые слова: лошади, отношения между человеком и животными, кросс-культурная этнография, Непал, Аргентина.

Ethnobiology Interspecific Uses of Medicinal Resource and Knowledge Transfers: The Case of Mahouts and Elephants in Sayabury Province in Laos

Jean-Marc Dubost

National Natural History Museum, Paris, France, jm.dubost@gmail.com

Elephant taking traditional medicine prepared by a mahout.

Photo by J.-M. Dubost

Слон принимает народное снадобье, приготовленное махутом (погонщиком). Фото Ж.-М. Дюбо

Examination of dental calculus in a hominin dating to 1.2 million years ago has provided evidence that hominins practiced self-medication using plant substances. This hypothesis is supported by self-medicating behaviours evidenced in chimpanzees. Also, the overlap between the pharmacopoeias of traditional ethnoveterinary and human medicines and the diet of certain animal species indicates convergence between humans and animals in the use of medicinal plants. In nonhuman primates phylogenetically close to humans, these convergences could result from common genetic

legacy, but in animals more distant from us, they rather attest either to independent acquisition of respective habits or to interspecific knowledge transfer.

In a study of lifestyles uniting mahouts (elephant handlers) and elephants in Laos, focusing on the ways observation of animals might enrich local pharmacopoeia, we registered certain medicinal practices resulting from close contact with these animals, which, according to traditional custom, are occasionally released in the wild, and from the care provided to them.

We will address the interspecific transfer of medicinal knowledge and human/animal interaction resulting from the sharing of resources between both species living in the same environment.

Keywords: animal self-medication, ТМК, interspecific knowledge.

Межвидовое использование медицинских ресурсов и передача знаний: кейс погонщиков и слонов в провинции Саябури в Лаосе

Жан-Марк Дюбо

Национальный музей естественной истории, Париж, Франция,
jm.dubost@gmail.com

Исследование зубного камня гоминина, датируемого возрастом 1,2 миллиона лет, предоставило доказательства, свидетельствующие о том, что гоминины занимались самолечением с помощью растительных веществ. Эта гипотеза подтверждается практиками самолечения у шимпанзе. Кроме того, совпадения фармакопей традиционных этноветеринарных и человеческих лекарств и рациона некоторых видов животных предполагают совпадение в использовании видов лекарственных растений у людей и животных. Что касается нечеловеческих приматов, филогенетически близких к человеку, эти совпадения могут быть результатом поведения, унаследованного от предка, общего для обеих линий, но в отношении животных, более далеких от нас, они скорее отражают совпадение навыв-

ков использования, либо независимо приобретенных, либо в результате межвидовой передачи знаний.

В ходе исследования, проведенного в Лаосе и изучившего взаимосвязь и близость образа жизни, объединяющую погонщиков и слонов, проведенного с целью определить, как наблюдение за животными могло способствовать развитию местной фармакопеи человека, мы выделили ряд лечебных практик, которое является результатом множественного взаимодействия между наблюдением за этими животными, которых в традиционной практике периодически выпускают в лес, и методами ухода за ними. Мы рассмотрим вопрос межвидовой передачи медицинских знаний и взаимодействий между людьми и животными в свете этого комплекса, который проистекает из использования обоими видами общих ресурсов в одной среде.

Ключевые слова: самолечение у животных, ТМК, межвидовые знания.

**One Health: Applied Ecological Intelligence
in Human-Animal Relationship. A Critical Investigation
of the Cultural Paradigm Underpinning the 2030 Agenda**

Vienna Eleuteri

Italian Society of Applied Anthropology, Rome, Italy,
viannaheld@icloud.com

Photo by Kailash Kumar (<https://www.pexels.com>).

Фото Кайлаша Кумара (<https://www.pexels.com>).

The identification of the human-animal relationship patterns entails an understanding of the web of meanings that — throughout history and in different cultural contexts — human beings have adopted to act consciously and effectively in the world.

It is pivotal not only for the influence it has exerted on the biological and social evolution of our species but also for the greater understanding of the cosmology underlying contemporary societies and the challenges we are facing today.

My research in this field relates to the anthropological disciplines and focuses on the critical investigation of the ontology underlying the cultural model in the age of the Anthropocene and the increasingly urgent problems it poses, both considering the challenge of the sustainable development agenda and in terms of the mutual relationship between human and environmental health in the One Health framework.

The reference to cultural and cognitive models pertaining to the 'indigenous' context is gaining increasing prominence within anthropological research, but also within a transdisciplinary approach of critical investigation in search of answers which are useful to recover the ecological intelligence necessary to define a new paradigm of co-existence and interspecies relations.

The international community also recognizes — now more than ever — the need to develop a new paradigm for defining a cultural model which is able both to integrate the ontology of so-called indigenous knowledge and to overcome the nature — culture dualism that underlies the dysfunctional relationship between humans and animals today. This kind of integration requires a critical approach that looks beyond sustainability and considers the most current and interdisciplinary knowledge of the impact of natural ecosystems on the well-being of human communities and their interdependence.

A case study is presented to highlight and critically investigate both the social dynamics triggered by culturally diverse groups regarding the nature of the human-animal relationship and the options for governance that integrate even opposing positions within the complex and heterogeneous social environment of contemporary societies.

Keywords: applied anthropology, interspecies relations, ecological intelligence, one health, sustainability.

**Единое здоровье: прикладное экологическое мышление
во взаимоотношениях человека и животных.**

**Критическое исследование культурной парадигмы,
стоящей в повестке дня до 2030 г.**

Вена Элеутери

Итальянское общество прикладной антропологии, Рим, Италия,
viennaheld@icloud.com

Идентификация моделей взаимоотношений человека и животных дает возможность вникнуть в сеть значений, кото-

рые — на протяжении всей истории и в различных культурных контекстах — человеческие существа приняли, чтобы действовать в этом мире сознательно и эффективно.

Эти взаимоотношения имеют решающее значение не только из-за влияния, которое они оказало на биологическую и социальную эволюцию нашего вида, они важны для лучшего понимания космологии, лежащей в основе современных обществ, и проблем, с которыми мы сталкиваемся сегодня.

Мои исследования в этой области относятся к антропологическим дисциплинам и сосредоточены на критическом исследовании онтологии, лежащей в основе культурной модели в эпоху антропоцена, и сосредоточены на все более актуальных вопросах, которые она ставит как с учетом проблемы повестки устойчивого развития, так и с точки зрения взаимосвязи между здоровьем человека и окружающей средой в рамках концепции Единого здоровья («One Health»).

Отсылки к культурным и когнитивным моделям, относящиеся к контексту коренного населения, приобретают все большее значение не только в антропологических исследованиях, но также и в рамках трансдисциплинарного подхода, критического исследования в поисках ответов, требующихся для восстановления экологического интеллекта, необходимого для определения новой парадигмы сосуществования и межвидовых отношений.

Международное сообщество также признает — сейчас более чем когда-либо — необходимость разработки новой парадигмы для определения культурной модели, способной как интегрировать онтологию знаний так называемых коренных народов, так и преодолеть дуализм природы и культуры, лежащий в основе дисфункциональных отношений между людьми и животными в наши дни. Такой вид интеграции требует критического подхода, который выходит за рамки концепции устойчивого развития и учитывает самые современные и междисциплинарные знания о влиянии природных экосистем на благополучие человеческих сообществ и их взаимозависимость.

Данное тематическое исследование представлено мной с целью выделить и критически исследовать как социальную динамику, запускаемую культурно разнородными группами в отношении характера взаимоотношений человека и животных, так и варианты управления, которые объединяют даже противоположные позиции в сложной и неоднородной социальной среде современных обществ.

Ключевые слова: прикладная антропология, межвидовые отношения, экологическое мышление, единое здоровье, устойчивое развитие.

Animal Categories and Hierarchies in Edo-Period Japan as Stereotyped Models of Humans and Human Society

Donatella Failla

University of Genoa, Genoa, Italy, Donatella.Failla@unige.it

This paper discusses the writings of two Neo-Confucian thinkers who lived and worked in early and mid-Edo period Japan, both of whom used animals as political metaphors and symbols of human beings and their social organisation. The first one is the Complete Collection of Strange Works (Kaidan Zensho 怪談全書) by Hayashi Razan 林羅山 (1583–1657), the famous Neo-Confucian ideologist who served the Shogunate. The second one is the Tales of the World of Law (Hōsei Monogatari 法世物語) by Andō Shōeki 安藤昌益 (1703–1762), a medical doctor who served in the administration of the northern fief of Hachinohe.

Keywords: Edo-Period, Japan, stereotyped models, Neo-Confucian thinkers.

Категории и иерархия животных в Японии периода Эдо как стереотипные модели человека и человеческого общества

Донателла Фаилла

Университет Генуи, Генуя, Италия, Donatella.Failla@unige.it

В этой статье я обращаюсь к трудам двух неоконфуцианских мыслителей, которые жили и работали в Японии в начале и середине периода Эдо. Они оба использовали животных как политические метафоры и символы людей и их социальной организации. Первый труд — это «Полное собрание странных произведений» (Kaidan Zensho 怪談全書) Хаяси Разана 林羅山 (1583–1657), известного идеолога неоконфуцианства, служившего сёгунату. Второй — «Сказания о мире закона» (Hōsei Monogatari 法世物語) Андо Шоэки 安藤昌益 (1703–1762),

врача, который служил в администрации северного феодального владения Хатинохе.

Ключевые слова: период Эдо, Япония, стереотипные модели, мыслители-неоконфуцианцы.

The Bestiary of Sardinian carnival Carrasegare: Figures and Symbols

Oxana D. Fais-Leutskaya

N.N. Miklukho-Maklai Institute of Ethnology and Anthropology RAS,
Moscow, Russia, oxana-fais@yandex.ru

The procession of the Boes (Bulls) of Ottana (prov. Nuoro).

Foto by V. Комарова. 2019.

Шествие Бозэ (быков) из Оттаны (провинция Нуоро).

Фото В. Комаровой. 2019.

Sardinia is a Mediterranean region where the archaic cultural heritage has been preserved to a high degree, especially in the mountainous region of Barbagia. This includes the still vital relics of ancient rites associated with the farewell to winter and the welcome of spring, which in the church tradition are attributed to the Carnival and in the folk tradition — to incantatory and propitiatory rituals and to the cults of demons (daimons). The traditional names for the complex of rituals (for example, Maimone) shed light on both the essence of the action and its symbolic actors. Among the latter, zoomorphic characters of animals that really or hypothetically existed in Sardinia prevail: a pig (Porcu), a wild boar

(Silbone), a bull (Boe), a mountain goat (Beccu), a bear (Ursu), a wild cat (Attu), etc. Not being, with rare exceptions, the object of special research in Sardinia, they seem to be quite interpretable in the system of European and, more broadly, Eurasian, as well as paleochristian symbolism; even the name and nature of Maimone — the supreme demon of Sardinia — can be traced to a similar context by means of linguistic and mythological analysis.

Exploring the figures of these animals, their symbolism and connection with human life in a local context, the author argues for the ancient cultural “multilocality” of their meaning and proves their ritual “presence” in other regions. This challenges the work of numerous researchers who insist that the beasts belong exclusively to the local demonology and exaggerate the “cultural immunity” and isolation of Sardinia, especially Barbagia, minimising or underestimating the degree of Christianization and acculturation of the local environment during the conquests. The author’s approach allows us to fill many gaps in the study of the history and culture of the Mediterranean.

Keywords: Sardinia, Barbagia, carnival, bestiary, demonology.

Бестиарий сардинского карнавала Каррасегаре: фигуры и символы

Оксана Давидовна Фаис-Леутская

Институт этнологии и антропологии имени Н.Н. Миклухо-Маклая
РАН, Москва, Россия, oxana-fais@yandex.ru

Сардиния — регион Средиземноморья, обладающий высокой степенью сохранности, особенно в горной области Барбаджа, своего архаичного культурного наследия, в том числе и витальных сегодня реликтов древнейших обрядов, связанных с проводами зимы и встречей весны, в церковной традиции относимых к Карнавалу, а в народной — к заклинательной и умиловительной обрядности и к культам демонов (даймонов). Сами традиционные названия комплекса обрядов (например, Маймоне) проливают свет как на сущность действия,

так и на его символических акторов. Среди последних преобладают зооморфные персонажи: свинья (Порку), кабан (Силбоне), бык (Боэ), горный козел (Бекку), медведь (Урсу), дикий кот (Атту) и т.д. Не бывшие, за редким исключением, объектом специального исследования в Сардинии, они вполне, на взгляд автора, «прочитываются» в системе европейского и шире — евразийского, а также палеохристианских bestiaria и символизма; даже имя и природа Маймоне — верховного демона Сардинии — расшифровывается в подобном контексте в свете лингвистического и мифологического анализа.

Исследуя фигуры этих животных, их символизм и связь с жизнью человека в локальном контексте, отстаивая древнюю культурную «мультилокальность» их знаковости, доказывая факт их ритуального «присутствия» в других регионах, автор полемизирует со многими исследователями, настаивающими на их принадлежности исключительно локальной демонологии, абсолютизирующими степень «культурного иммунитета» и изолированности Сардинии и особенно Барбаджи и минимизирующими или недооценивающими степень христианизации и аккультурации местной среды в ходе завоеваний. Подход автора позволяет восполнить многие лакуны в исследовании истории и культуры Средиземноморья.

Ключевые слова: Сардиния, Барбаджа, карнавал, bestiarii, демонология.

Deceased Animals in Ancient Greek and Roman Literature

Thorsten Fögen

Durham University, Durham, UK, thorsten.foegen@durham.ac.uk

Tombstone of the dog Aeolis. *Aeolidis tumulum festivae cerne catellae, / quam dolui inmodice raptam mihi praepete fato* (Look at the tombstone of Aeolis, the pleasing little dog, / whose death, caused by a sudden fate, I have deplored beyond measure)[AE 1994.0348, Praeneste / Italy, second century A.D.].

Надгробие собаки Эолиды. *Aeolidis tumulum festivae cerne catellae, / quam dolui inmodice raptam mihi praepete fato* (Взгляните на надгробие Эолиды, милой собачки, / о чьей безвременной кончине я безмерно сожалею) [(AE 1994.0348, Пренесте / Италия, Пвек н. э.).

This paper focuses on select texts from Greco-Roman antiquity which thematise the death of various animals. The death narratives considered here are representative examples of ancient sources in which a tendency towards an individualization of animals can be recognized.

I will begin with two particularly famous animals: Odysseus' dog Argus in Homer's *Odyssey* and King Alexander's horse Bucephalus as presented in Plutarch. These two cases, particularly the first, may be seen as the archetypes of ancient descriptions of an animal's death. It can be argued that they have, to some extent, influenced later death narratives, from which I will single out four

examples: two actual tombstone epigrams (on the Emperor Hadrian's horse Borysthenes and on the Gallic dog Margarita) and two literary epitaphs (for Corinna's unnamed parrot in Ovid's *Amores* 2.6 and for Lesbia's dead sparrow in Catullus' *Carmen* 3). In addition, several epigrams from the Greek Anthology, dealing with a wide range of different species, will be examined.

What does this evidence reveal about how the death of animals was experienced by humans and about their emotional attachment to animals? To what extent are ancient texts on deceased animals comparable to those on deceased humans? Is it possible to identify recurring parameters and certain typical elements in the documents that will be discussed here? Most importantly, in what way can the evidence presented in this paper be seen as an 'emotional outlet' for humans? And how may it be related to the modern world where animals, especially pets, are also mourned in various forms (animal graveyards, descriptions of an animal's death in a literary text, photographs etc.)?

Keywords: Greco-Roman antiquity, death narratives, epitaphs, emotional attachment, individualization of animals.

Умершие животные в древнегреческой и римской литературе

Торстен Фёген

Даремский университет, Дарем, Великобритания,
thorsten.foegen@durham.ac.uk

Этот доклад посвящен избранным текстам греко-римской античности, в которых тематизируется смерть различных животных. Рассмотренные здесь повествования о смерти являются репрезентативными примерами древних источников, в которых можно распознать тенденцию к индивидуализации животных.

Я начну с двух особенно известных животных: пса Одиссея Аргуса в «Одиссее» Гомера и коня царя Александра Буцефала, описанного Плутархом. Эти два случая, особенно первый,

можно рассматривать как архетипы древних описаний смерти животного. Можно утверждать, что они в некоторой степени повлияли на более поздние повествования о смерти, среди которых я выделю четыре примера: две надписи на надгробиях (коня императора Адриана Борисфена и галльской собаки Маргариты) и две литературные эпитафии (безымянному попугаю Коринны в «Любовных элегиях» 2.6 Овидия и мертвому воробью Лесбии в «Кармен» 3 Катутла). Кроме того, будут рассмотрены несколько эпиграмм из греческой антологии, посвященные широкому кругу различных тем.

Что эти свидетельства говорят о том, как люди переживали смерть животных, об их эмоциональной привязанности к животным? Насколько древние тексты об умерших животных сопоставимы с текстами об умерших людях? Можно ли идентифицировать повторяющиеся параметры и определенные типовые элементы в текстах, которые здесь будут обсуждаться? Самое главное, каким образом свидетельства, представленные в этой статье, могут рассматриваться как «эмоциональный выплеск» для людей? И как это может быть связано с современным миром, где животных, особенно домашних, также оплакивают в различных формах (кладбища животных, описания смерти животного в художественном тексте, фотографии и т. д.)?

Ключевые слова: греко-римская античность, повествования о смерти, эпитафии, эмоциональная привязанность, индивидуализация животных.

The Image of a Bat on the Territory of the Northern Andes (Ecuador, Colombia, Venezuela): Archaeological and Mythological View

Tatiana A. Gavrilina

Institute of Archeology and Ethnography of the Siberian Branch of the RAS, Novosibirsk, Russia, tanyaesler@gmail.com

Mask of a bat in a burial place, Coronado necropolis, Valle del Cauca department, Colombia. Photo by A. Tabarev, 2010.

Маска летучей мыши в погребении, некрополь Коронадо, департамент Валье-дель-Каука, Колумбия. Фото А. Табарева, 2010.

Stories related in one way or another to the image of a bat are widely represented in the mythology of the population of a number of countries in South America: some features are reflected in the legends common among the local population of the Santa Elena Peninsula, the Manteño-Huancavilca culture. In this case, we are talking about a very ambiguous figure in coastal folklore — Tintin (El TinTin, Tin-Tin), a duende, appearing in the guise of a bat or a short creature that poses a danger to young women.

Stories related in one way or another to the image of a bat are widely represented in the mythology of the population of a number of countries in South America: some features are reflected in the legends common among the local population of the Santa Elena Peninsula, the Manteño-Huancavilca culture. In this case, we are

talking about a very ambiguous figure in coastal folklore — Tintin (El TinTin, Tin-Tin), a duende, appearing in the guise of a bat or a short creature that poses a danger to young women.

Some evidence of the existence of such legends is reflected in the archaeological material: a number of ceramic figurines are associated with the period of the Huancavilca culture. In addition, in the territory of the Northern Andes (in particular the Yotoko culture in Colombia), there are frequent findings of bracelets, pendants, tiaras with zoomorphic motifs (reptiles, cats and bats). In the late 1990s, about 120 burials were found by Colombian archaeologists (Coronado site, Valle del Cauca department). Of particular interest in this case is the burial of an adult male individual: among the inventory are two ceramic vessels, as well as two masks in the headboard (one of which has an image of a bat).

Separately, it should be noted that images of birds and bats are a significant sign for the ancient population of the Northern Andes (Ecuador, Colombia, Venezuela) that the buried person was shaman. For example, we will mention the burial at the Capa Perro site (Manabi province, Ecuador) which belonged to a young woman of 15-20 years, probably a religious servant — without signs of violent death or visible pathologies. An interesting element of the accompanying inventory, among other things, are the bone remains of a bat directly in the funeral context.

Keywords: burials, bats, masks, mythology.

Образ летучей мыши в археологических и мифологических сюжетах на территории Северных Анд (Эквадор, Колумбия, Венесуэла)

Татьяна Александровна Гаврилина

Институт археологии и этнографии Сибирского отделения РАН,
Новосибирск, Россия, tanyaesler@gmail.com

Сюжеты так или иначе связанные с образом летучей мыши широко представлены в мифологии населения ряда стран Южной Америки: отдельные черты нашли своё отражение

в сказаниях, распространённых среди местного населения полуострова Санта-Элена, индейцев мантенья-уанкавилка. В данном случае речь идёт о весьма неоднозначной фигуре в прибрежном фольклоре — Тинтине (El TinTin, Tin-Tin), дуэнде, предстающим в облике летучей мыши, либо же низкорослого существа, представляющего опасность для молодых девушек.

Отдельные свидетельства существования подобных сказаний нашли своё отражение в археологическом материале: зафиксирован ряд керамических фигурок, ассоциируемых исследователями с периодом распространения культуры уанкавилка.

Кроме того, на территории Северных Анд (речь идёт в частности о культуре йотоко, Колумбия) нередки находки браслетов, подвесок, диадем, а также масок с зооморфными мотивами (изображения рептилий, кошачьих и летучих мышей). Так, в конце 1990-х гг. по итогам раскопок памятника Коронадо в департаменте Валье-дель-Каука (Колумбия) археологами было найдено около 120 погребений. Однако особый интерес в данном случае представляет погребение взрослого индивида мужского пола: среди сопроводительного инвентаря — два керамических сосуда, а также две маски в изголовье (одна из которых — с изображением летучей мыши).

Отдельно следует отметить тот факт, что для древнего населения Северных Анд образы птиц и летучих мышей являются значимым признаком принадлежности погребённого к шаманам. Например, упомянем захоронение (без признаков насильственной смерти или видимых патологий) на памятнике Капа-Перро (провинция Манаби, Эквадор), принадлежавшее молодой женщине 15-20 лет, вероятно, относившейся при жизни к группе служителей культа. Интересным элементом сопроводительного инвентаря, помимо всего прочего, являются костные остатки летучей мыши непосредственно в погребальном контексте.

Ключевые слова: погребения, летучие мыши, шаманы, мифология.

Swirling Herd: An Episode of Arctic Nomadism

Andrei V. Golovnev

Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography
(Kunstkamera) of the RAS, Saint Petersburg, Russia,
andrei_golovnev@bk.ru

Whirling of reindeer in the corral. The Kola Peninsula.

Photo by A. Golovnev, 2017.

Кружение оленей в корале. Кольский полуостров.

Фото А. Головнёва, 2017.

The presentation discusses the Web's reaction to the author's half-minute video taken in the 2018 fieldwork among reindeer herders of the Kola Peninsula containing a reindeer circling story. The video has gone 'viral' rather unexpectedly. The author tries to capture the actual connection between the phenomena which is completely different in nature — the whirling of reindeer and the seething of the Net, between the archaic tradition and the ultramodern reaction. First, the word is given to traditional ethnography and anthropology to present the scene in its cultural context (based on the author's field data gathered in Chukotka, Yamal, and the Kola Peninsula among Arctic nomadic reindeer herders, namely, the Chukchi, Nenets, Saami and Komi-Izhma).

Then comments from the Web are given in the sequence: 'group of feelings', 'group of mind', 'anthropocentric explanations', and 'reindeer thinking'. Having completed a review of interpretations, the author considers the spectrum of associations of the circling, including the spinning of the Galaxy, chromosomes, and labyrinths. A major set of associations have directed to dance in a wide range of its values and functions. Perhaps, it is an invisible thread of the nomadic mentality that connects such distant phenomena as circling among the reindeer herders and online discussion, whereby one end of the thread is tied to classical nomadism and the other to virtual cyber-nomadism. The spiral of rotation (funnel of memory, circulation of associations) is conceived of as a node of the joint nomadic space-time.

Keywords: Nomads, Web, Arctic, space, time, circling, anthropology.

Кружащееся стадо: эпизод арктического номадизма

Андрей Владимирович Головнёв

Музей антропологии и этнографии имени Петра Великого
(Кунсткамера) РАН, Санкт-Петербург, Россия,
andrei_golovnev@bk.ru

В докладе обсуждается реакция в Интернете на видео автора, занимающее 1,5 минут, снятое в ходе полевых работ 2018 года среди оленеводов на Кольском полуострове, в котором показано кружение оленей. Достаточно неожиданно это видео стало «вирусным». Автор пытается уловить реальную связь между явлениями, совершенно различными по своей природе — кружением оленей и бурлением Сети, между архаической традицией и ультрасовременной реакцией. В первую очередь, слово предоставляется традиционной этнографии и антропологии, чтобы прояснить это явление в его культурном контексте (на основе полевых данных автора, собранных на Чукотке, Ямале и Кольском полуострове среди арктических кочевых оленеводов, а именно чукчей, ненцев, саамов и коми-ижма). Затем комментарии из Интернета даются в последова-

тельности: «группа чувств», «группа разума», «антропоцентрические объяснения» и «мышление северного оленя». Завершив обзор интерпретаций, автор рассматривает спектр ассоциаций кружения, включая вращение Галактики, хромосомы и лабиринты. Большой набор ассоциаций относится к танцу в широком диапазоне его ценностей и функций. Возможно, здесь прослеживается невидимая нить кочевого менталитета, которая связывает такие далекие явления, как кружение среди оленеводов и в онлайн-дискуссии, при этом один конец нити привязан к классическому кочевничеству, а другой — к виртуальному цифровому кочевничеству. Спираль вращения (воронка памяти, круговорот ассоциаций) мыслится как узел единого кочевого пространства-времени.

Ключевые слова: кочевники, Интернет, Арктика, пространство, время, кружение, антропология.

Reindeer Herders without Reindeers: The Consequences and Problems of Domestication (Case of Northern Yakutia)

Nikolai S. Goncharov

Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera) of the RAS, Saint Petersburg, Russia,
Nikola.gon4arov@yandex.ru

Reindeer and Reindeer Breeders in Olyorinskaia Tundra, Nizhnekolymsky District, Republic of Sakha (Yakutia). Photo by N. Goncharov.

Олени и оленеводы в Олёринской тундре, Нижнеколымский район, Республика Саха (Якутия). Фото Н. Гончарова.

The Arctic and the North are traditionally associated with animals: polar bears, reindeers, rare birds, rivers rich in fish, and dogs — faithful helpers and friends of people. They have allowed humanity to master endless and harsh spaces. Reindeer husbandry, hunting and fishing are the most ancient types of economy of the indigenous population of Northern Yakutia. Based on complex relationships with the regional fauna, they have given the opportunity to people to make the Arctic their home. Establishing contacts with animals has stretched over millennia and formed historically stable strategies for actions, movements, use of material objects, emotional experience and a symbolic understanding of co-presence with animals. But domestication and the rules of successful cropping are

not boundaries reached once and forever, but a receding horizon, the distance to which is determined by a dynamic set of factors: ecology, economics, administration, resources, economic skills, as well as innumerable individual nuances of human and animal behavior. The report will focus on reindeer husbandry in the Allaikhovsky and Nizhnekolymsky regions of Yakutia. More precisely, situations when reindeer herders are left without reindeers will be addressed. Disunity has different forms: sometimes animals are left to graze freely, with only occasionally being controlled; sometimes it is not possible to drive the obstinate herd into the corral for the necessary sanitary work. In the Allaikhovsky district, the situation is more dramatic — in Soviet times, one of the largest reindeer herding sovkhoz in Yakutia after the transformations of the 1990's. was left completely without livestock, and the first-class reindeer herders for the third decade remember those happy times and, together with the administration, are making unsuccessful (for the time being) attempts to restore reindeer herds. The main question of the report is: what does it mean for a reindeer herder to be left without reindeer, to what consequences, actions, thoughts and feelings does this lead?

Keywords: Arctic, Yakutia, reindeer, reindeer breeding, domestication.

Оленеводы без оленей: к чему ведут проблемы доместикации (на материалах Северной Якутии)

Николай Сергеевич Гончаров

Музей антропологии и этнографии имени Петра Великого
(Кунсткамера) РАН, Санкт-Петербург, Россия,
nikola.gon4arov@yandex.ru

Арктика и север традиционно ассоциируются с животными: белыми медведями, оленями, редкими птицами, с богатыми рыбой реками, собаками — верными помощниками и друзьями людей. Они позволили человечеству освоить бескрайние и суровые пространства. Оленеводство, охота и рыболов-

ство — древнейшие виды хозяйства коренного населения Северной Якутии, основанные на сложных взаимоотношениях с региональной фауной, которые позволили людям сделать Арктику своим домом. Налаживание контактов с животным растянулось на тысячелетия и сформировало исторически устойчивые стратегии действий, перемещений, использования материальных объектов, эмоционального переживания и символического осмысления соприсутствия с животными. Но domestикация и правила успешного промысла — это не раз и навсегда достигнутые рубежи, а удаляющийся горизонт, расстояние до которого определяется динамичным набором факторов: экологией, экономикой, администрированием, ресурсами, хозяйственными навыками, а также неисчислимым множеством индивидуальных нюансов поведения людей и животных. В докладе пойдет речь про оленеводство в Аллаиховском и Нижнеколымском районах Якутии. Точнее, про ситуации, когда оленеводы остаются без оленей. Разобщённость имеет разные формы: иногда животных оставляют на вольный выпас, лишь изредка приезжая проконтролировать; порой не удаётся загнать строптивное стадо в кораль для проведения необходимых санитарных работ; в Аллаиховском районе ситуация драматичнее — в советское время один из крупнейших оленеводческих совхозов Якутии после трансформаций 90-х гг. прошлого века остался совсем без поголовья, а некогда первоклассные оленеводы уже третий десяток лет с грустью и радостью вспоминают те счастливые времена и совместно с администрацией принимают безуспешные (пока) попытки по восстановлению оленьих стад. Главный вопрос доклада, на который я постараюсь дать ответ, звучит следующим образом: что значит для оленевода остаться без оленей, к каким последствиям, действиям, мыслям и чувствам это ведёт?

Ключевые слова: Арктика, Якутия, олень, оленеводство, domestикация.

The Paradox of Higher Animals Perception in the Modern World

Irina V. Gordeeva

Ural State University of Economics, Ekaterinburg, Russia,
ivgord@mail.ru

Human perception of the upper class representatives of living organisms (birds and mammals) throughout all human history has undergone repeated transformations depending on such factors as religious culture, economic development level and lifestyle while a purely utilitarian approach (hunting objects, pests or competitors of farm animals etc.) has often combined with mythologization, taboo or even deification of specific species. At present, the attitude is undergoing serious transformations largely due to the global reduction in the biodiversity of wild species, provoked mainly by the active offensive of technogenic civilization on natural ecosystems: animals are beginning to be perceived as fragile objects that deserve the utmost attention and need protection. Nevertheless, the general picture of the perception of the latter remains paradoxical: on the one hand, there is a kind of neo-pagan admiration for the beauty and perfection of the terrestrial fauna, when animals are viewed as “perfect people”, devoid of the shortcomings of our species; on the other hand, in most cases, in relation to even representatives of higher mammals and birds (primates, cetaceans, corvids), we can see the belief in the dominance of exclusively instinctive behavior, the absence of emotionally colored behavior, etc. This dissonance is largely due to traditional standard curricula failing to keep up with modern achievements in the field of ethology and neurophysiology, the narrow specialization of scientific research, as well as a certain conservatism of thinking of a significant part of the population. It is obvious that the recognition of the highest animal qualities, which for many centuries were considered only as attributes of *Homo sapiens* — the rudiments of self-awareness, the great role of education in the formation of behavior, complex social ties, etc. requires a long time and certain efforts not only on the part of the scientific community but also the educational sphere.

Keywords: perception of animals, higher animals, behavior of higher animals.

Парадоксальность восприятия высших животных в современном мире

Ирина Викторовна Гордеева

Уральский государственный экономический университет,
Екатеринбург, Россия, ivgord@mail.ru

Восприятие людьми представителей высших классов живых организмов (птиц и млекопитающих) на протяжении человеческой истории претерпевало неоднократные трансформации в зависимости от религиозной культуры, уровня экономического развития, образа жизни и других факторов, при этом чисто утилитарный подход (объекты охотничьего промысла, вредители или конкуренты сельскохозяйственных животных и пр.) нередко сочетался с мифологизацией, табуированием или даже обожествлением конкретных видов. В настоящее время отношение претерпевает серьезные трансформации, обусловленные во многом глобальным сокращением биоразнообразия диких видов, спровоцированным активным наступлением техногенной цивилизации на природные экосистемы: животные начинают восприниматься как хрупкие объекты, заслуживающие самого пристального внимания и нуждающиеся в защите. Тем не менее, общая картина восприятия последних по-прежнему остается парадоксальной: с одной стороны наблюдается своего рода неязыческое преклонение перед красотой и совершенством земной фауны, когда животные рассматриваются как «совершенные люди», лишённые недостатков нашего вида; с другой стороны — в большинстве случаев в отношении даже представителей высших млекопитающих и птиц (приматы, китообразные, врановые) сохраняется убеждение в доминировании исключительно инстинктивного поведения, отсутствии эмоционально окрашенного поведения и пр. Подобный диссонанс во многом обусловлен

отставанием традиционных стандартных учебных программ от современных достижений в области этологии и нейрофизиологии, узкой специализацией научных исследований, а также определенным консерватизмом мышления значительной части населения. Очевидно, что признание за высшими животными качеств, которые на протяжении многих веков рассматривались только в качестве атрибутов Homo sapiens — зачатков самосознания, большой роли воспитания в формировании поведения, сложных социальных связей и пр. требует длительного времени и определенных усилий не только со стороны научного сообщества, но и образовательной сферы.

Ключевые слова: восприятие животных, высшие животные, поведение высших животных.

Animal husbandry in Linearbandkeramik Culture: A Study through the Ethnological and Ethnoarchaeological Reference System

Šárka Grando Válečková, Rose-Marie Arbogast, Christian Jeunesse

University of Strasbourg, Strasbourg, France, valeckova@unistra.fr;
rose-marie.arbogast@misha.fr; jeunessechr@free.fr

A buffalo after his mud bath in a rice field in Toraja land

©Jeunesse (after Jeunesse 2016).

Буйвол после грязевой ванны на рисовом поле в округе Тораджа

©Jeunesse (опубл. в Jeunesse 2016).

The appearance of animal husbandry in Neolithic societies was linked immediately to the necessity of meeting the nutritional needs of the population, leaving little room for social and ritual factors. However, many examples in ethnology give us a completely different reality, where domestic animals are charged with a symbolic dimension, and are granted an important role in most social and religious rituals.

In our contribution, we would like to revisit the question of the role of cattle in the first agro-pastoral communities of middle Europe (LBK culture), by focusing more particularly on the diversity

of uses of these animals than the extensive study of archaeozoological data from well-documented sites let suspect. Beyond the variability between sites, faunal assemblages indeed highlight differences between households. It will be advisable then to lead a reflection on the causes and meanings of this phenomenon, using “the economy of ritual” pattern built from our ethnological and ethnoarchaeological research.

Keywords: early Neolithic, archaeology, archaeozoology, animal husbandry, ethnological pattern.

Животноводство в культуре линейно-ленточной керамики: исследование посредством этнологической и этноархеологической референтных систем

Шарка Грандо Валечкова, Роз-Мари Арбогаст, Кристиан Жонес

Страсбургский университет, Страсбург, Франция,
valeckova@unistra.fr; rose-marie.arbogast@misha.fr; jeunessechr@free.fr

Появление животноводства в неолитических обществах было непосредственно связано с необходимостью удовлетворения пищевых потребностей населения, оставляя мало места для социальных и ритуальных факторов. Однако многие примеры из этнологии дают нам совершенно иную реальность, где домашние животные наделяются символическим измерением, и им отводится важная роль в большинстве социальных и религиозных ритуалов.

В своем докладе мы хотели бы вернуться к вопросу о роли крупного рогатого скота в первых агро-пасторальных сообществах Средней Европы (культура линейно-ленточной керамики), сосредоточившись более конкретно на разнообразии использования этих животных, которое позволяет предполагать обширное изучение археозоологических данных с хорошо задокументированных мест. Помимо различий между этими районами, фаунистические комплексы несомненно подчеркивают различия между домохозяйствами. Поэтому было бы

целесообразно порассуждать о причинах и значении этого явления, используя модель «экономики ритуала», построенную на основе наших этнологических и этноархеологических исследований.

Ключевые слова: ранний неолит, археология, археозоология, животноводство, этнологические паттерны.

world and inanimate nature, as well as with various socio-cultural realities, the choice of which has cultural and national specificity.

Analysis of the data collected during an online experiment (colornaming.com) shows that animals play an important role in the color-naming strategies used by contemporary native speakers of Russian with different socio-demographic characteristics — gender, age, professional experience. Describing shades, they compare them with the feathers of birds (canary, teal, chick, pigeon, thrush, raven, flamingo), attract images of mammals (mouse, hare, rat, bear, camel, mink, piglet, pig, tiger, mole), amphibians and reptiles (frog, toad, crocodile), invertebrates (caterpillar, shrimp), and fish (salmon).

The aim of the present study is to model the system of animal color referents in modern Russian by consistently solving a number of tasks:

(1) to determine the qualitative and quantitative composition of the animal color referents in modern Russian;

(2) to create denotative maps of colors that native Russian speakers can name using animal imagery;

(3) to conduct a comparative analysis of associative fields in social groups with different genders, ages and professional characteristics;

(4) to present a culturological examination of the motives for choosing animals as referents for color names in the naive picture of the world of native Russian speakers;

(5) to show, on the basis of comparative analysis with English, how the possible set of animal referents is limited by ethno-linguistic culture and the laws of social psychology of the Russian people, while occasional lacunas (lack of animal referents of certain colors in Russian) reflect the moral and ethical attitudes of native speakers.

Keywords: color names, Russian language, reference objects, animals in the language picture of the world, online experiment.

The research was supported by the Russian Foundation for Basic Research (Project No. 17-29-09145).

Животные как референты русских цветоименований

Юлия Александровна Грибер

Смоленский государственный университет, Смоленск, Россия,
y.griber@gmail.com

В разных языках мира одной из наиболее распространенных моделей образования имен цвета является регулярная полисемия по принципу «относящийся к X» — «похожий на X цветом» (мышинный) и модель субстантивного словосочетания «X цвета Y» (например, цвета вороньего крыла) (см., напр.: Фрумкина, 1984). В обоих случаях носители языка соотносят цвет с определенными эталонами из животного мира и неживой природы, а также с различными социокультурными реалиями, выбор которых обладает культурно-национальной спецификой.

Анализ данных, собранных в ходе онлайн-эксперимента по изучению цветоименований русского языка (colornaming.com), показывает, что животные играют важную роль в стратегиях цветоименования, которые используют современные носители русского языка с различными социально-демографическими характеристиками — полом, возрастом, профессиональным опытом. Описывая оттенки, они сравнивают их с перьями птиц (канарейки, чирка, цыплёнка, голубя, дрозда, ворона, фламинго), привлекают образы млекопитающих (мыши, заяц, крысы, медведя, верблюда, норки, поросенка, свиньи, тигра, крота), земноводных и рептилий (лягушки, жабы, крокодила), беспозвоночных (гусеницы, креветки), рыбы (лосось).

Цель настоящего исследования заключается в том, чтобы смоделировать систему животных эталонов цвета в современном русском языке, последовательно решив ряд задач:

- 1) определить качественный и количественный состав животных эталонов современного русского языка;
- 2) построить денотативные карты оттенков, которые носители русского языка обозначают, используя образы животных;

3) провести сравнительный анализ ассоциативных полей в социальных группах с различными половыми, возрастными и профессиональными характеристиками;

4) представить культурологическую экспертизу мотивов выбора эталонов в наивной картине мира носителей русского языка;

5) на основе сравнительного анализа с данными английского языка показать, как возможный набор животных-эталонов ограничивается этноязыковой культурой и законами социальной психологии русского народа, а случайные эталонные лакуны (слабая сформированность в русском языке эталонов определенных цветов) отражают нравственные и этические установки носителей языка.

Ключевые слова: цветонаименования, русский язык, объекты-эталоны, животные в языковой картине мира, онлайн-эксперимент.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ (проект № 17-29-09145).

Animal Personages in Ritual Bear Songs of Kazym Khanty

Anna A. Grinevich

Institute of Philology of the Siberian Branch of the RAS, Novosibirsk,
Russia, annazor@mail.ru

Bear on the bear feast. Khanty-Mansi Autonomous Region,
Surgutsky District, 2009.

Медведь на медвежьем празднике. Ханты-Мансийский
автономный округ, Сургутский район, 2009.

The bear songs of the Kazym Khanty demonstrate a special attitude towards animals which are perceived to be on an equal footing with man. The bear is revered as a patron spirit. Most of the ritual bear songs are performed on behalf of the bear: its (his) life in the forest, death, delivery to the camp, bear holiday, meeting with the arriving deities. This unusual reception may indicate the desire (or ability) of people to understand the animal, to look at the world and at themselves through its eyes, reflected in culture. It is believed that the animal has a different type of consciousness,

not inferior to a human. One can divide animals mentioned in ritual texts into two groups: those that are characters (or actors) and influence the development of the plot and those, that are impersonal, unrelated to the plot, who are not actors. So, the largest number of textual formulas about animals found by us in the texts is devoted to deer — 12 (48 repetitions), however, the image of a deer in ritual songs is depersonalized, it does not participate in plots as an actor (Sot *χorpijə χorəŋ tašəl* ‘A reindeer herd with hundreds of deer’). The same can be said about other wildfowl animals — sable, fish, and squirrel. Characters or actors (those who influence the development of the plot) include a bear, a wolverine, a raven, a hare, and a fox. An indicator of a different attitude towards such animals is the addition to their name of terms of kinship (Wqnt *šower-upineŋəm* ‘My forest sister-hare’) or respectful treatment. Moreover, animals are sacred images of various deities: the hare symbolizes the goddess Kaltasch, the pike symbolizes Khin iki, the lizard, snake and cat symbolize the Kazym goddess. Thus, people, animals and gods are united into one social system in these ritual bear songs.

Keywords: personagesystem, animal, bear.

Животные-персонажи в обрядовых песнях медвежьего праздника казымских хантов

Анна Александровна Гриневич

Институт филологии Сибирского отделения РАН, Новосибирск,
Россия, annazor@mail.ru

Медвежьи песни казымских хантов демонстрируют особое отношение к животным, которые воспринимаются на равных с человеком. Медведь же почитается как дух-покровитель. Большая часть обрядовых медвежьих песен исполняется от лица медведя: его жизнь в лесу, смерть, доставка в стойбище, медвежий праздник, встреча с приходящими божествами. Этот необычный прием, возможно, показывает желание (или способность) людей, отразившееся в культуре, понять животное, взглянуть на мир и на себя его глазами. Считается, что живот-

ное обладает иным типом сознания, но не является низшим по отношению к человеку. Животные, упоминающиеся в обрядовых текстах, делятся на две группы: те, которые влияют на развитие сюжета и, соответственно, являются персонажами и, обезличенные, не имеющие отношения к сюжету, которые к персонажам не относятся. Так, оленю посвящено наибольшее число формул из зафиксированных нами — 12 (48 повторений), однако, образ оленя в обрядовых песнях обезличивается, в сюжетах как персонаж он не участвует (Сот хорпийэ хорэү тащэј ‘С сотнями оленей оленье стадо’). То же самое можно сказать и о других промысловых животных — соболе, белке. К персонажам или акторам (к тем, кто влияет на развитие сюжета) относятся медведь, россомаха, ворон, заяц, лис. Показателем иного отношения является прибавление к их наименованию терминов родства (Вөнт шовэр упиненем ‘Моя лесная сестра-заяц’) или уважительного обращения. Кроме того, животные являются священными обликами разных божеств: заяц символизирует богиню Калтащ, щука — Хинь ики, ящерица или змея — Казымскую богиню. Таким образом, люди, животные и боги объединены в обрядовых медвежьих песнях в одну социальную систему.

Ключевые слова: система персонажей, животные, медведь.

Women-with-Dogs: Grace, Care, and Patriarchy in British “Heelwork to Music”

Jack Harrison

University of Toronto, Toronto, Canada, jack.harrison29@outlook.com

Handler Michelle Dodson performs as Lawrence of Arabia with her dog Devon at the Crufts 2018 semi-finals in Coventry, England. Дрессировщица Мишель Додсон представляет Лоуренса Аравийского со своей собакой Девонем на полуфинале Крафтс 2018 г. в Ковентри, Англия.

This paper examines the structures of power that characterize canine heelwork to music — a sport in which dogs are trained predominantly by women to perform skills on command to the accompaniment of a music track. Drawing on fieldwork carried out in the UK in 2018, I argue that the dogs’ “dancing” at heelwork to music shows, constitutes a means by which female handlers are able to navigate their lives as middle-class women within British patriarchal society.

One of the primary goals of heelwork to music is to command a dog in such a way that makes the animal appear to dance to music of their own accord alongside their owner. The sport therefore

constitutes an anthropomorphic fantasy of dogs as beings who possess human-like subjectivities, for according to the handlers, their dogs are not actually musical. Yet, as I will show, the dogs are not made to appear to dance as humans in a general, biological sense, but rather as gendered, encultured humans — specifically, as women who have been socialized into middle-class domesticity. Like their gracefully dancing owners, these dogs appear to move carefully for their audience in response to the demands of a music track and thus help to reinscribe both a traditional linkage between grace, caregiving, and women and a traditional divide between women and men as caregivers and providers, respectively. Nevertheless, in assessing one another's performances of feminine-coded grace in the absence of similarly performing men, heelwork to music handlers also repackage their assigned domesticity into something that can win them prestige over their peers. Hence, within the gendered, hierarchical, multispecies environment of British heelwork to music, these women adopt a hybridized body of competitive gracefulness: one that, I argue, facilitates the achievement of individual prestige within a system that marginalizes them as women-with-dogs.

Keywords: dance, dogs, women, patriarchy, sport.

Женщины-с-собаками: грация, забота и патриархальность в британском heelwork to music

Джек Харрисон

Университет Торонто, Торонто, Канада, jack.harrison29@outlook.com

В своем докладе я исследую структуры силы, характеризующие heelwork to music (букв. «работа каблуком под музыку») — вид спорта, в котором собаки обучаются преимущественно женщинами для выполнения трюков по команде под аккомпанемент музыкального трека. Опираясь на полевые исследования, проведенные в Великобритании в 2018 году, я утверждаю, что «танцы собак» в музыкальных шоу heelwork to music — это средство, которое позволяет дрессировщицам

вести образ жизни женщин среднего класса в британском патриархальном обществе.

Одна из основных целей *heelwork to music* — управлять собакой так, чтобы казалось, что животное танцует под музыку вместе со своей хозяйкой по собственному желанию. Таким образом, этот спорт представляет собой антропоморфную фантазию о собаках как о существах, обладающих человеческой субъективностью, поскольку, по мнению дрессировщиц, их собаки на самом деле не обладают музыкальным слухом. Тем не менее, как я покажу, собаки не должны здесь представлять танцующими людьми в общем, биологическом смысле, а, скорее, как человеческие существа, наделенные гендером и культурой — а именно, как женщины, социализированные в обществе среднего класса. Как и их изящно танцующие хозяйки, эти собаки в глазах своей аудитории кажутся плавно движущимися в ритме музыкального трека и, таким образом, помогают переопределить как традиционную связь между грацией, заботой и женщинами, так и традиционное разделение между женщинами и мужчинами как дающими заботу и добытчиками соответственно. Тем не менее, оценивая проявление друг в друге женского изящества в отсутствии мужчин, исполняющих те же действия, дрессировщицы *heelwork to music* также превращают закрепленную за ними домашность в нечто, что дает им авторитет у членов своей группы. Следовательно, в рамках гендерной, иерархической, многовидовой среды британской *heelwork to music* эти женщины обретают гибридное тело соревновательной грациозности, что, как я утверждаю, помогает им получить индивидуальный престиж в системе, которая маргинализирует их как женщин с собаками.

Ключевые слова: танец, собаки, женщины, патриархальность, спорт.

B1 and How to Serve It: Dog Meat Consumption among the Batak of North Sumatra

Aglaia A. Iankovskaia

Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera) of the RAS, St Petersburg, Russia, vulpecula@list.ru

A dog in the streets of Berastagi, Karo Regency, North Sumatra.

Photo by A. Iankovskaia. 2018.

Собака на улицах Берастаги, округ Каро, пров. Северная Суматра.

Фото А. Янковской. 2018.

The paper discusses practices and cultural connotations of dog meat consumption among the Batak peoples of North Sumatra, primarily Batak Toba and Karo. Having once been practised by the majority of ethnic groups in Indonesia, kynophagy was condemned and reduced (or made less visible) first by Islam, and later by European cultural norms and animal rights organisations activities. In the Muslim-majority country, this practice is still found, although generally considered not culturally acceptable. The Batak, most of whom profess Christianity, appear to be one of the

few ethnic groups in Indonesia that continue consuming dog meat relatively openly, and also the group that this practice is commonly associated with. In North Sumatra, dog meat is served in special warungs (small restaurants) and lapo tuak (eateries serving alcohol) and is known under the code word B1 — from *biang*, the Batak word for “dog”. Dog meat is considered to have medical properties; it is consumed mostly by men and is associated with such masculine qualities as strength and bravery. The paper looks into some aspects of dog meat consumption among the Batak, including its interpretations in the contexts of magic, traditional medicine and ethnic identity.

Keywords: dog, dog meat, Batak, North Sumatra, kynophagy.

Б1 — что это и с чем его едят? Употребление в пищу собачатины у батаков Северной Суматры

Аглая Алексеевна Янковская

Музей антропологии и этнографии имени Петра Великого
(Кунсткамера) РАН, Санкт-Петербург, Россия, vulpecula@list.ru

Доклад посвящен практикам и культурным коннотациям употребления в пищу собачатины среди батакских народов Северной Суматры, в первую очередь батаков тоба и каро. В прошлом практиковавшаяся большинством этнических групп Индонезии, кинофагия подверглась осуждению и подавлению (по крайней мере, вытеснению из публичной сферы) под воздействием сначала ислама, а затем европейских культурных норм и деятельности организаций по защите прав животных. Тем не менее, эта практика, несмотря на признание ее культурно неприемлемой, до сих пор сохраняется в стране с мусульманским большинством. Батаки, большинство из которых исповедует христианство, являются одной из немногих этнических групп Индонезии, продолжающих употреблять собачатину сравнительно открыто, а также той группой, с которой эта практика ассоциируется в первую очередь. На Северной Суматре собачатину подают в специальных варунгах

(небольших семейных ресторанах) и лапо туак (питейных заведениях), где ее можно найти под кодовым названием B1 — от бианг (батакск. «собака»). Собачатине приписывают медицинские свойства; употребляемая преимущественно мужчинами, она ассоциируется с такими мужскими качествами, как сила и храбрость. В докладе будут рассмотрены некоторые аспекты употребления батаками в пищу собачатины, в том числе интерпретации этой практики в контексте магии, традиционной медицины и этнической идентичности.

Ключевые слова: собака, собачатина, батаки, Северная Суматра, кинофагия.

Animals in the Divine Comedy

Alexander V. Kalashnikov

HSE University, Moscow, Russia, avkalashnikov@hse.ru

William Blake (1757–1827), Dante Running from the Three Beasts (Dante's Inferno) (1824–27), pen and ink and watercolour over pencil.

Уильям Блейк (1757–1827), Данте, бегущий от трех зверей (Ад Данте) (1824–27), перо, тушь и акварель поверх рисунка карандашом.

The research is devoted to the animals presented in Dante Alighieri's *Divine Comedy*. The animals are mentioned in every part, i.e. the *Inferno*, *Purgatorio* and *Paradiso*. The names are going to be identified in this work to distribute the types of the animals as they are presented in every part of the book. Animals may be regarded as an integral part of the metaphorical system of the book, especially of the part *Inferno*. Even the immediate cause of Dante's journey through the three realms of the afterlife are the three beasts: a leopard, a lion, and a she-wolf as he was unable to counter the threat of the three beasts. Alighieri exploited the fact that the papal curia had recently adopted the Capitoline statue of the Roman she-wolf as its own emblem. Dante associates the wolf in various

negative ways with the Church and its Guelph followers (German Welf = 'wolf'). In the Purgatorio, in particular in the Earthly Paradise, there is a description of a pageant of revelation. This depiction mentions four winged animals who escort a splendid griffin-drawn chariot. The griffin has tall wings and its birdlike parts are gold. Animals are also presented in the constellations with animal names Aries ('Ram'), Taurus ('Bull'), Pisces ('Fishes'). In Purgatorio 24, people are compared with birds.

Keywords: Divine comedy, beasts, metaphor, allegory, Inferno.

Животные в «Божественной комедии»

Александр Владимирович Калашников

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия, avkalashnikov@hse.ru

Исследование посвящено животным, представленным в «Божественной комедии» Данте Алигьери. Животные упоминаются во всех частях, то есть в Inferno, Purgatorio и Paradiso. Названия будут указаны в этой работе, чтобы распределить типы животных, как они представлены в каждой части книги. Животные могут рассматриваться как неотъемлемая часть метафорической системы книги, особенно части Ада. Даже непосредственной причиной путешествия Данте через три царства загробной жизни являются три зверя: леопард, лев и волчица, поскольку он не смог противостоять угрозе этих трех зверей. Алигьери воспользовался тем фактом, что папская курия недавно приняла Капитолийскую статую римской волчицы в качестве своей эмблемы. Данте в различных негативных контекстах связывает волка с Церковью и ее последователями-гвельфами (нем. Welf = «волк»). В Purgatorio, в частности в Земном Раю, есть описание театрализованного представления откровения. Там упоминаются четыре крылатые животных, которые сопровождают великолепную колесницу, запряженную грифоном. У грифона большие крылья, птицеобразные части его тела золотые. Животные также представлены в ка-

честве созвездий, носящих названия животных — Aries («Овен»), Taurus («Телец»), Pisces («Рыбы»). В Purgatorio 24 людей сравнивают с птицами.

Ключевые слова: Божественная комедия, звери, метафора, аллегория, ад.

The Tradition of Animal Imaging in the Jōmon, Yayoi and Kofun cultures of the Japanese Archipelago

Daria A. Ivanova

Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia, ivanova.dale@dvfu.ru

Animals are an important part of the life of the ancient inhabitants of the Japanese archipelago. Over three periods: Jōmon (13,800 — 2,300 years ago), Yayoi (10th century BC — 3rd century AD) and Kofun (3rd — 7th century AD) the attitude towards animals was changing. The most prominent example is dogs. Burials of dogs are found at more than 400 sites of the Jōmon period. It is important to note that the bones of the dogs were not processed, which means that the dogs were not used for food. Also, numerous figures depicting dogs belong to this time. Probably in the Jōmon period, the dog was a companion of man, the first domesticated animal. In addition to figurines of dogs, clay images of pigs, various zoomorphic decorations (snakes, birds, lizards, wild boars) on vessels, etc. are found on Jōmon sites. During the Yayoi period, the attitude towards dogs changes slightly. Carriers of the Yayoi culture — immigrants from the Korean Peninsula, along with agriculture and metallurgy, brought dogs and chickens with them. During the Yayoi and Kofun periods, the main function of dogs was to hunt and guard the house, as evidenced by the images on vessels, bronze dōtaku bells and the walls of burial chambers. A dōtaku excavated in the Kagawa Prefecture during the Yayoi period shows a scene in which a hunter shoots a wild boar surrounded by five dogs, suggesting that a so-called dog hunt was taking place at the time. However, there is also evidence of the use of dogs for food. Returning to small clay sculptures, unfortunately, at present there is no information on zoomorphic images of the Yayoi period, but during the Kofun period a special category of ritual items — haniwa, many of which depicted animals, appeared. Haniwa are ceramics of various types, ranging in size from 30 cm to 2.5 m in height. In the V century zoomorphic Haniwa appear, depicting a dog, a bird (chicken), a horse, a pig, a bull, etc.

Keywords: small plastic, Jōmon, Yayoi, Kofun, haniwa.

Традиция изображения животных в культурах дзёмон, яёй и кофун, Японский архипелаг

Дарья Александровна Иванова

Дальневосточный федеральный университет, Владивосток, Россия,
ivanova.dale@dvfu.ru

Животные — важная часть жизни древних обитателей Японского архипелага. На протяжении трех периодов: дзёмон (13 800 — 2 300 л.н.), яёй (X в. до н.э. — III в. н.э.) и кофун (III — VII в. н.э.) отношение к животным менялось. Наиболее показательным примером являются собаки. Погребения собак встречаются на более 400 памятниках эпохи дзёмон. Важно отметить, что кости собак не были подвержены обработке, а значит собак не использовали в пищу. Так же к этому времени относятся многочисленные фигурки, изображающие собак. Вероятно, в эпоху дзёмон собака была спутником человека, первым одомашненным животным. Помимо фигурок собак, на дзёмонских памятниках встречаются глиняные изображения свиней, разнообразный зооморфный декор (змеи, птицы, ящерицы, кабаны) на сосудах и пр. На протяжении периода яёй отношение к собаке немного меняется. Носители культуры яёй — переселенцы с Корейского п-ова, наряду с сельским хозяйством и металлургией, привезли с собой собак и кур. В периоды яёй и кофун основной функцией собак была охота и охрана дома, о чем свидетельствуют изображения на сосудах, бронзовых колоколах дотаку и стенах погребальных камер. Дотаку, раскопанный в префектуре Кагава в период яёй, показывает сцену, в которой охотник стреляет в кабана в окружении пяти собак, что позволяет предположить, что в то время проводилась так называемая собачья охота. Однако также есть свидетельства использования собак в пищу. Возвращаясь к мелкой глиняной пластике, к сожалению, в настоящее время нет информации по зооморфным изображениям периода яёй, однако в период кофун появляется особая категория изделий ритуального характера — ханива, многих из которых изображали животных. Ханива — это объемные

керамические изделия различных типов, размеры которых варьируются от 30 см до 2,5 м в высоту. В V в. появляются зооморфным ханива изображающие собаку, птицу (курицу), лошадь, свинью, быка и пр.

Ключевые слова: мелкая пластика, дзёмон, яёй, кофун, ханива.

Zoomorphic Stone Weapons in North-Western Europe — Manifestations of First Indo-European Influence in the Northern European Taiga during the 3rd Millennium BC?

Ekaterina A. Kashina¹, Ville Mantere²

¹ State Historical Museum, Moscow, Russia; ² University of Turku, Turku, Finland, eakashina@mail.ru; vinima@utu.fi

Stone axes with the sculpted bear image, Finland. Photo by V. Mantere, published with the authorization of the National Board of Antiquities.

Каменные топоры со скульптурным изображением медведя, Финляндия. Фото В. Мантере, публикуется с разрешения Национального бюро древностей.

Sculpted stone clubs and axes found across a vast area ranging from Eastern Sweden to the Komi Republic in Russia represent a large category of stray finds in the boreal forest zone (55 items in total are known at the moment). These stone weapons are characteristic manifestations of the prehistoric animal art in Russia, Finland and Sweden. They predominantly represent the heads of different animal species, most often brown bear (*Ursus arctos*) and elk (*Alces alces*). The items are dated most probably to the 3rd millennium BC and they provoke numerous questions concerning their cultural, chronological, functional and semantic characteristics. There are a number of different-aged paragons for the animal-headed stone weapons, the earliest of which date back to the Late

Neolithic and the Eneolithic (around 3500–3000 BC). All of them lack zoomorphic traits, even if other kinds of carved images of mammals, birds and snakes are well-known in the portable art of this period. The bear image, which is almost absent during the Mesolithic and the Neolithic, increases significantly in portable art around 3000 BC and eventually becomes the most common animal represented on stone clubs and axes. The stone weapons are thus most likely associated with the introduction of a new set of beliefs in the forest zone in the transition period between the Stone Age and the Early Bronze Age. The study of zoomorphic stone weapons can therefore reveal important information about the new role of the bear as a probable result of interaction between northern hunter-gatherer groups and new Indo-European populations that practiced animal husbandry and agriculture. The zoomorphic stone clubs and axes were probably related to the status of their owners as skilled warriors or military leaders and were deliberately left or buried outside settlements but never put into graves.

Keywords: Bronze Age, North-East Europe, zoomorphism, ritual, stone axe.

Каменные зооморфные предметы вооружения на северо-западе Европы: манифестация влияния первых индоевропейцев в северных лесах в III тыс. до н.э.?

Екатерина Александровна Кашина¹, Вилле Мантере²

¹ Государственный исторический музей, Москва, Россия;

² Университет Турку, Турку, Финляндия,
eakashina@mail.ru; vinima@utu.fi

Каменные скульптурные скипетры и топоры, найденные на огромной территории от Восточной Швеции до Республики Коми (Россия), составляют обширную серию случайных находок в лесной зоне (на данный момент известно пятьдесят пять предметов). Эти предметы вооружения — типичные проявления зооморфизма в доисторическом искусстве на территории России, Финляндии и Швеции. Они в большинстве

представляют головы разных животных, чаще всего бурого медведя (*Ursus arctos*) и лося (*Alces alces*). Эти предметы, скорее всего, датируются III тыс. до н.э. Возникают многочисленные вопросы касательно их культурной, хронологической, функциональной и семантической принадлежности. У этих каменных предметов вооружения с головой животного существует целый ряд разновременных прототипов, наиболее поздние из которых относятся к позднему неолиту и энеолиту (около 3500–3000 лет до н.э.). Эти прототипы не имеют зооморфных черт, хотя для данного промежутка времени хорошо известны резные изображения млекопитающих, птиц и змей в прикладном искусстве лесной зоны. Изображения медведя, которые практически отсутствовали здесь в мезолите и неолите, появляются в прикладном искусстве около 3000 л. до н.э. и постепенно становятся наиболее распространенными именно на каменных топорах. Таким образом, эти предметы вооружения с наибольшей вероятностью были связаны с появлением нового комплекса верований в лесной зоне во время рубежа каменного и раннебронзового веков. Поэтому изучение зооморфных каменных предметов вооружения позволяет выявить важные данные о новой роли образа медведя в мировоззрении, вероятно возникшей в результате взаимодействия северных групп охотников-собираателей и пришлого индоевропейского населения — скотоводов и земледельцев. Зооморфные каменные скипетры и топоры, возможно, были связаны с особым статусом своих владельцев — опытных воинов или военных вождей, и намеренно оставлялись или закапывались вне территории поселений, однако никогда не помещались в погребения.

Ключевые слова: бронзовый век, Северо-Восток Европы, зооморфизм, ритуал, каменный топор.

Animals in the Holy Bible: View from Different Sides

Sergei F. Khribar

The State Biological Museum named after K. A. Timiryazev, Moscow, Russia, hribar@mail.ru

Rock hyrax (*Procavia capensis*), also called dassie, Cape hyrax, rock rabbit in the Galilee Mountains, Israel. Photo by S. Khribar, 2018.

Капский даман (*Procavia capensis*), в горах Галилеи, Израиль.
Фото С. Хрибара, 2018.

As a literary monument of the ancient Near East, the biblical books reflect the view of animals in traditional cultures. On the other hand, the influence of the Bible on world culture and ethics is so large that the analysis of the biblical view on animals is of practical importance for spreading environmental moral values. The report will consider various aspects of understanding domestic and wild animals in the Bible, namely the following.

1) Animals as a component of economic well-being, determining the way of life: the nomads of the patriarchs provided livestock with food (Gen. 13: 1-9). 2) An animal as a redemptive (substitutive) or

thanksgiving sacrifice (in some cases, before slaughtering, believers had time to get attached to this animal — Exodus 12: 3-10). 3) Animals as a person's environment, experiencing certain trials together with him (Rom. 8:19-21). 4) Animals as a means of fulfilling God's plan, sometimes more obedient to God than man (Numbers 22:21-33, Jonah 2: 1,11, 4: 7). 5) Animals as a source of knowledge of God and spiritual lessons: creations point to the Creator and often serve as a good example (Job 12: 7-9, Prov. 6:6-8, Mt. 6: 26). 6) Animals as poetic images that occupy and delight the author and reader (Job 40:10-19, Ps.103, Prov.30:24-31). 7) Animals as objects of protection and care (Exodus 23: 11-12, Tue 22:6-7, Prov.12:10). It is also important to add that the understanding of man as a being created in the image of God, although it distinguishes us from animals, does not exclude the fact that there are many similarities between humans and (other) animals (Gen. 7:21-23, Eccl.3:19-20). It follows from the above that the biblical worldview contains sufficient moral grounds for spreading among modern Christians and Jews a benevolent interest, and a careful and respectful attitude to the animal world.

Keywords: Animals, Human, God, Bible.

Животные в Библии: взгляд с разных сторон

Сергей Феликсович Хрибар

Государственный биологический музей им. К. А. Тимирязева,
Москва, Россия, hribar@mail.ru

Как литературный памятник древнего Ближнего Востока, собрание библейских книг отражает взгляд на животных в традиционных культурах. С другой стороны, влияние Библии на мировую культуру и этику настолько масштабно, что анализ библейского взгляда на животных имеет практическое значение с точки зрения распространения природоохранных нравственных ценностей. В докладе будут рассмотрены разные аспекты понимания домашних и диких животных в Библии: (1) Животные как составляющая экономического благополу-

чия, определяющие уклад жизни: кочёвки патриархов обеспечивали скот кормом (Быт. 13:1-9). (2) Животное как искупительная (заместительная) или благодарственная жертва (в отдельных случаях, прежде чем заколоть, верующие успевали к этому животному привязаться — Исх. 12:3-10). (3) Животные как окружение человека, переживающее вместе с ним те или иные испытания (Рим. 8:19-21). (4) Животные как средство выполнения Божьего замысла, подчас более послушное Богу, чем человек (Числ. 22:21-33, Иона 2:1,11, 4:7). (5) Животные как источник богопознания и духовных уроков: творения указывают на Творца и нередко служат добрым примером (Иов. 12:7-9, Прит. 6:6-8, Мф. 6:26). (6) Животные как поэтические образы, занимающие и восхищающие автора и читателя (Иов. 40:10-19, Пс. 103, Прит. 30:24-31). (7) Животные как объект защиты и заботы (Исх. 23:11-12, Вт. 22:6-7, Прит. 12:10). Важно также добавить, что понимание человека как существа, сотворённого по образу Божьему, хотя и выделяет нас среди животных, но не исключает того, что между людьми и (другими) животными немало общего (Быт. 7:21-23, Еккл. 3:19-20). Из сказанного следует, что библейское мировоззрение содержит достаточные нравственные основания для распространения среди современных христиан и иудеев доброжелательного интереса, бережного и уважительного отношения к животному миру.

Ключевые слова: животные, человек, Бог, Библия.

Wild Animal Skins in the Late Iron Age and Medieval Graves in Finland — Reflections of Human-Animal Relations

Tuija Kirkinen

University of Helsinki, Helsinki, Finland, tuija.kirkinen@helsinki.fi

Cervidae skin and loose hairs from the bottom of a Late Iron Age grave in Kirkkomäki, southwestern Finland. Photo by T. Kirkinen.

Кожа и отдельные волоски оленя со дна захоронения позднего железного века в Кирккомьяки, юго-западная Финляндия.

Фото Т. Киркинен.

Animal skins and fur have served in prehistoric commemoration rituals as (death) clothes, wrappings, coverings, and grave goods. As organic materials, they are prone to decompose and most of the time invisible in archaeological record. However, fur remains have preserved in the graves, mostly due to the closeness to metal artefacts, and microscopic hair fragments can be traced from soil samples even from Mesolithic Era.

Compared to other cloth-type materials or animal-originated products, the wearing of fur clothes or the wrapping of a body in a reindeer or bear pelts had special meanings as they strongly bear reference to their origin animals. The interpretation can be that in

rituals, animal skins have helped mediate a relationship between humans and animals, to acquire their powers or, even their bodies. Basically, I claim that animal skins shared qualities that have promoted some degree of universality in the ways that humans experience and interact with animal skins and skin artefacts.

In this presentation, I will discuss the roles of furs in the Late Iron Age and Medieval period graves in Finland and in the Karelian Isthmus, Russia. First, I will present the results of the analyses of archaeological fur finds and second, I discuss the human — wild animal relations in agrarian communities before the beginning of the Christian Era.

Keywords: animal hair identification, human-animal relations, animal skins, Late Iron Age, wild animals.

Шкуры диких животных в захоронениях эпохи позднего железного века и средневековья в Финляндии — отражение взаимодействий человека и животных

Туия Киркинен

Университет Хельсинки, Хельсинки, Финляндия,
tuija.kirkinen@helsinki.fi

Шкуры и мех животных использовались в доисторических ритуалах поминания в качестве (посмертной) одежды, оберточного материала, покрывал и погребальных принадлежностей. Как органические материалы они склонны к разложению и потому невидимы в археологических записях. Однако в могилах сохранились остатки меха, в основном из-за близости к металлическим артефактам, а микроскопические фрагменты волос можно проследить в образцах почвы даже со времен эпохи мезолита.

По сравнению с другими тканевыми материалами или продуктами животного происхождения, ношение меховой одежды или обертывание тела оленьей или медвежьей шкурой имело особое значение, поскольку в них содержится прямая отсылка к животным, от которых они получены. Это можно прочесть

таким образом, что в ритуалах шкуры животных помогали установить взаимосвязь между людьми и животными, обрести их силы или даже их тела. По сути, я утверждаю, что шкуры животных обладают общими качествами, которые способствовали некоторой степени универсальности способов, посредством которых люди взаимодействуют со шкурами животных и кожаными артефактами.

В своей презентации я расскажу о роли меха в захоронениях позднего железного века и средневековья в Финляндии и на Карельском перешейке в России. Во-первых, я представлю результаты анализа археологических находок меха, во-вторых, расскажу о взаимоотношениях человека и диких животных в аграрных сообществах до начала христианской эры.

Ключевые слова: определение меха животных, отношения между людьми и животными, шкуры животных, поздний железный век, дикие животные.

The Hare in the Identity of Russian Germans

Tatiana S. Kisser

Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography
(Kunstkamera) of the RAS, Saint Petersburg, Russia, tkisser@bk.ru

German bunny in the decorations of the German yard.
Polunochnoe, Ivdel, 2013. Photo by T. Kisser.
Немецкий зайчик в украшениях немецкого двора.
Полуночное, Ивдель, 2013. Фото Т. Киссер.

One of the brightest symbols of German identity is the Easter Bunny (Osterhase) — a ritual and religious symbol of the Germans. Easter (Ostern) is considered by the Germans to be one of the most significant annual holidays. Each family cleans the house, yard and garden before Easter. It was said that Easter eggs and gifts for Easter are brought by the Easter hare. An egg was placed inside the hare. This is how the legend of the egg-laying hare arose, which the Germans who emigrated from Germany brought with them to Russia. The image of a hare in spring festive ceremonies is presumably

associated with the cult of fertility, which is typical for many peoples of Europe. The hare is also mentioned in Easter songs, for example, “Häschen in der Grube ...” (Hare in the pit) “. On the eve of the holiday, disobedient children were told: “The hare will come and instead of sweets and eggs, it will whip you with a willow branch.”

Keywords: hire, identity, Russian Germans, gifts.

The publication was prepared with the financial support of the Russian Foundation for Basic Research within the framework of the scientific project No. 20-09-00177 «Ethnic identity in the post-Soviet space (on the example of the Germans in Russia, Ukraine and Kazakhstan)» (supervisor T. B. Smirnova).

Заяц в идентичности российских немцев

Татьяна Сергеевна Киссер

Музей антропологии и этнографии имени Петра Великого
(Кунсткамера) РАН, Санкт-Петербург, Россия, tkisser@bk.ru

Одним из ярких символов немецкой идентичности является пасхальный заяц (Osterhase) — обрядово-религиозный символ немцев. Праздник Пасхи (Ostern) считается у немцев одним из значимых годовых праздников. Каждая семья перед Пасхой чистит и убирает в доме, во дворе и саду. Говорили, что пасхальные яйца и подарки на Пасху приносит пасхальный заяц. Вовнутрь зайца помещали яйцо. Так возникла легенда о яйценесущем зайце, которую немцы, эмигрировавшие из Германии, принесли с собой в Россию. Образ зайца в весенних праздничных обрядах, предположительно, связан с культом плодородия, что характерно для многих народов Европы. Заяц упоминается и в пасхальных песнях, например, «Häschen in der Grube...» (Зайчик в яме)». Накануне праздника непослушным детям говорили: «Зайчик придет и вместо конфет и яичек, тебя веткой ивы отходит».

Ключевые слова: заяц, идентичность, российские немцы, подарки.

Публикация подготовлена при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-09-00177 «Этническая идентичность на постсоветском пространстве (на примере немцев России, Украины и Казахстана)» (рук. Т. Б. Смирнова).

Man, Reindeer, and Dogs — Rituals of Sacrifice in Our Time (Based on Field Research in South-East of Chukotka)

Konstantin B. Klokov

Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography
(Kunstkamera) of the RAS / St Petersburg University,
Saint Petesburg,Russia, k.b.klokov@gmail.com

A Chukchi reindeer herder catches a reindeer with a lasso. Near the village of Мейнупильгыно, Chukotka, Russia. Photo by K. Klokov, 2019.

Чукотский оленевод ловит оленя чаатом. Около села Мейныпильгыно, Чукотка, Россия. Фото К. Клокова, 2019.

The presentation is based on the results of field research (informal interviews and direct observations by the author) in a village in southeastern Chukotka. In the past, most of the inhabitants of this area were nomadic Chukchi reindeer herders, and a smaller portion were sedentary Kereks who engaged in fishing and widely used dog sledding. During the Soviet time, the Kereks were assimilated, reindeer herding was lost, and dog sledding ceased. Nevertheless, local people continue many ritual practices, modifying and adapting them to the new conditions, in particular

by replacing live sacrificial reindeer with small figurines made of sorrel porridge and with dried salmon. In 2019, reindeer herding in the village was restored on a very modest scale, allowing the ritual of sacrifice with live reindeer to be restored. In addition, other old rituals persist, in particular, the sacrifice of dogs was practiced until recently. This report describes the sacrifices as they have been performed in recent years.

Reindeer sacrifice continues to play an important role in the Chukchi ecological worldview, symbolically reflecting its relationship with the entire tundra nature, not only with domesticated reindeer. It is significant, that the salmon as «the brother of the reindeer», is also sacrificed now, which indicates an expansion of the symbolic connection between Man and Nature, which now encompasses not only the tundra world, but also the world of the sea. The role of the dog is different, as V.G. Bogoraz noted (1934:4), it is «a faithful friend protecting from evil forces,» while the reindeer has no such power. The interview data confirm this, which indicates the preservation of the former symbolic relationship between Man and Dog.

Traditional rituals are an important part of the Arctic cultural heritage; they can easily be lost as their transmission from generation to generation is broken. The urgent task of researchers is their documentation by scientific methods.

Keywords: Chukchi, Kerek, reindeer herding, rituals, sacrifice.

Человек, олень и собака — ритуалы жертвоприношения в наши дни (по материалам полевых исследований на юго-востоке Чукотки)

Константин Борисович Клоков

Санкт-Петербургский государственный университет / Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН, Санкт-Петербург, Россия, k.b.klokov@gmail.com

Доклад основан на результатах полевых исследований (неформальные интервью и личные наблюдения автора) в одном из сел юга-восточной части Чукотского автономного округа.

В прошлом большую часть жителей этой территории составляли кочевые чукчи-оленеводы, а меньшую — оседлые кереки, занимавшиеся рыболовством и широко пользовавшиеся собачьими упряжками. За годы советской власти кереки были ассимилированы, оленеводство утрачено в годы рыночных реформ, езда на собаках прекратилась. Тем не менее местные жители продолжают многие обрядовые практики, изменяя и приспособляя их к новым условиям, в частности, заменив живых жертвенных оленей, их маленькими фигурками, слепленными из щавелевой каши, и вяленным лососем. В 2019 году оленеводство в селе было восстановлено, хотя и в очень скромных масштабах, что позволило восстановить обряд жертвоприношения с живыми оленями. Помимо ритуалов, связанных с оленеводством, в общине сохраняются и другие старые обряды, в частности, до недавнего времени практиковалось жертвоприношение собаки. В докладе приведено описание таких жертвоприношений в том виде, в каком они выполнялись в последние годы. Такие сведения представляют интерес, поскольку, детальные описания современных ритуалов жертвоприношения на Севере России в этнографической литературе редки.

Жертвоприношение оленя продолжает играть важную роль в экологическом мировоззрении жителей южной Чукотки, символически отражая взаимоотношения людей со всей природой тундры, а не только с домашними оленями. Существенно, что в современных обрядах в жертву приносится также «брат оленя» — лосось, что говорит о расширении символической связи человека с Природой, которая теперь охватывают не только мир тундры, но и мир моря. Роль собаки иная, как отмечал В.Г. Богораз (1934, с.4), это — «верный друг, оберегающий от злого начала», между тем как олень, не имеет такой силы. Данные интервью подтверждают это, что говорит о сохранении прежних символических отношений между человеком и собакой.

Традиционные ритуалы — важная часть культурного наследия Севера, они легко могут быть утеряны, поскольку их

передача от поколения к поколению нарушена. В связи с этим актуальной задачей исследователей становится их документирование научными методами.

Ключевые слова: чукчи, кереки, оленеводство, ритуалы, жертвоприношение.

Human-Camel Relationships from Prehistory to Now

Ilse Köhler-Rollefson

League for Pastoral Peoples, Ober-Ramstadt, Germany,
ilse.koehlerroll@gmail.com

Bhanwarlal Raika, a traditional camel herder from Rajasthan, says without the opportunity to sell camel milk he will not be able to keep his herd. Бханварлал Райка, пастух верблюдов из Раджастхана говорит, что без возможности продавать верблюжье молоко он не сможет сохранить свое стадо.

Camel pastoralism is practiced by many different cultures in a wide swathe of land that extends from Mauritania in the West to India in the East. There are significant differences in how camels are utilized, whether with emphasis on milk, meat, racing or show and these determine the fate of the camel. In Rajasthan (India) the camel is protected as state animal and its slaughter is prohibited, but nevertheless its population is declining steeply. In Australia, feral camels have been declared a pest that is shot down from helicopters, nevertheless their numbers are increasing. Camel milk is hyped globally as superfood for it is helpful in treating autism

and diabetes. Although originally an asset of nomadic societies, its husbandry is now industrialized in the Emirates.

Is it possible to develop camel dairy systems that benefit nomadic camel herders? This paper will seek to make sense of the many paradoxes prevailing in human-camel relationships.

Keywords: camel, Rajasthan, Australia, nomads, human-camel relationships.

Взаимоотношения человека и верблюда с доисторических времен до наших дней

Ильзе Кёлер-Роллефсон

Лига пастушеских народов, Обер-Рамштадт, Германия, ilse.koehlerroll@gmail.com

Верблюдоводство практикуется во многих различных культурах на обширных территориях, простирающихся от Мавритании на западе до Индии на востоке. Существуют значительные различия в том, как используются верблюды, будь то молоко, мясо, скачки или шоу — это и определяет судьбу верблюда. В Раджастане (Индия) верблюд охраняется как символ штата, и его убой запрещен, но тем не менее его популяция резко сокращается. В Австралии одичавшие верблюды объявлены вредителями, их уничтожают с вертолетов, однако их численность растет. Во всем мире верблюжье молоко рекламируется как суперпродукт, так как оно полезно при лечении аутизма и диабета. Первоначально верблюд был достоянием кочевых обществ, но сейчас его разведение в крупных масштабах практикуется в Эмиратах.

Можно ли разработать системы молочного верблюдоводства на благо кочевых пастухов верблюдов? В этом докладе мы попытаемся разобраться во многих парадоксах, преобладающих в отношениях человека и верблюда.

Ключевые слова: верблюд, Раджастан, Австралия, кочевники, отношения человека и верблюда.

Remedies of Animal Origin in Folk Medicine of Karelia and Pechorsky District

Valeria B. Kolosova¹, Olga S. Belichenko^{2,3}

¹ Institute for Linguistic Studies RAS, St Petersburg, Russia;

² University Ca' Foscari Venezia, Venice, Italy;

³ National Natural History Museum, Paris, France,
chakra@eu.spb.ru; olga.belichenko@unive.it

Some of the animals that are still important for the medicinal practices in the Northwestern Russia.

Некоторые животные, которые до сих пор важны в лечебных практиках на Северо-Западе России.

The traditional medicine of various peoples populating Russia is strongly underrepresented in the international academic literature. Still, it has a multicomponent structure, having a long history of relations with official medicine, and is still a living tradition with many people using folk remedies. The paper analyses

animal products in folk medicine in Karelia and Pskov region (north-west part of Russia), and compares their uses in different ethnic groups — Karelians, Setos, and Russians, basing on published sources and fieldwork in 2018–2019.

The ethnic groups are represented in the ethnographical literature very disproportionally. Only Karelian folk medicine was described in details in special works. Such state-of-the-art does not allow adequate comparison; nonetheless the available data demonstrate that the remedies shared by all ethnic groups are quite few. Among animal-based remedies, physiological discharges of the human body were the most popular; fish oil and bear body parts were the most used from the wild, while from the household various products derived from cows, horses and dogs were used. Animal remedies were mostly used for healing furuncles, scrofula, frostbite, hernia, and lanugo.

Our field data is more consistent. Karelian folk medicine still seems to be the richest. In all groups, various products of bees, cows and sheep are the most used from the household; bear and badger body parts are used as well. The most used substances are fat and honey. Animal remedies are mostly used for respiratory and skin diseases. In chronological aspect, past uses seem a little more numerous than the present ones and seem to have disappeared together with the hygiene improvement and wider access to the official medicine. Due to these factors, there is a tendency to decreasing of traditional use of animal-based remedies in our time.

This research was funded by the European Research Council (ERC) under the European Union's Horizon 2020 research and innovation programme, grant number 714874.

Keywords: folk medicine, animal-based remedies, Karelia, Pskov region, Russia.

Лекарственные средства животного происхождения в народной медицине Карелии и Печорского района

Валерия Борисовна Колосова¹, Ольга Сергеевна Беличенко^{2, 3}

¹ Институт лингвистических исследований РАН, Санкт-Петербург, Россия; ² Венецианский университет Ка' Фоскари, Италия;

³ Национальный музей естественной истории, Франция,
chakra@eu.spb.ru; olga.belichenko@unive.it

Традиционная медицина различных народов, населяющих Россию, крайне ограниченно представлена в международной академической литературе. Тем не менее, она имеет многокомпонентную структуру, долгую историю взаимоотношений с официальной медициной и до сих пор является живой традицией, и многие люди используют народные средства. В докладе анализируются продукты животного происхождения в народной медицине Карелии и Псковской области (северо-запад России) и сравнивается их использование у различных этнических групп — у карелов, сету и русских, на основании опубликованных источников и полевых исследований в 2018–2019 гг.

Этносы представлены в этнографической литературе очень непропорционально. Только карельская народная медицина подробно описана в специальных трудах. Такое современное состояние не позволяет провести адекватное сравнение; тем не менее имеющиеся данные показывают, что лекарств, используемых всеми этническими группами, довольно мало. Среди препаратов животного происхождения наибольшей популярностью пользовались физиологические выделения человеческого тела; рыбий жир и части тела медведя чаще всего использовались в дикой природе, в то время как в домашних условиях применялись различные продукты, полученные из коров, лошадей и собак. Лекарства животного происхождения в основном использовались для лечения фурункулов, золотухи, обморожений, грыж и лануго.

Наши полевые данные более последовательны. Карельская народная медицина по-прежнему кажется самой богатой.

Во всех группах более всего используются различные продукты пчеловодства, коровы и овцы; также находят свое применение части тела медведя и барсука. Чаще всего используются жир и мед. Средства животного происхождения используются в основном при респираторных и кожных заболеваниях. В хронологическом аспекте видится, что в прошлом они применялись несколько чаще, чем в наши дни, и, похоже, исчезли вместе с улучшением гигиены и более широким доступом к официальной медицине. Из-за этих факторов в наше время наблюдается тенденция к сокращению традиционного использования средств животного происхождения.

Исследование профинансировано Европейским исследовательским советом (ERC) в рамках программы исследований и инноваций Европейского Союза Horizon 2020, грант № 714874.

Ключевые слова: народная медицина, лекарства животного происхождения, Карелия, Псковская область, Россия.

When Seal Hunting Turns to Murder: The Case of the Marine Mammal Hunting on the Kanin Peninsula in the 2000s

Natalia A. Kosyak

European University at Saint-Petersburg, The Russian Museum of Ethnography, Saint Petersburg, Russia, nkosyak@eu.spb.ru

Harp seal pup on ice (*Phoca groenlandicus*). White sea, Russia.
Photo by S. Widstrand, 2009.

Белёк (детеныш гренландского тюленя). Белое море, Россия.
Фото С. Видстранда, 2009.

Изменение отношения к промыслу морских млекопитающих, которое мы можем наблюдать в мире в последней четверти XX и в начале XXI века, меняет промысловые практики в Канаде, США, России и Скандинавии, их экономическую и отчасти юридическую основу. Как представляется, в основе этих процессов лежит переосмысление категории промысловых ресурсов и выведение из их числа определенных биологических видов.

В России кампания против добычи белька (детеныша гренландского тюленя, *pagophilusgroenlandicus*) 2008 г. изменила не только нормы коммерческого зверобойного промысла, но и отчасти хозяйственные практики промысловиков из небольших поселений на Белом море, в т.ч. на п-ве Канин.

В докладе предполагается проанализировать кампанию за запрет добычи бельков на Белом море на фоне истории морского зверобойного промысла на полуострове Канин в последние 40-50 лет. Эта кампания была инициирована активистами, в первую очередь медийными личностями (актеры, певцы, телеведущие) при поддержке международного фонда защиты животных IFAW, с использованием в публичной риторике дискурсивного «очеловечивания» тюленей. И если морская мегафауна риторически может выступать как метонимия Севера в целом, то в случае с бельками активисты актуализировали еще и детский образ: детеныш тюленя, как и ребенок, максимально беззащитен.

В докладе будет показано, как произошел переход бельков из категории промыслового ресурса / объекта торговли в категорию объекта восхищения (или даже умиления), и как гренландский тюлень как вид «дрейфует» от промыслового ресурса — морзверя к значимой части биоразнообразия, нуждающейся в защите. Также будет рассмотрено, как переосмысление статуса морских млекопитающих на законодательном уровне отражается на отношении к ним у жителей промысловых (в прошлом) поселков на п-ве Канин (с. Шойна и с. Кия, НАО).

Этот частный случай демонстрирует, как внешняя дискурсивная реальность меняет практики взаимодействия с определенными группами животных в локальном сообществе, когда вид, составлявший ранее определенную часть ресурсов, перестает осмысляться как таковой.

Keywords: seal hunting, whitecoats, Kanin Peninsula.

Когда промысел становится убийством: добыча морзверя на п-ве Канин в 2000-е гг.

Наталья Александровна Косяк

Европейский Университет в Санкт-Петербурге, Российский этнографический музей, Санкт-Петербург, Россия,
nkosyak@eu.spb.ru

Изменение отношения к промыслу морских млекопитающих, которое мы можем наблюдать в мире в последней четверти XX и в начале XXI века, меняет промысловые практики в Канаде, США, России и Скандинавии, их экономическую и отчасти юридическую основу. Как представляется, в основе этих процессов лежит переосмысление категории промысловых ресурсов и выведение из их числа определенных биологических видов.

В России кампания против добычи белька (детеныша гренландского тюленя, *ragophilus groenlandicus*) 2008 г. изменила не только нормы коммерческого зверобойного промысла, но и отчасти хозяйственные практики промысловиков из небольших поселений на Белом море, в т.ч. на п-ве Канин.

В докладе предполагается проанализировать кампанию за запрет добычи бельков на Белом море на фоне истории морского зверобойного промысла на полуострове Канин в последние 40-50 лет. Эта кампания была инициирована активистами, в первую очередь медийными личностями (актеры, певцы, телеведущие) при поддержке международного фонда защиты животных IFAW, с использованием в публичной риторике дискурсивного «очеловечивания» тюленей. И если морская мегафауна риторически может выступать как метонимия Севера в целом, то в случае с бельками активисты актуализировали еще и детский образ: детеныш тюленя, как и ребенок, максимально незащищен.

В докладе будет показано, как произошел переход бельков из категории промыслового ресурса / объекта торговли в категорию объекта восхищения (или даже умиления), и как гренландский тюлень как вид «дрейфует» от промыслового

ресурса — морзверя к значимой части биоразнообразия, нуждающейся в защите. Также будет рассмотрено, как переосмысление статуса морских млекопитающих на законодательном уровне отражается на отношении к ним у жителей промысловых (в прошлом) поселков на п-ве Канин (с. Шойна и с. Кия, НАО).

Этот частный случай демонстрирует, как внешняя дискурсивная реальность меняет практики взаимодействия с определенными группами животных в локальном сообществе, когда вид, составлявший ранее определенную часть ресурсов, перестает осмысляться как таковой.

Ключевые слова: морской зверобойный промысел, бельки, п-в Канин.

The Dog in the Avestan Texts: Animal, Human and Divine Aspects

Victoria Yu. Kryukova

Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography
(Kunstkamera) of the RAS, Saint Petersburg, Russia,
zorovictoria@gmail.com

A dog at the Zoroastrian cemetery in Tehran.

Photo by V. Kryukova, 2019.

Собака на зороастрийском кладбище в Тегеране.

Фото В. Крюковой, 2019.

Despite the fact that the dog is one of the iconic animals in Zoroastrianism, in the Avesta it is mentioned (with the exception of a couple of fragments) only in the Videvdāt — a collection containing, in addition to mythological texts, various ritual prescriptions. A significant part of the Videvdāt is associated with burial and cleansing rituals, this can explain the special attention to the animal, which in the Indo-European tradition is close to the chthonic sphere. In the classifications of living beings available in the Videvdāt, the dog is not mentioned as one of the domestic animals, but as a link in the hierarchy of people. At the same time, the world of dogs and animals, reckoned among them by the Zoroastrian tradition, just like the world of people, has its own “social” hierarchy, subordinated to the idea of different degrees of “holiness” of creatures (depending on “usefulness”). The dog takes part in rituals associated with cleansing and burial rites as an obligatory subject of the ritual, or, in some cases, as a substitute for a human person; just as the human body and its parts are the yardstick of all things, the dog’s body serves as such a yardstick in one of the fragments of the Videvdāt; the death of a dog is equal to the death of a human.

The dog is also attached to the daily ritual rhythm: it is awake both day and night, during the greatest activity of demonic forces. In this important aspect, Sraoša, the Zoroastrian deity of obedience, who plays an important role in the Videvdāt and in the Avesta as a whole, is compared to a herding dog. Textual allusions suggest a connection between the dog in the Videvdāt (13.39-40), Sraoša in the Avestan texts and the “alert and vigorous” defenders of a Vedic text (Atharvaveda 8.1.13).

Keywords: dog, human, Avesta, Videvdāt, Atharvaveda, Zoroastrian rituals.

Собака в авестийских текстах: животный, человеческий и божественный аспект

Виктория Юрьевна Крюкова

Музей антропологии и этнографии имени Петра Великого
(Кунсткамера) РАН, Санкт-Петербург, Россия, zorovictoria@gmail.com

При том, что собака является одним из знаковых животных в зороастризме, в Авесте она упоминается (за исключением пары фрагментов) только в Видевдате — собрании, содержащем, помимо мифологических текстов, различные ритуальные предписания. Значительная часть Видевдата связана с погребальной и очистительной обрядностью, этим можно объяснить особенное внимание к животному, в индоевропейской традиции близкому к хтонической сфере. В классификациях живых существ, имеющих в Видевдате, собака упоминается не как одно из домашних животных, а как звено в иерархии людей. Вместе с тем мир собак и животных, причисленных к ним зороастрийской традицией, так же, как и мир людей, имеет свою “социальную” иерархию, подчиненную представлению о разной степени “святости” существ (в зависимости от “полезности”). Собака принимает участие в обрядах, связанных с очистительными и погребальными обрядами как обязательный субъект ритуала, или, в некоторых случаях, как замена человека; подобно тому, как тело человека и его части являются мерилем всех вещей, таким мерилем в одном из фрагментов Видевдата служит тело собаки; смерть собаки приравнивается к смерти человека.

Собака привязана и к суточному ритуальному ритму: она бодрствует и днем, и ночью, во время наибольшей активности демонических сил. В этом важном аспекте с пасущей скот собакой сравнивается Сраоша, зороастрийское божество послушания, играющее важную роль и в Видевдате, и в Авесте в целом. Текстуальные аллюзии позволяют предположить связь между собакой в Видевдате (13.39-40), Сраошей в авестийских текстах и “бдительными и бодрыми” защитниками ведийского текста (Атхарваведа 8.1.13).

Ключевые слова: собака, человек, Авеста, Видевдат, Атхарваведа, зороастрийские ритуалы.

Dogs Along the Silk Road: Western Dog Breeds in Medieval China (Northern Dynasties — Song)

Maria A. Kudinova

Institute of Archaeology and Ethnography of Siberian Branch of the RAS, Russia, maria-kudinova@yandex.ru

Images of “Persian” and “Roman” dogs in the art of medieval China: 1 — ceramic figurines of barbarians-hu with “Persian” dogs from burials of the Tang era in Xi’an, kept in the Museum of Xi’an, photo by M. Kudinova, 2017; 3 — ceramic figurine of a lady with a “Roman” dog from the collection of the

Miho Museum, Koka, Tang era (after: [Lin Meicun, 2006: 284]); 4, 5, 7 — images of “Roman” dogs on tomb murals of the Tang-Song epoch (after: [Liu Mingke, 1994: 54; Han Wei, Zhang Jianlin 1998: 98; Jia Zhongbao, Chu Weihong, Wang Zunyi, 2013: 62]); 6 — an image of a boy with a “Roman” dog in a painting from a burial at the Astana burial ground, 1st half of the 8th century (photo from the article: Asitana gu mu (Astana Burial Ground). 03/28/2018 // Website of the Turpan United Tourism Co., URL: <http://www.goturpan.com/?Article1445/1623.html>).

Изображения «персидских» и «римских» собак в искусстве средневекового Китая: 1 — керамические фигурки варваров-ху с «персидскими» собаками из погребений эпохи Тан в г. Сиань, хранятся в Музее города Сиань, фото М. Кудиновой, 2017 г.; 3 — керамическая фигурка дамы с «римской» собачкой из коллекции Музея Михо, г. Кока, эпоха Тан (по: [Линь Мэйцунь, 2006, с. 284]); 4, 5, 7 — изображения «римских» собачек на настенных погребальных росписях эпох Тан-Сун (по: [Лю Минкэ, 1994, с. 54; Хань Вэй, Чжан Цзяньлинь 1998, с. 98; Цзя Чжунбао, Чу Вэйхун, Ван Цзунь, 2013, с. 62]); 6 — изображение мальчика с «римской» собачкой на картине из погребения на могильнике Астана, 1-я пол. VIII в. (фото из статьи: Асытана гу му (Могильник Астана). 28.03.2018 // Сайт «Объединенной туристической компании Турфана», URL: <http://www.goturpan.com/?Article1445/1623.html>).

Historical and literary works and archaeological materials (such as pottery figurines, tomb murals and reliefs, paintings etc.) recorded the spread of foreign dog breeds in the territory of China since the period of the Northern dynasties. They received the greatest popularity among the Chinese aristocracy in the Tang era. So far, information about two such breeds has reached — «Persian» and «Roman» dogs.

«Persian» dogs (Bosi gou, Bosi quan) were the hunting dogs with a thin elongated body, long legs, short-haired, probably, related to Saluki. «Roman» dogs (Fulin gou, Fulin quan) were the miniature dogs with a short body and legs, long-haired, black and white spotted, which probably, originated from Maltese dogs. They performed a decorative function and served as companions of women and children. Apparently, originally both «Persian» and «Roman» dogs were imported into China along the Silk Road via Sogdian city-states of Central Asia and the states of Western Regions (Xiyu). Later, the breeding of these dogs started in China in order

to meet the needs of Chinese elites for the enjoyment of these prestigious pets.

Thus, in the elite culture of medieval China, one more function of dogs is formed (along with the previously practiced economic and ritual use), which has survived to this day — «decorative and entertainment»: now they just need to be pets and delight their owners. An important role in this was played by economic and cultural contacts with other countries and peoples along the Great Silk Road.

Keywords: dogs, China, Central Asia, Silk Road, cross-cultural contacts.

Собаки на Шелковом пути: западные породы собак в Китае эпохи средневековья (Северные династии — Сун)

Мария Андреевна Кудинова

Институт археологии и этнографии Сибирского отделения РАН,
Новосибирск, Россия, maria-kudinova@yandex.ru

Исторические сочинения и произведения художественной литературы, а также вещественные источники (погребальная пластика, фрески, рельефы, живопись) фиксируют появление на территории Китая иностранных пород собак начиная с эпохи Северных династий. Наибольшую популярность в среде китайской аристократии они получают в эпоху Тан. До настоящего времени дошли сведения о двух таких породах — «персидских» и «римских» собаках.

«Персидские» собаки (Босы гоу, Босы цюань) — охотничьи собаки с худым удлинённым телом, длинными лапами, гладкошерстные, возможно, родственные борзым салюки. «Римские» собаки (Фулинь гоу, Фулинь цюань) — миниатюрные животные с коротким телом и лапами, длинношерстные, характерной черно-белой пятнистой окраски, вероятно, ведущие происхождение от мальтийских болонок. Они выполняли декоративную функцию и служили компаньонами для женщин и детей. По-видимому, первоначально и «персидские», и «рим-

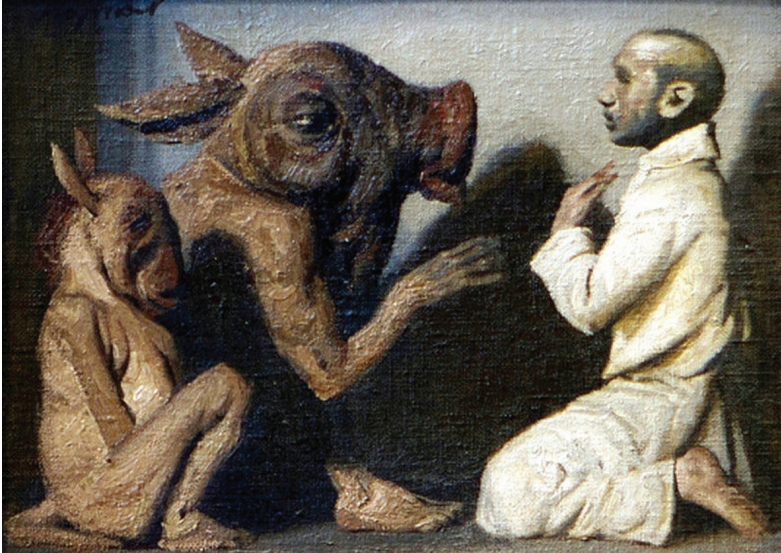
ские» собаки ввозились в Китай по Шелковому пути через согдийские города-государства Центральной Азии и государства Западного края, а позднее их начали разводить и в самом Китае, чтобы удовлетворить потребности высших слоев общества в обладании «престижными» домашними питомцами.

Таким образом, в элитарной культуре средневекового Китая оформляется еще одна функция собак (наряду с уже практиковавшимся ранее хозяйственным и ритуальным использованием), сохранившаяся до наших дней, — «декоративно-развлекательная»: теперь им достаточно быть просто домашними любимцами и радовать своих хозяев. Немаловажную роль в этом сыграли экономические и культурные контакты с иными странами и народами по Великому Шелковому пути. *Ключевые слова:* собаки, Китай, Центральная Азия, Шелковый путь, межкультурные контакты.

The Concept of the Animal in Post-structuralist Anthropologies based on the Example of the Works of Eduardo Viveiros de Castro and Eduardo Cohn

Olga I. Kudriavtseva

HSE University, Moscow, Russia, likeeriksmith@gmail.com

“Turliki”. Drawing by Geliy Korzhev, 1984–1991.

«Тюрлики». Рисунок Гелия Коржева, 1984–1991.

The concept of the animal is an equivocal one. Nowadays there are several different conceptualizations of animals. In this report we would like to discuss how the concept of the animal is revealed in the new anthropologies, through the works of Eduardo Cohn and Eduardo Viveiros de Castro. We will also focus on what new approaches to animals the aforementioned authors propose in relation to new epistemologies and ethics.

Poststructuralist anthropology (Viveiros de Castro’s term) involves replacing a detached disciplinary anthropology, in which the separation between human and non-human, nature and culture is maintained, with an onto-epistemology, which would combine a meta-level regarding ethnography, ontology and epistemology not

only of other nations, but also of the researcher. Viveiros de Castro brings in the notions of perspectivism and multinaturalism. In relation to these concepts, the idea is developed that non-human actors, for example animals, have their own system of ontology, within which each animal occupies a position relative to another, not as to another species (for us a jaguar), but as to one like them (as to us humans). This approach not only allows us to gain new knowledge about ourselves and our ways of constructing knowledge about the world around us, but also increases our trust in the knowledge and ontologies of other non-human beings.

Viveiros de Castro and Cohn accept the Latourian view that in our time the goal of cognition in representation is replaced by the need to multiply the number of actors, for which Viveiros de Castro engages more with other cultures and entities, using the concept of anthropomorphism. Cohn engages other cultures, animals and non-human entities, using symbolic structures and signs to compare them. Cohn overcomes the anthropocentrism of anthropology by attributing to nonhuman beings the capacity for semiotic processes, and by pointing out the impossibility of analyzing these processes from an anthropocentric perspective. Adding to the problem of decolonization the problem of language and symbolization, it becomes obvious that it is necessary to extend the horizons of ontology not only to non-western peoples, but also to non-human beings.

Keywords: poststructuralist anthropology, new anthropologies, non-human ontologies, perspectivism, decolonialism.

Концепция животного в постструктуралистских антропологиях на примере работ Эдуардо Вивейруша де Кастро и Эдуардо Кона

Ольга Игоревна Кудрявцева

Научный исследовательский университет Высшая школа экономики, Москва, Россия, likeeriksmith@gmail.com

Концепция животного является неоднозначной, меняющейся на протяжении истории. В наше время существует

несколько различных концептуализаций животных. В данном докладе мы хотели бы рассмотреть, как раскрывается понятие животного в новых антропологиях на примере работ Эдуардо Кона и Эдуардо Вивейруша де Кастро. Также мы сделаем акцент на том, какие новые подходы к животным предлагают вышеназванные авторы в связи с новыми эпистемологиями и этикой.

Постструктуралистская антропология (термин Вивейруша де Кастро) предполагает замену обособленной дисциплинарной антропологии, в которой сохраняется разделение между человеческим и нечеловеческим, природой и культурой, на онто-эпистемологию, которая соединяла бы в себе мета-уровень относительно этнографии, онтологии и эпистемологии не только других народов, но и онтологии исследователя. Для этого Вивейруш де Кастро вводит понятия перспективизма и мультинатурализма. В связи с этими понятиями разрабатывается идея о том, что нечеловеческие акторы, к примеру животные, имеют свою систему онтологии, внутри которого каждое животное занимает положение относительно другого, не как к другому виду (для нас — ягуару), а как к такому же как они (как для нас — человеку). Такой подход позволяет не только получить новые знания о себе и своих способах выстраивания знания об окружающем мире, но также повышает доверие к знаниям и онтологиям других не-человеческих существ.

Вивейруш де Кастро и Кон сходятся в латурианском мнении о том, что в наше время цель о познании в представлении заменяется на необходимость умножения количества акторов, для этого Вивейруш де Кастро задействует в большей степени другие культуры и сущности, используя понятие антропоморфизма, а Кон другие культуры, животных и нечеловеческих сущностей, используя для их сравнения символические структуры и знаки. Кон преодолевает антропоцентризм антропологии с помощью придания нечеловеческим существам способности к семиотическим процессам, а также с помощью указания на невозможность анализа этих процессов с антро-

поцентричных позиций. Добавляя к проблеме деколонизации проблему языка и символизации, становится очевидно, что раздвинуть горизонты онтологии необходимо не только до не-западных народов, но и до не-человеческих существей.

Ключевые слова: постструктуралистская антропология, новые антропологии, нечеловеческие онтологии, перспективизм, деколониальность.

«Despicable» Beasts in Otto Marseus Van Schrieck's Paintings

Olga Yu. Kulakova

SPb Academy of arts named by Ilya Repin, Saint Petersburg, Russia,
pp_olga@mail.ru

Otto Marseus van Schrieck. Still life with insects, amphibians, mushrooms. 50,7×68,5 cm, 1662. Herzog Anton Ulrich Museum, Braunschweig.

Отто Марсеус ван Схрик. Натюрморт с насекомыми, земноводными, грибами. 50,7×68,5 см, 1662. Музей герцога Антона Ульриха, Брауншвейг.

Otto Marseus van Schrieck (1619/20–1678) is a Dutch mid-17th century artist, who created vivid, expressive images of animals that were considered inferior and despicable. Snakes, frogs, toads, and insects — all of these beasts for a long time were unworthy of the attention in science and art. The new genre («sottobosco» — «understory») depict the underbrush and furious fights of animals; it was created by van Schrieck and found continuation in the art of other painters: Rachel Ruysch, Christiaan Striep, Paolo Porpora, Matthias Withoos, Melchior d'Hondecoeter and others. Van

Schrieck's art adorn the European museum collections and are also presented in the State Hermitage's exposition.

Thanks to van Schrieck's open communication with animals this genre has appeared. The artist organized a home terrarium, where he raised reptiles, amphibians, insects and some mushrooms. It was necessary to work from life to capture the appearance of animals accurately and reliably. Van Schrieck's paintings reflect the emerging interest of the scientific community to this part of nature and also to the theory of spontaneous generation. The artist communicated and was friends with the scientist Jan Swammerdam who made a lot of important discoveries in insect anatomy.

This research reveals the question of changing the 17th century European artists' and scientists' attitude to poisonous beasts, which was mysterious, unpleasant and also had negative Bible references. The study of animals and plants at that time was not only to find out their use, but also for understanding them in general, as a part of a new mechanistic view of the world.

Keywords: Otto Marseus van Schrieck; 17-th century Dutch painting; history of science; animals in art; zoological illustration.

«Презренные» существа в живописи Отто Марсеуса ван Схрика

Ольга Юрьевна Кулакова

Санкт-Петербургская Академия художеств им. Ильи Репина,
Санкт-Петербург, Россия, pp_olga@mail.ru

Отто Марсеус ван Схрик (1619/20–1678) — голландский художник середины XVII века, создавший в своих живописных работах яркие, выразительные образы змей, лягушек, жаб, насекомых — тех животных, которые считались низшими, недостойными внимания науки и искусства. Созданный ван Схриком новый жанр («sottobosco» — дословно с итальянского «подлесок») в живописи, изображающий древесный полог и яростные схватки зверей, нашел продолжение в творчестве других живописцев: Рахель Рюйш, Кристиана Янса ван Стрипа,

Паоло Порпора, Маттиаса Витхоса, Мелхиора де Хондекутера и других. Живопись ван Схрика украшает коллекции музеев Европы, а также представлена и в экспозиции Государственного Эрмитажа.

Появление такого жанра стало возможным благодаря непосредственному общению ван Схрика с животными. Для того чтоб работать с натуры, запечатлевая облик животных точно и достоверно, художник организовал домашний террариум, где выращивал рептилий, амфибий, насекомых, а также грибы. Сюжеты картин ван Схрика отражают пробуждающийся интерес научного сообщества к этой части природы, а также переосмысление теории спонтанного самозарождения. Художник общался и дружил с ученым Яном Сваammerдамом, совершившим ряд важных открытий в анатомии насекомых.

Данное исследование раскрывает вопрос изменения отношения художников и ученых в Европе XVII века к ядовитым тварям, чей облик имел негативные библейские отсылки и, в целом, казался загадочным и неприятным. Мотивом для изучения животных и растений в это время становится не только их польза, но и они сами, как отражение новой целостной механистической картины мира.

Ключевые слова: Отто Марсеус ван Схрик; голландская живопись XVII века; история науки; животные в живописи; зоологическая иллюстрация.

Animals in the early Middle Ages: Traumas, Transformations and Taboos

Tamara Lewit

University of Melbourne, Melbourne, Australia, tlewit@unimelb.edu.au

Mosaic of deer hunting, from the late antique villa of Centcelles (Constantí, Spain) (2–4 sec.AD). Photo by Angela Llop via Wikimedia Commons (Creative Commons CC BY-SA 2.0).

Мозаика, изображающая охоту на оленей, из позднеантичной виллы Чентчеллес (Константи, Испания) (2–4 в. н.э.). Фото Анджелы Ллоп из Wikimedia Commons (Creative Commons CC BY-SA 2.0).

The period from AD 500–700 in Europe was a time of profound crisis and change, with resonances for our own era. The trauma of climatic change demanded new solutions for resilience. The disintegration of Roman state systems and migrations of Barbarian groups caused profound transformations in socio-political structures. The growth of new religious beliefs and the institutions of Christianity, particularly monasteries, as well as the extension of the Islamic Empire into Spain, introduced new dietary taboos. In this paper, I wish to examine how the nexus between animals and humans changed in the context of these traumas, transformations,

and taboos. I will consider changes in animal husbandry and diet, religious influences, and socio-political symbolism of animals in this period.

Keywords: early Middle Ages, diet, climate, animal husbandry.

Животные в раннем средневековье: травмы, трансформации и табу

Тамара Льюит

Мельбурнский университет, Мельбурн, Австралия,
tlewit@unimelb.edu.au

Период 500–700 гг. н.э. в Европе был временем глубокого кризиса и перемен, которые имели последствия для нашей эпохи. Нарушения, вызванные климатическими изменениями, потребовали новых решений для повышения жизнеспособности. Распад римских государственных систем и миграции групп варваров стали причиной глубокого преобразования в социально-политических структурах. Рост новых религиозных верований и институтов христианства, в особенности монастырей, а также расширение Исламской Империи на Испанию, способствовали введению новых пищевых запретов. В этом докладе я хочу исследовать, как отношения между животными и людьми изменились в контексте этих травм, трансформаций и табу. Я рассмотрю изменения в животноводстве и питании, религиозные влияния и социально-политическую символику животных в этот период.

Ключевые слова: раннее Средневековье, питание, климат, животноводство.

Between Water, Earth and Sky. Symbolic Meanings and Ritual Use of the Pangolin in Sub-Saharan Africa

Sara Lucrezi

University of Campania “Luigi Vanvitelli”, Caserta, Italy,
saralucrezi@hotmail.it

Specimen of tree pangolin.

Разновидность древесного панголина.

The presentation is focused on the role of the pangolin in Traditional African Religions. This animal, the only mammal in the world covered with scales, has been the subject of numerous anthropological-religious studies, which have highlighted its ritual functions and its presence in cosmological-theological myths in many areas of sub-Saharan Africa, especially among the Bantu populations. Due to its recognized properties, the pangolin is also used in traditional medicine to treat a variety of physical and spiritual diseases and to ensure protection, safety, fortune and economic prosperity.

This anthropological and religious phenomenon, despite its different versions among the various ethnic groups, exhibits a common root, and, although the lack of written documentation

renders a precise time allocation really hard, it seems to be very ancient. The cultural and religious significance attributed to the animal has been interpreted in relation to the particularity of its physiognomy, signs of ambiguity and liminality between different categories. As it was written, it seems indeed “the perfect mediator between the natural categories on the one hand, and between nature and culture on the other”. It therefore seems appropriate to link the role given to this animal with some central issues of African Traditional Religions, such as the interrelation between the spiritual and material worlds, and the function of mediator among them exercised by the king.

Keywords: pangolin, African traditional religions, medicine, myths, rituals.

Между водой, землей и небом.

Символическое значение и ритуальное использование панголина в Африке к югу от Сахары

Сара Лукреци

Университет Кампании “Луиджи Ванвителли”, Казерта, Италия,
saralucrezi@hotmail.it

Презентация посвящена роли панголина в традиционных африканских религиях. Это животное, единственное в мире млекопитающее, покрытое чешуей, было предметом многочисленных антропологических и религиозных исследований, которые выявили его ритуальные функции и его присутствие в космолого-теологических мифах во многих районах Африки к югу от Сахары, особенно среди населения банту. Благодаря своим признанным свойствам, панголин также используется в традиционной медицине для лечения различных физических и духовных заболеваний и для обеспечения защиты, безопасности, удача и экономического процветания.

Несмотря на сложность сопоставления этого антропологического и религиозного феномена в хронологическом виде из-за отсутствия письменной документации, он представля-

ется очень древним и, несмотря на его многообразие видится единым в своей основе. Культурное и религиозное значение, приписываемое животному, интерпретировалось в связи с особенностями его внешнего вида, признаком двусмысленности и лиминальности между различными категориями. Как было написано, он действительно кажется «идеальным посредником между природными категориями, с одной стороны, и между природой и культурой, с другой». Поэтому представляется уместным связать роль, отведенную этому животному, с некоторыми центральными вопросами африканских традиционных религий, такими, как взаимосвязь между духовным и материальным мирами и функция посредника между ними, выполняемая королем.

Ключевые слова: панголин, традиционные религии Африки, медицина, мифы, ритуалы.

Presence-Absence of Dog Representation in Ancient Societies and in Ethnography

Francesca Lugli¹, Dmitrii V. Cheremisin², Andrei V. Novikov²

¹AIE, Rome, Italy; ²IAET SB RAS, Novosibirsk, Russia

luglifrance@gmail.com; topsya@bk.ru; novikov@archaeology.nsc.ru

Kumay sleeping on petroglyphs. Kosh-Agach (Republic of Altai).

Photo by D. Cheremisin, 2000.

Кумай, спящий на петроглифах. Кош-Агач (Республика Алтай).

Фото Д. Черемисина, 2000.

The dog has been part of the history of man since prehistoric times. The questions why, where, how and when its domestication took place are the focus of a large scientific debate. What is certain is that the usefulness of dogs is unquestionable for many societies and even indispensable for many. Just think of steppe pastoralism or even the hunters of many regions of the world who declare that their activity would be impossible without dogs. But if the importance of dogs is certain, it is equally certain that it is not a widespread and constant subject of representation. This raises numerous questions relating to the man-dog relationship and its presence / absence in the various archaeological and traditional cultures in which the dog certainly had, or has, a crucial position.

The authors will examine some archaeological and ethnographic evidence, with a view to focusing on the paradox of the presence / absence of the representation of this animal which for many cultures is “man’s best friend”.

Keywords: dog, representation, archaeology, ethnography.

Наличие-отсутствие изображения собак в древних обществах и в этнографии

*Франческа Лульи¹, Дмитрий Владимирович Черемисин²,
Андрей Владиленинович Новиков²*

¹ АИЕ, Рим, Италия; ² Институт археологии и этнографии
Сибирского отделения РАН, Новосибирск, Россия,
luglifrance@gmail.com; topsya@bk.ru; novikov@archaeology.nsc.ru

Собака была частью истории человека с доисторических времен. Такие вопросы как почему, где, как и когда произошло ее одомашнивание являются предметом обширных научных споров. Несомненным является то, что собака бесспорно полезна для многих обществ и, более того, для многих из них она необходима. Просто подумайте о степном скотоводстве или даже об охотниках во многих регионах мира, которые заявляют, что их деятельность была бы невозможна без собаки. Но если важность собак очевидна, то точно так же очевидно, что они не являются широко распространенным и постоянным объектом изображения. Это поднимает многочисленные вопросы, касающиеся взаимоотношений человека и собаки и ее присутствия / отсутствия в различных археологических и традиционных национальных культурах, в которых собака определено имела (или имеет) большое значение.

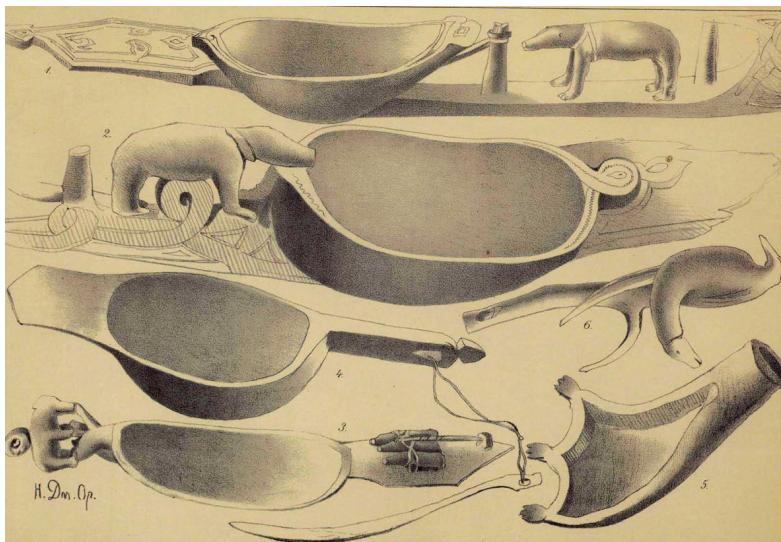
Авторы исследуют некоторые археологические и этнографические свидетельства с целью изучить парадокс присутствия / отсутствия изображения этого животного, которое для многих культур является «лучшим другом человека».

Ключевые слова: собака, изображение, археология, этнография.

The Idea of a Tamed Beast in the Sacred Sphere of the Amur Peoples

Olga V. Maltseva

IAET SB RAS, Novosibirsk, Russia, olymals@gmail.com

Utensils for the Nivkh Bear festival [Schrenck L.I. 1903. *Ob inorodtsakh Amurskogo kraja* (About the natives of the Amur region). Vol. 3. St Petersburg: Izd. AN. App. LI].

Утварь, применявшаяся в медвежьем празднике нивхов [Шренк Л.И. *Об инородцах Амурского края*. Т. 3. СПб: Изд-во АН, 1903. Прил. LI].

Hunters and fishermen are in a very close relationship with the wild animals around them. We can identify the specifics of such a connection using some examples from the Amur peoples' life. They gave high priority to local predators — bears and tigers and treated them like human ancestors and patrons. The cult of taiga beasts penetrated into the Nanai shamanic iconography and became a part of the Nivkh and the Ulchi Bear festivals. In the sacred space, these solitary and asocial predators perform the functions of both protectors and helpers. They carried away mortal human souls or brought, took them away, and helped shamanic spirits. The spiritual

entities that personified predators of the taiga zone — tigers or bears, acted in tandem with dogs. For example, in the other life bears headed dog teams that carried away mortal souls. The connection between a tiger and a dog we can see in the shamanic figures which expressed shamanic power. Thus, we can assume that physical attributes of the earthly plane were transferred to the sacred world. People communicating with invisible nature followed the idea of a “timed” animal, which originated within the community of Amur fishermen and hunters where the main animal-companions for people were dogs.

Keywords: taiga predators, tamed animal, sacred sphere, spirits, dogs.

Идея прирученного зверя в сакральной сфере амурских народов

Ольга Владимировна Мальцева

Институт археологии и этнографии Сибирского отделения РАН,
Новосибирск, Россия, oymals@gmail.com

Частью окружения охотников и рыболовов являются дикие животные, с которыми они находятся в очень тесных контактах. Некоторые примеры из жизни народов Нижнего Приамурья показывают специфику таких взаимоотношений. Они особое внимание уделяли местным хищникам — медведям и тиграм, к которым относились как к первопредкам и своим покровителям. Культ таежных зверей проник в нанайскую шаманскую иконографию и стал частью нивхского и ульчского медвежьих праздников. В сакральной нише эти одиночные и асоциальные хищники стали выполнять функции как защитников, так и помощников. Они забирали и приносили человеческие души, помогали шаманским духам. Представители духовного мира, олицетворявших тигра или медведя, действовали в паре с собаками. К примеру, души умерших в потусторонний мир отвозили собачьи упряжи, возглавляемые медведями. Связь между тигром и собакой мы можем

видеть и в шаманских фигурах, которые выражали шаманскую силу. Таким образом, мы можем предположить, что проявления земной жизни проецировались в сакральном мире. Люди в общении с «невидимой» природой придерживались идеи «прирученного» животного, зародившейся в сообществе амурских рыбаков и охотников, где главными животными-компаньонами для людей являлись собаки.

Ключевые слова: тайга, хищник, прирученный зверь, собака.

Mortuary Practices, Animals and Identities in Mesolithic Northeastern Europe

Kristiina Mannermaa¹, Tuija Kirkinen¹, Anna A. Malyutina², Dmitrii V. Gerasimov³

¹ University of Helsinki, Helsinki, Finland; ² Institute for the History of Material Culture RAS, Saint Petersburg, Russia; ³ Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera) of the RAS, Saint Petersburg, Russia

kristiina.mannermaa@helsinki.fi; tuija.kirkinen@helsinki.fi;
kostylanya@yandex.ru; dger@kunstkamera.ru

Grave 127 at Yuzhnyi Olenii Ostrov had a burial of adult woman, buried with elk tooth pendant on the chest and waist, and elk and beaver tooth pendants at hips. Drawing by T. Björklund.

В захоронении 127 на Южном Оленьем острове погребена взрослая женщина, похороненная с подвеской из лосиных зубов на груди и поясе, а также с подвесками из лосиных и бобровых зубов на бедрах. Рисунок Т. Бьёрклунда.

Prehistoric burial sites are extremely apt for societal studies because they contain material evidence of the relationships between human and non-human lifeways. Approximately 9000-7500 years ago, the forested areas of North-East Europe were settled by hunter-gatherers living in groups of at most 100 to 200 people. They created complex systems interacting with the animal world and environment, and burial customs have some typical features that reflect this, such as the use of

red ochre and the placement of tools and body ornaments in graves. Many of the burial goods were made of animal-derived materials (bone, antler, teeth, fur, feather, and shell), and unworked animal remains have also been found. Animal tooth pendants were often used for decorating costumes, headgear, or the body itself. Mortuary materials have been treated as symbolic of the ecological or social environment of the deceased, mainly based on the variation in sex, age, and the types and frequencies of grave goods. Given the complex systems that existed between humans and non-human animals, it is surprising that the roles of animals in the ideology and identity of the Northeastern European hunter-gatherers have not been studied holistically.

The Animals Make identities project applies a range of existing techniques to explore issues related to the ideological and social practices of hunter-gatherers and their relationships with animals, their most powerful partners and richest resource in both a material and a cosmological sense. In this paper we present some fresh results of our studies of animals and human identities, based on the biomaterials from the famous Late Mesolithic (c. 8200 cal BC) burial site called Yuzhniy Oleniy Ostrov (Lake Onega, NW Russia). The assemblage is part of the Museum collections of the Peter the Great Anthropological and Ethnographic Museum (Kunstkamera).

Keywords: late Mesolithic, burials, rituals, animals, ornaments.

Погребальные практики, животные и идентичности эпохи мезолита на северо-востоке Европы

Кристина Маннермаа¹, Туйя Киркинен¹, Анна Андреевна Малютина², Дмитрий Владимирович Герасимов³

¹ Университет Хельсинки, Хельсинки, Финляндия; ² Институт истории материальной культуры РАН, Санкт-Петербург, Россия;

³ Музей антропологии и этнографии имени Петра Великого (Кунсткамера) РАН, Санкт-Петербург, Россия
kristiina.mannermaa@helsinki.fi; tuija.kirkinen@helsinki.fi;
kostylanya@yandex.ru; dger@kunstkamera.ru

Доисторические захоронения чрезвычайно подходят для социальных исследований, поскольку они содержат мате-

риальные свидетельства взаимосвязи между человеческим и нечеловеческим образами жизни. Приблизительно 9000–7500 лет назад лесные районы Северо-Восточной Европы были заселены группами охотников-собирателей численностью не более 100–200 человек. Они создали сложные системы взаимодействия с животным миром и окружающей средой, и это нашло отражение в наличии некоторых типичных особенностях погребальных обычаев, таких как использование красной охры и размещение инструментов и украшений в могилах. Многие предметы погребального инвентаря были сделаны из материалов животного происхождения (кость, рог, зубы, мех, перо и раковины), также были обнаружены необработанные останки животных. Подвески из зубов животных часто использовались для украшения костюмов, головных уборов или тела. Погребальные материалы рассматриваются как символ экологического или социального окружения умершего, в основном на основании различий по полу, возрасту, а также типам и частоте наличия разнообразного погребального инвентаря. Учитывая сложные системы, существовавшие между людьми и животными, не относящимися к человеку, удивительно, что роли животных в идеологии и самобытности охотников-собирателей Северо-Восточной Европы не были комплексно изучены. В проекте «Создание идентичности животных» применяется ряд существующих методов для исследования вопросов, связанных с идеологической и социальной практикой охотников-собирателей и их взаимоотношений с животными, их наиболее могущественными партнерами и богатейшими ресурсами как в материальном, так и в космологическом смысле. В этом докладе мы представляем некоторые новые результаты наших исследований идентичности животных и людей, основанные на биоматериалах из знаменитого позднемезолитического (ок. 8200 лет до н.э.) могильника Южного Оленьего острова (Онежское озеро, Северо-Запад России). Собрание является частью коллекций Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера).

Ключевые слова: поздний мезолит, погребения, ритуалы, животные, украшения.

The Horse in Cossack Communities of Southern Russia: Anthropology vs. Bioethics

Alexander N. Manuylov

Pirogov Russian National Research Medical University, Moscow, Russia,
manuylov2000@hotmail.com

The paper is based upon historical, folkloristic and ethnographic field research of the practices and discourses of the Cossacks in the south of Russia. The research of the Cossacks has been carried out by the author for 30 years; the fieldwork among contemporary stable communities over the last two years. The main argument is that: in the past, there were discourses that regulate the norms and principles of human relations with animals, in particular, with a horse in Cossack communities. Elements of these discourses continue to operate within modern stable communities. Researchers of the Cossacks on the interconnection of the lifestyle of the Cossacks with their equestrianism and dzhigitovka (off horse riding skills). Elements of the Cossack social organization: mobility, military prowess and the ability to interact with animals (horses). Discourses that existed among Cossacks and formed human / animal communication. Embedding discourses on horses in other mainstream discourses and practices, ensuring the relevance and importance of horse-related knowledge. Folklore as one of the forms of representation of the elements of these discourses. The concept of warhorse. The problematization of horse animation among the Cossacks and in contemporary stables as a result of symbiotic relations between human and horse in communities. Bioethical concepts, principles and discussions in the field of human-animal interaction. Horse ownership from a bioethical point of view. Principles and norms of interaction with animals as elements of the Cossack bioethical tradition.

Keywords: Horse, rider, off horse riding skills (dzhigitovka), the Cossacks, Bioethics.

Конь в казачьих сообществах юга России:

Антропология vs. Биоэтика

Александр Николаевич Мануйлов

Российский национальный исследовательский медицинский университет имени Н. И. Пирогова, Москва, Россия,
manuylov2000@hotmail.com

Доклад основан на историко-антропологических, фольклористических и полевых этнографических исследованиях практик и дискурсов казачества юга России, которые проводятся автором в течение 30 лет, а также на полевых исследованиях современных конюшен. Основной аргумент: в прошлом в казачьей среде существовали дискурсы, регламентирующие нормы и принципы взаимоотношений человека с животными и, в частности, с лошадью. Элементы этих дискурсов продолжают действовать в рамках сообществ современных конюшен. Исследователи казачества о взаимосвязанности стиля жизни казаков с их наездничеством и джигитовкой. Элементы казачьей социальной организации: мобильность, военное мастерство и способность взаимодействовать с животными (лошадьми). Дискурсы, существовавшие в казачьей среде и формировавшие коммуникацию человек/животное. Встраивание дискурсов о лошади в другие господствующие дискурсы и практики, обеспечение актуальности и важности знаний, связанных с лошадьми. Фольклор как одна из форм репрезентации элементов этих дискурсов. Концепт «боевой конь». Проблематизация одушевления коня у казаков и на современных конюшнях как результат симбиотических отношений человека и лошади в сообществах. Биоэтические концепты, принципы и дискуссии в сфере взаимодействия человека с животным. Владение конём с биоэтической точки зрения. Принципы и нормы взаимодействия с животными как элементы казачьей биоэтической традиции.

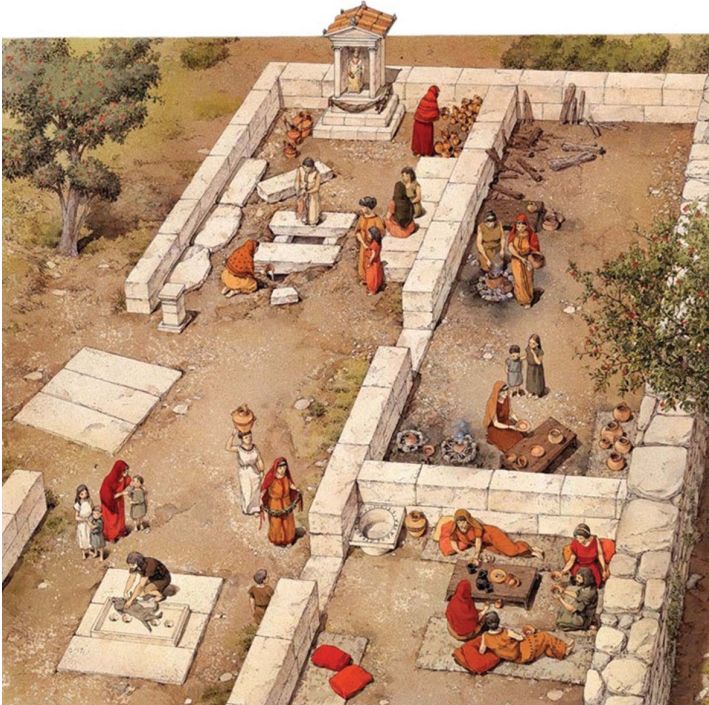
Ключевые слова: конь, всадник, джигитовка, казачество, биоэтика.

Animals Sacrifice Rituals in Pre-Roman Southern Italy

Giovanni Mastronuzzi, Davide Tamiano

University of Salento, Lecce, Italy,

giovanni.mastronuzzi@unisalento.it; davide.tamiano@hotmail.com

Reconstructive overall view of the Messapian sanctuary in Vaste (idea Francesco D'Andria; drawing InkLink Firenze) [Giovanni Mastronuzzi and Paolo Ciuchini 2011. Offerings and rituals in a Messapian holy place: Vaste, Piazza Dante (Puglia, Southern Italy). *World Archaeology*, 43:4, 676-701; D'Andria F. 2019. *Messapia illustrata. Immagini, racconti, attualità del Salento antico*].

Реконструкция общего вида мессапианского санктуария в Васте (идея Франческо Д'Андриа, рисунок ИнкЛинк Фиренце) [Джованни Мастронuzzi и Паоло Чукини 2011. Жертвоприношения и ритуалы в мессапианском священном месте: Васта, Пьяцца Данте (Апулия, Южная Италия). *WorldArchaeology*, 43:4, 676-701; Д'Андрия Ф. 2019. *Иллюстрированная Мессапия. Образы, истории, будни древнего Саленто*].

This communication will focus on the results of the archaeological research carried out by the University of Salento in Vaste (southern Apulia). In the very centre of the ancient settlement a holy place was set up between the 4th and 3rd centuries B.C.: three sacred cavities contained the remains of rituals involving the sacrifice of various species of domestic animals with subsequent slaughter, cooking and collective banquet. In addition, it has been possible to discover another type of ritual that took place at the time of the dismissal of the sanctuary; it included the sacrifice of 5 dogs, neither slaughtered nor consumed.

Ancient sources report that bloody rituals involving dog killings were associated with different aspects of a religious, magical and purifying nature, based on the particular value attributed to this animal: a value often ambiguous since it was associated to many gods, including Aphrodite and Hecate, and was also considered impure and unclean.

It is possible to identify the use of this practice in several indigenous contexts of the Italian peninsula between the Iron Age and Romanization, in which a similar act was clearly distinguished in the stratigraphy and interpreted as an “abandonment” or “closing ritual”. The remains of the dog lay above the layers of votive deposits or in connection with the destruction and abandonment layers.

The analysis of the ritual and the explanation of its diffusion together with the exegesis of the literary sources can be framed in a research perspective that includes the anthropology of ritual and the study of cultural transformation and reproduction phenomena.

It emerges that men’s alimentary behaviours, even prohibitions in the case of the dogs, provide a key to understanding the ritual attitude towards animals; these behaviours are inscribed in the relationship of perpetual tension between affinity and distinction feelings, between human society and animal species.

Keywords: sanctuary, sacrifice, feast, dogs, pre-roman.

Ритуалы жертвоприношения животных в южной Италии в доримский период

Джованни Матронуцци, Давиде Тамвиано

Университет Саленто, Лечче, Италия

giovanni.mastronuzzi@unisalento.it; davide.tamiano@hotmail.com

Доклад будет сфокусирован на результатах археологических исследований, проведенных Университетом Саленто в Васте (южная Апулия). В самом центре древнего поселения между 4 и 3 веками до н.э. было устроено святилище: в трех сакральных полостях хранились остатки ритуалов, связанных с принесением в жертву различных видов домашних животных с последующим забоем, приготовлением пищи и коллективным пиром. Кроме того, был обнаружен другой тип ритуала, который был проведен при закрытии святилища; он включал в себя принесение в жертву 5 собак, которые не были ни зарезаны, ни съедены.

Древние источники сообщают, что кровавые ритуалы с убоем собак были связаны с различными аспектами религиозной, магической и очищающей природы, исходя из особой ценности, приписываемой этому животному: значение, часто неоднозначное, поскольку оно ассоциировалось со многими богами, включая Афродиту и Гекату, а также считается нечистым.

Можно идентифицировать использование этой практики в нескольких контекстах коренных народов итальянского полуострова в период между железным веком и романизацией, где аналогичный акт был четко выделен в стратиграфии и интерпретирован как «оставление» или «ритуал закрытия»: останки собаки лежали над слоями votivных отложений или были связаны со слоями разрушения и оставления.

Анализ ритуала и объяснение его распространения, как и толкование литературных источников можно представить в виде исследования, которое включает антропологию ритуала и изучение феноменов культурной трансформации и воспроизводства.

Выясняется, что пищевое поведение людей, даже пищевые запреты в случае собак, дают ключ к пониманию ритуального поведения по отношению к животным; это поведение вписано в отношения постоянного напряжения между чувствами близости и разграничения, между человеческим обществом и видами животных.

Ключевые слова: святилище, жертвоприношение, пир, собаки, до-римский период.

Transformation of the Role of Pets: from «Fuzzies» to Millionaires. The Experience of Russia and the West

Olga N. Merenkova

Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera) of the RAS, Saint Petersburg, Russia, onyx@kunstkamera.ru

Why do we love pets so much? What contributed to the fact that in modern society the attitude towards pets has changed so much, which made people look for legal prerequisites in the desire to provide for their pets after death and practically give them legal status almost on a par with people?

In the 17th century, French Cardinal Richelieu left his savings to fourteen beloved cats. According to legend, his entourage did not fulfill this last will and approached the solution of the problem radically, destroying all the pets. In Russia in the XIX century, wealthy merchant Maria Leontyeva from Uglich left a substantial inheritance in money and real estate to her dog. Relatives tried to challenge the will, but unsuccessfully — after the death of the animal, the money and all property passed to the city treasury.

Times and countries are changing, but the owners' affection for pets and the desire to provide them with a prosperous life after their owners' death are unchanged. The report contains analysis of the transformation of the role of pets: from their stay as companion animals, allowing them to brighten up leisure time, to cases of endowing them with the status of legal successors after the death of the owner. Such cases are no longer a rarity in Western countries, where special funds are created in favor of the pet, strictly monitoring the execution of hereditary orders in favor of the pet. It is possible to inscribe an animal in a will in only a few countries: in the USA (for example, in Massachusetts, the necessary law has been in place since 2009), Great Britain, and Italy. In America, such cases are no longer isolated. In Russia, such cases are rather an exception, since pets are considered “movable property”, but since 2019, experts have been talking about the development of the practice of

creating inheritance funds in favor of a pet or a “bequest” on one of the heirs.

Keywords: pets, pet status transformation, heir animals, animal trust funds.

Трансформация роли домашних питомцев: из «пушистиков» в миллионеры. Опыт России и Запада

Ольга Николаевна Меренкова

Музей антропологии и этнографии имени Петра Великого
(Кунсткамера) РАН, Санкт-Петербург, Россия,
onyx@kunstkamera.ru

Почему мы так любим домашних животных? Что способствовало тому, что в современном обществе так изменилось отношение к домашним любимцам, что заставило людей искать правовые предпосылки в желании обеспечить своих питомцев после смерти и практически придать им правовой статус почти наравне с людьми?

Еще в XVII в. французский кардинал Ришелье оставил сбережения четырнадцати любимым кошкам. По легенде его приближенные не выполнили эту последнюю волю и подошли к решению проблемы радикально, уничтожив всех питомцев. В России в XIX в. богатая купчиха Мария Леонтьева из Углича оставила солидное наследство в деньгах и недвижимости своей собаке. Родственники пытались оспорить завещание, но безуспешно — после смерти животного деньги и все имущество перешли в городскую казну.

Времена и страны меняются, но привязанность хозяев к домашним животным и желание обеспечить им благополучную жизнь — неизменны. В докладе планируется рассмотреть трансформацию роли домашних питомцев: от пребывания их в качестве животных-компаньонов, позволяющих скрасить досуг, до случаев наделения их статусом правопреемников после смерти хозяина. Такие случаи уже не являются редкостью в западных странах, где в пользу питомца создаются

специальные фонды, строго следящие за исполнением наследственных поручений в пользу питомца. Вписать животное в завещание можно всего в нескольких странах: в США (например, в Массачусетсе необходимый закон работает с 2009 г.), Великобритании, Италии. В Америке такие случаи перестали быть единичными. В России подобные дела являются скорее исключением, поскольку домашние животные считаются «движимым имуществом», но уже с 2019 г. эксперты говорят о развитии практики создания наследственных фондов в пользу питомца или «завещательного возложения» на одного из наследников.

Ключевые слова: домашние животные, трансформация статуса питомца, животные-наследники, трастовые фонды для животных.

Animal-selves in Inuit Dream-Cultures

Louise Milne

Edinburgh Napier University, University of Edinburgh, Edinburgh, UK,
louise.milne@ed.ac.uk

Helen Kalvak (b.1901). Sorcerer (1967-8). Stonecut, 46.4×60.9. Holman Eskimo Cooperative, Holman Island.

Хелен Калвак (р. 1901). Колдун (1967-8). Резьба по камню, 46,4×60,9. Эскимосский кооператив Холмана, остров Холман.

Arctic shamanism can be regarded as a specialised dream-culture, providing a framework wherein certain individuals could gain mastery by internalising the collective mythological system and aligning that with their own capacity to dream. The forms of animals are central in this phenomenon. Shamanic activity traditionally focussed on actual hunting processes (location of game, enforcement of ritual and other rules governing the taking of game).

They managed this work by communicating with animal spirits (among others). A life-threatening encounter with a charismatic animal predator was a standard path into shamanism. And shamans wielded their power through semi-autonomous animal-avatars — as lovers, companions or servants — contacted through dreams, visions or second-sight.

Inuit animal dreams make an interesting case-study, due to the remarkable time-depth of their recorded dreams and visions (late 18C — present). The Inuit, like many tribal peoples, slept and dreamt together. They shared sleeping habits, customs of dream-sharing, beliefs about the relationship between dream-events and everyday life; they evolved a sophisticated taxonomy of dream-types. All this helped sustain the profile and reception of “culture-dreams” involving animals; animal encounters as gateways to initiation, animal-avatars in dreams generally. As their relations with modernity changed, so did their dream-relations with animals.

This paper outlines some of these trajectories, drawing on texts and visual materials from different time periods. The situation of animals in Inuit dream-cultures mirrors changes in subsistence and education. Modernisation, externally imposed or internalised, entailed the suppression/rejection of indigenous traditions; followed, in the later 20C, by revaluations and attempts at renewal. Relevant also is the impact of Christian missions; most recently Pentecostals, whose spirit traditions identify non-human dream-creatures as devils. Key cultural patterns concerning animal-avatars remain, but the experience comes to be framed differently; in terms of individual(ist) psychology, as nightmare, retarditaire delusion or madness.

Keywords: cross-cultural dreams, shamanic visions, Inuit dream-culture, animal-avatars, comparative mythology.

Животная самость в культурах сновидений инуитов

Луиз Милн

Эдинбургский университет Нэйпиера, Университет Эдинбурга,
Эдинбург, Великобритания, louise.milne@ed.ac.uk

Арктический шаманизм можно рассматривать как особую культуру сновидений, обеспечивающую основу, в которой определенные люди могут достичь мастерства, усвоив коллективную мифологическую систему и согласовывая ее со своей собственной способностью видеть сны. Животные формы занимают центральное место в этом явлении. Шаманская деятельность традиционно была сосредоточена на реальных процессах охоты (местонахождение дичи, соблюдение ритуалов и другие правила, регулирующие добычу дичи). Эти действия осуществляются путем общения с духами животных (среди прочего). Опасная для жизни встреча с харизматическим хищником была стандартным путем к шаманизму. Шаманы использовали свою силу посредством полуавтономных животных-аватаров, которые в качестве любовников, компаньонов или слуг вступали в контакт через сны, видения или ясновидение.

Сны инуитов о животных — захватывающая тема для исследования благодаря впечатляюще длительной истории записи снов и видений (конец 18 века — настоящее время). Инуиты, как и многие другие племенные народы, спали и видели сны вместе. У них были общие привычки сна, обычаи делиться сновидениями, представления о взаимосвязи между сновидениями и повседневной жизнью; они разработали сложную систематику типов сновидений. Все это помогало поддерживать очертания и восприятие «культурных сновидений» с участием животных; встречи с животными как врата к посвящению, животные-аватары во сне. По мере того, как менялись их отношения с современностью, менялись и их отношения с животными в сновидениях.

В своем докладе я обращаюсь к некоторым из этих траекторий с привлечением текстов и визуальных материалов,

относящихся к разным периодам времени. Положение животных в традициях инуитов, связанных со сновидениями, отражает изменения в их жизни и образовании. Модернизация, навязываемая извне или происходящая изнутри, влечет за собой подавление / отказ от традиций коренных народов; за ними, в конце 20-го века, последовали переоценка и попытки обновления. Также важно учитывать влияние христианских миссий; последними из них были пятидесятники, чьи духовные традиции идентифицируют нечеловеческих существ во сне как дьяволов. Ключевые культурные паттерны, касающиеся животных-аватаров, остаются, но этот опыт воспринимается иначе; с точки зрения индивидуальной психологии, как кошмар, отсталое заблуждение или безумие.

Ключевые слова: крос-культурные сновидения, шаманские видения, инуитская культура сновидений, животные-аватары, компаративная мифология.

The Sea Turtle is the Person of the Cultures of the Far Eastern Peoples: Archeology, Mythology and Biomimetics

Liudmila I. Missonova

Miklukho-Maklai Institute of Ethnology and Anthropology of the RAS,
Moscow, Russia, missmila@iea.ras.ru

An artifact in the exposition of the Poronai Museum of Local Lore.
Sakhalin region. Pasechnaya settlement 2. Dolinsky district.

Collection of V.Ya. Gorobets, S.V. Gorbunova. 2002.

Артефакт в экспозиции Поронайского краеведческого музея.

Сахалинской обл. Поселение Пасечная 2. Долинский р-н.

Сбор В.Я. Горобец, С.В. Горбунова. 2002.

The basis for studying the image of the turtle was the archaeological finds of the Sakhalin archaeologists. The archaeological artifacts are stored in the exposition of the Educational Archaeological Museum of Sakhalin State University (Yuzhno-Sakhalinsk,

the fragments of ceramics from the islands of Iturup and Moneron) and the Poronai Museum of Local Lore (Poronaysk, the artifact was found during excavations near Lake Nevsky on Sakhalin Island). Ornamental compositions presented on ceramics, bones and wood of the indigenous peoples of Sakhalin can be studied in comparison with the materials of vocabulary and folklore («verbal artifacts») of the ethnic communities involved in the development of the Far Eastern territory (both island and mainland), as well as the ways of the migration route of the leatherback turtle in the Pacific region and its functions as a «shepherd» (in the mythological sense — «master») of the salmon fish. The sacred art of the indigenous peoples of the Far East serves as a reflection of the vital developed spaces of the Earth and the Sky, as well as a vivid expression of the mythological consciousness of society. In addition, the use of the basic principles of applied bionics (biomimetics) by the indigenous inhabitants of the Pacific region is revealed. Interdisciplinary study of the turtle (in this case, the marine/sea «leathery» turtle) is necessary to understand its role in the cultural space of the Pacific Ocean.

Keywords: Pacific region, Indigenous Peoples of the Far East, sea turtle, Iturup, Moneron, Sakhalin.

Published in accordance with the research plan of the Institute of Ethnology and Anthropology of the Russian Academy of Sciences.

Морская черепаха — персона культур дальневосточных народов: археология, мифология и биомиметика

Людмила Ивановна Миссонова

Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая
РАН, Москва, Россия, missmila@iea.ras.ru

Основанием для изучения образа черепахи послужили находки сахалинских археологов. Исследуемые археологические артефакты хранятся в экспозиции Учебного археологического музея Сахалинского государственного университета (г. Южно-Сахалинск, фрагменты керамики найдены на островах Итуруп

и Монерон) и Поронайского краеведческого музея (г. Поронайск, артефакт найден при раскопках в районе озера Невское на острове Сахалин). Орнаментальные композиции, представленные на керамике, кости и дереве аборигенных народов Сахалина, возможно исследовать в сопоставлении с материалами лексики и фольклора («словесными артефактами») этнических общностей, причастных к освоению Дальневосточной территории (как островной, так и материковой), а также путями маршрута миграции кожистой черепахи в Тихоокеанском регионе и её функциями «пастуха» (в мифологическом смысле — «хозяина») лососевых рыб. Сакральное искусство коренных народов Дальнего Востока служит отражением жизненно значимых освоенных пространств Земли и Неба, а также ярким выражением мифоритуального сознания социума. Кроме того, выявляется использование коренными жителями тихоокеанского региона основных принципов прикладной бионики (биомиметики). Междисциплинарное изучение черепахи (в данном случае — морской «кожистой» черепахи) необходимо для понимания её роли в культурном пространстве Тихого океана.

Ключевые слова: Тихоокеанский регион, коренные народы Дальнего Востока, морская черепаха, острова Итуруп, Монерон, Сахалин.

Публикуется в соответствии с планом научно-исследовательских работ Института этнологии и антропологии РАН.

The Image of the Corvids in the Mythological Musical Choreographic Tradition of the Ainu

Marina V. Osipova¹, Natalya A. Mamcheva²

¹ Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera) of the RAS, Saint Petersburg, Russia;

² Sakhalin College of Arts, Yuzhno-Sakhalinsk, Russia, ainu07@mail.ru

Crow, crucian, bear, and fox. Illustration by G. Pavlishin.

Ворон, карась, медведь и лиса. Рисунки Г. Д. Павлишина.

Birds images play an important role in the religious-mystical views and mythology of many peoples, including the Ainu who inhabited the Kuril Islands, Sakhalin and Hokkaido. There are bird-deities in the pantheon of the Ainu who are united by one family — Corvids (lat. Corvidae). Among them are the raven and the crow. Ravens and crows differ anatomically, and their images perform different functions in the Ainu folklore. Among the ravens, the Ainu

distinguished two types of crows — the gray crow (lat. *Corvus cornix*; ainu: pascur (u), onnepaskur) and the black scavenger crow (lat. *Corvus corone*; ainu: shirari-kori, shiraуra, kararak, paskur). These birds served as the savior of man. The raven (lat. *Corvus corax*, ainu: shipaskuru, pasqueur) is a large bird with black shiny plumage and a sharp cry. It is a trickster in Ainu mythology.

The images of the corvids are not only displayed in the oral folklore of the Ainu, they are widely represented in various musical genres. These are onomatopoeiac songs, children's play folklore, epic genres, and instrumental music. There were also pantomime dances with the image of the corvids.

Keywords: the Ainu, raven, crow, religious and mystical views, functions, mythology, songs and music, choreography.

Образ врановых в мифоритуальной традиции и песенно-музыкальном и хореографическом творчестве айнов

Марина Викторовна Осипова¹,

Наталья Александровна Мамчева²

¹ Музей антропологии и этнографии имени Петра Великого (Кунсткамера) РАН, Санкт-Петербург, Россия;

² Сахалинский колледж искусств, Южно-Сахалинск, Россия, ainu07@mail.ru

Образы птиц играют важную роль в религиозно-мистических воззрениях и мифологии многих народов, в том числе и у айнов, населявших Курильские острова, о. Сахалин и о. Хоккайдо. В пантеоне айнских птиц-божеств есть те, которые объединены одним семейством — врановых (лат. *Corvidae*). Их несколько, но речь пойдет только о двух из них — вороне и вóроне. Ворóны и вóроны различаются анатомически, а их образы в фольклоре айнов выполняют разные функции. Среди ворон айны различали два вида — серую ворону (лат. *Corvus cornix*, айнск. паскур(у), оннепаскур) и черную ворону-падальщика (лат. *Corvus corone*, айнск. ширари-корари, шираура,

карарак, паскур). Эти пернатые выполняли функцию спасителя человека. Вóрон (лат. *Corvus corax*, айнск. шипаскуру, паскур) — крупная птица, с черным блестящим оперением и отличающаяся резким криком. В айнском фольклоре — это трикстер.

Образ врановых пронизывает не только устный фольклор айнов, он широко представлен в различных музыкальных жанрах. Это песни-звукоподражания, детский игровой фольклор, эпические жанры, инструментальная музыка. Существовали танцы-пантомимы с образом врановых.

Ключевые слова: айны, ворон, ворона, религиозно-мистические взгляды, функции, мифология, песенно-музыкальное творчество, хореография.

Animals Matter in Urban History

Maurizio Pagotto

Strasbourg National School of Architecture, University of Strasbourg,
Strasbourg, France, pagotto3@gmail.com

Fields intersected by roads or layout of a village and description of a vehicle with a shaft for a drafts animals. Bronocice Neolithic vase [<https://lamus-dworski.tumblr.com/post/91266207539/waza-z-bronocic-the-so-called-bronocice-pot-is>].

Поля, пересекаемые дорогами, или план деревни и повозка для тягловых животных. Ваза эпохи неолита из Броночице [<https://lamus-dworski.tumblr.com/post/91266207539/waza-z-bronocic-the-so-called-bronocice-pot-is>].

My paper focuses on the influence of domestic animals in city planning to show the importance of them in urban growth and development.

The shape of almost all historic urban areas, which we can still easily recognize today, was determined by the need of transportation or trading. Transportation that was done, before the use of fossil

energy, by humans and animals. The behavior of domestic animals determined a priori systems of planning and regulation to control and manage urban environments. This enduring legacy can still be found in the layout of city streets and lots or the narrowness of streets established in an era before the rise of the automobile.

In developing the fabric of historic urban space, there are many issues to consider: such as the blurred boundaries between spaces for humans and animals, the need of different domestic animal species in cities, and the interactions between them. This complex human and non-human system and the resulting collective well-being form the basis of an urban trans-species-theory.

I want to explain how a holistic understanding of the city requires that these blurred boundaries be recognized and critically examined. The need to bring inter-species relations must be considered analytically to address questions of legitimacy and who has the “priority” according to what is correct for a particular situation or setting of the urban area. We also must consider the economic, political, social, and cultural aspects of the urban experience between inter species to validate an urban theory that shows the importance of animals as crucial key players in the foundations and development of urban planning and in the process of shaping urban spaces.

Keywords: animals, urban history, urban space, urban trans-species-theory.

«Животные имеют значение» в городской истории

Маурицио Паготто

Страсбургская национальная школа архитектуры, Страсбургский университет, Страсбург, Франция, pagotto3@gmail.com

Мой доклад посвящен влиянию домашних животных на городское планирование с целью показать их важность для роста и развития городов.

Форма почти всех исторических городских районов, которые мы все еще можем легко узнать сегодня, определялась

потребностями транспорта или торговли. До начала использования ископаемого топлива транспортировка осуществлялась людьми и животными. Поведение домашних животных априори определяло системы планирования и регулирования для контроля и управления городской средой. Это наследие все еще сохраняется в планировке городских улиц и участков, в узости улиц, возникшей в эпоху до появления автомобилей. При разработке структуры исторического городского пространства необходимо учитывать множество вопросов: например, размытые границы между пространствами для людей и животных, потребность в различных видах домашних животных в городах и взаимодействие между ними. Эта сложная человеческая и нечеловеческая система и вытекающее из этого коллективное благосостояние составляют основу городской межвидовой теории. Я хочу показать, что целостное понимание города требует признания и критического изучения этих размытых границ. Необходимость установления межвидовых отношений должна рассматриваться аналитически для решения вопросов легитимности и того, кто имеет «приоритет» в зависимости от того, что является правильным для конкретной ситуации или условий городской территории. Мы также должны учитывать экономические, политические, социальные и культурные аспекты городского взаимодействия между видами для разработки городской теории, которая показывает важность животных как ключевых игроков в основе развития городского планирования и в процессе формирования городских пространств.

Ключевые слова: животные, история городов, городское пространство, межвидовое взаимодействие, теория урбанизма.

Human-bear Encounters through Affects and Emotions

Maja Pasarić

Institute of Ethnology and Folklore Research, Zagreb, Croatia,
maja@ief.hr

East Siberian brown bears (Bear Conservation, Creative Commons Licence) [<http://www.bearconservation.org.uk/east-siberian-brown-bear/>].

Восточно-сибирские бурые медведи (Сохранение медведя, Лицензия Creative Commons) [<http://www.bearconservation.org.uk/east-siberian-brown-bear/>].

By consulting Russian ethnographic and folklore data from the end of the 19th and the first half of the 20th century about East Siberian indigenous communities living in the region of the Amur River in Siberia (Nanai, Ulchi, Udege, and Nivkhi) I will examine human encounters with bears evolving around the bear ceremony. I will acknowledge these human-animal interactions as the encounters between individual animals and individual humans through which bears and humans affected each other bodily and emotionally. The contribution will examine what emotions might have occurred as a result of the human-animal encounter — such as, living in the close vicinity of the bear, killing the bear and then

dismembering or eating the animal. By following notions that in human-animal relationships affect and emotion are not solely the property of humans, but the animal is also affected by the human I will suggest that individual encounters between bears and humans created powerful affects for individuals of both species. Through the example of human-bear encounters the paper will address the ambiguity of human-animal relations, the fluidity and changeability of these interactions across different conceptual spaces and emotional registers related to animals that are hunted, tended to in the settlements, killed and eaten.

Keywords: bears and humans, affects, emotions, East Siberia, ethnographies.

Взаимодействие человека и медведя сквозь призму чувств и эмоций

Майя Пасарич

Институт этнологии и фольклора, Загреб, Хорватия, maja@ief.hr

Используя российские этнографические и фольклорные данные конца XIX — первой половины XX в. о восточно-сибирских коренных сообществах, живущих в районе реки Амур в Сибири (нанайцы, ульчи, удэгейцы и нивхи), я рассмотрю взаимодействие людей с медведями, происходящие в связи с медвежьим праздником. Я рассматриваю эти взаимодействия человека и животного в форме встреч между отдельными животными и отдельными людьми, посредством которых медведи и люди влияли друг на друга телесно и эмоционально. В своем докладе я рассмотрю, какие эмоции могли возникнуть в результате взаимодействия человека с животным — например, проживания в непосредственной близости от медведя, убийства медведя, а затем расчленения или поедания животного. Следуя представлениям о том, что в отношениях между человеком и животным аффект и эмоции являются не только достоянием человека, но и животное испытывает на себе воздействие человека, я предполагаю, что индивидуальные

контакты между медведями и людьми оказывали сильное воздействие на индивидов обоих видов. На примере взаимодействий человека и медведя в статье будут рассмотрены неоднозначность отношений между людьми и животными, текучесть и изменчивость этих взаимодействий в различных концептуальных пространствах и эмоциональные регистры, связанные с животными, на которых охотятся, которых убивают и едят.

Ключевые слова: медведи и люди, аффекты, эмоции, Восточная Сибирь, этнографические данные.

**Song-Spell of the «Mosquito Shaman»
(Blood-Sucking Insects in the Culture of the Nenets
and Ob Ugrians)**

Elena V. Perevalova

Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography
(Kunstkamera) of the RAS, Saint Petersburg, Russia,
elena_perevalova@mail.ru

The Nenets and Ob Ugrians refer to the Lower World as blood-sucking insects (mosquitoes, midges, blood-sucking insects, gadflies, and lice). In folklore, their appearance is associated with a representative of the dark worlds (dungeons, forest thickets, water depths) Parne. The song-spell performed annually with the rite of sacrifice to the “mosquito shaman” in the representation of the Nenets makes it possible to somehow influence the number of insects flying out during the flowering of the purple rose. Probably, the Nenets shamans, whose costumes were decorated with metal castings of insects (gadflies), were able to regulate blood-sucking; annoying people, and especially deer. Archaeological finds in the north of Western Siberia of metal figures of gadflies indicate the antiquity of the special attitude of the indigenous population to blood-sucking insects.

Keywords: Nenets, Ob Ugrians, blood-sucking insects.

**Песня-заклинание «комариного шамана»
(кровососущие насекомые в культуре ненцев
и обских угров)**

Елена Валерьевна Перевалова

Музей антропологии и этнографии имени Петра Великого
(Кунсткамера) РАН, Санкт-Петербург, Россия,
elena_perevalova@mail.ru

Кровососущих насекомых (комаров, мошки, гнуса, оводов, вшей) ненцы и обские угры относят к Нижнему миру. В фольклоре их появление связывается с представительницей темных

миров (подземелья, лесной чащи, водной пучины) Парнэ. Ежегодно исполняемая песня-заклинание с обрядом жертвоприношения «комариному шаману» в представлении лесных ненцев дает возможность хоть как-то повлиять на численность вылетающих во время цветения багульника насекомых. Вероятно, регулирование кровососущих, докучающих и людям, и особенно оленям было под силу ненецким шаманам, чьи костюмы украшались металлическими отливками насекомых (оводов). Археологические находки на севере Западной Сибири металлических фигурок оводов свидетельствуют о глубокой древности особого отношения коренного населения к кровососущим насекомым.

Ключевые слова: ненцы, обские угры, кровососущие насекомые.

Racing on Ice: A Story of Accelerating Relationships between a Horse and the City in Nineteenth-Century St Petersburg (1846–1900)

Olga V. Petri

University of Cambridge, Cambridge, UK, op257@cam.ac.uk

Harness-racing for the Prize of the Emperor on the Neva River in St Peterburg. Engraving by A.N. Avtamotov from a painting by A.I. Charlemange. Courtesy of the Russian State Library, Moscow. Бег на императорский приз рысистых лошадей на реке Неве в Санкт-Петербурге. Гравюра А.Н. Автамотова по рисунку А.И. Шарлеманя. С разрешения Российской Государственной библиотеки, Москва.

The trotters — the light-draft horses that took part in the harness-racing — were probably one of the fastest animals in the nineteenth-century metropolis. In early nineteenth-century St Petersburg, harness-racing took place on the ice of the Neva River opposite the Winter Palace, the official residence of the Russian emperors. The central location of this hippodrome made the trotters one of the most visible figures of city life during the winter months. The elegance of their trotting and, most importantly, their speed attracted much attention as “thousands of the city’s citizens [came]

to see the spectacle” (Bulgarin). After the incident in January 1880, when the trotting stand fell through the ice, the Society of Horse Racing Hunters moved the racecourse to Semenovskiy Platz in the centre of Moskovskaya Borozh, only a thirty-minutes-walk from the Imperial Palace.

In this paper, I explore this central location (both geographical and metaphorical) of the nineteenth-century racetrack in St Petersburg as a condition not only for the development of trotting speed, but also as a foundation for changes in racing technology, full-scale urban reforms, and concern for the horse welfare. The historical geography of harness-racing epitomises the coherence between the different groups of the city’s population involved in urban horse racing, which illustrate the complex relationship between the city horse, the citizens, and the metropolis.

Keywords: imperial St Petersburg, urban trotters, harness-racing, animal welfare in the city, animal mobilities.

Рысистые бега на льду: история ускорения отношений между лошадью и городом в Петербурге 19 в. (1846–1900)

Ольга Валерьевна Петри

Кембриджский университет, Кембридж, Великобритания,
or257@cam.ac.uk

Рысаки — легкая упряжная лошадь, которая принимала участия в рысистых бегах — были, пожалуй, самыми быстрыми парнокопытными в мегаполисе девятнадцатого века. В начале столетия рысистые бега в Санкт-Петербурге проводились на льду Невы напротив Зимнего дворца, официальной резиденции российских императоров. Центральное расположение этого ипподрома делало лошадей одной из самых заметных фигур городской жизни в зимние месяцы. Элегантность их рыси и, что наиболее важно, их скорость привлекали большое внимание, поскольку «тысячи городских жителей [приходили] посмотреть на это зрелище» (Булгарин). После инцидента в январе 1880 г., когда беговая трибуна провалилась под лед, Обще-

ство охотников конского зимнего бега перенесло ипподром на Семеновский плац в центре Московской части, всего в тридцати минутах пешком от императорского дворца.

В докладе я исследую центральное (как в географическом, так и метафорическом смысле) местоположение бегового ипподрома в Санкт-Петербурге XIX в. как условие не только для развития скорости рысаков, но и как основу для изменений в технологиях бегов, полномасштабных городских реформ и заботы о лошади. Историческая география бегов олицетворяет согласованность между различными группами населения города, вовлеченных в городские бега, которая иллюстрирует особенные отношения между городской лошадей, горожанами и мегаполисом.

Ключевые слова: животные в городе, мобильность животных, городские бега, рысаки, императорский Санкт-Петербург.

Prehistoric Pendants as Instigators of Sound and Body Movements: A Traceological Case Study from Northeast Europe, circa 8200 cal. BP

Riitta Rainio¹, Dmitry V. Gerasimov², Evgeny Yu. Giryа³,
Kristiina Mannerman¹

¹ University of Helsinki, Helsinki, Finland; ² Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera) of the RAS, Saint Petersburg, Russia; ³ Institute for the History of Material Culture of the RAS, Saint Petersburg, Russia

riitta.rainio@helsinki.fi; dger@kunstkamera.ru; kostionki@narod.ru; kristiina.mannerman@helsinki.fi

Adult male from grave 76a in Yuzhnyy Oleniy Ostrov drawn as if he were alive during a dance session: 140 elk teeth on the chest, waist, pelvis, and thighs rattle rhythmically and loudly. Drawing by Tom Björklund.
Взрослый мужчина из могилы 76а, Южный Олений остров, изображенный живым в танце: 140 оленьих зубов на груди, талии, в тазовой области и на бедрах производят громкие ритмические звуки. Рисунок Тома Бьорклунда.

In the Late Mesolithic graves of Yuzhnyy Oleniy Ostrov, North-west Russia, large amounts of Eurasian elk (*Alces alces*) incisors have been found. These teeth, for the most part fashioned into portable pendants, seem to have formed decorative sets for the garments or accessories of the deceased. This paper examines both the technologies associated with these artefacts and their uses, as

well as reflecting on the sensorial experiences generated by them. Osteological analysis of a sample of 100 specimens indicates that all types of incisors were used for making the pendants. Traceological analysis indicates that the teeth were modified by scraping, grooving, grinding, and retouching. Traces of wear consist of general wear and distinctive pits or pecks on the perimeters of the crowns. These traces indicate that the pendants were worn before their deposition in the graves, in such a way that they were in contact with both soft and solid materials. The pattern of pits or pecks has until now been unreported in the traceological literature. In experiments, a similar pattern emerged when pendants of fresh elk incisors were hung in rows and bunches and struck against one another. These strokes created a rattling sound. Thus, the elk incisors of Yuzhniy Oleniy Ostrov appear to provide insight into previously unattainable sonic experiences of Mesolithic hunter-gatherers, as well as the early history of embodied music and dance activities and the instrument category of rattles.

Keywords: Mesolithic, tooth beads, sound archaeology.

**Доисторические подвески как источники звука
и движений тела: трасологическое исследование кейса
из Северо-Восточной Европы (ок. 8200 лет назад)
(видеопрезентация)**

*Риитта Райнио¹, Дмитрий Владимирович Герасимов²,
Евгений Юрьевич Гиря³, Кристина Маннермаа¹*

¹ Университет Хельсинки, Хельсинки, Финляндия;

² Музей антропологии и этнографии имени Петра Великого (Кунсткамера) РАН, Санкт-Петербург, Россия; ³ Институт истории материальной культуры РАН, Санкт-Петербург, Россия,
riitta.rainio@helsinki.fi; dger@kunstkamera.ru; kostionki@narod.ru;
kristiina.mannermaa@helsinki.fi

В позднемезолитических захоронениях Южного Оленьего острова, Северо-Запад России, было обнаружено большое количество резцов евразийского лося (*Alces alces*). Эти зубы, по большей части оформленные в виде переносных подвесок,

по-видимому, служили декоративными элементами одежды или аксессуаров умерших. В этом докладе исследуются как технологии, связанные с этими артефактами, так и их использование, а также анализируется их сенсорное восприятие. Остеологический анализ 100 образцов показал, что для изготовления подвесок использовались все типы резцов. Трасологический анализ показывает, что зубы обрабатывались путем соскабливания, проточки, шлифовки и ретуши. Следы износа заключаются в общем износе и характерных ямках или царапинах по периметру коронок. Эти свидетельства указывают на то, что подвески носили до их захоронения в могилах таким образом, что они соприкасались как с мягкими, так и с твердыми материалами. Образец ямок или царапин до сих пор не упоминался в трасологической литературе. В экспериментах наблюдалась аналогичная картина, когда подвески из свежих резцов лося развешивали рядами и связками и ударяли друг о друга. Эти удары создавали дребезжащий звук. Таким образом, лосиные резцы с Южного Оленьего острова, вероятно, дают представление о ранее недостижимом звуковом опыте мезолитических охотников-собирателей, а также о ранней истории овеществленной музыки и танцевальной деятельности и о категории таких инструментов как погремушки.

Ключевые слова: мезолит, бусы из зубов, звуковая археология.

The Asian Bestiary. A story in Five Volumes

Mikhail A. Rodionov

Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography
(Kunstkamera) of the RAS, Saint Petersburg, Russia, rodio@yandex.ru

From 2009 to 2019 the Department of South and South-West Asia at the Museum of Anthropology and Ethnography has published five collective volumes addressing the metamorphoses of real or imaginary animals in the human world. From nearly a hundred topics let us select two highlighted by the author in volumes IV and V.

The first topic addresses some zoomorphic characters of the Islamic Universe mentioned in the Quran as they were precepted by the Prophet Muhammad's audience. Quranic texts pay special attention to little weak creatures, a fly (22: 73), a gnat (2: 26), a spider (29: 41), ants (27: 18–19), and bees (16: 68–69). Zoomorphic characters are edification for humans. Thus, God's words: He feeds human beings with milk which is in cattle's stomachs between 'excretion and blood' (farth wa dam) (16: 66) are traditionally implemented by the dwellers of Arabia to denote certain layers of the social hierarchy — blood for the noble tribesmen and excretion for the underprivileged. Parables (examples, proverbs) (sing. mathal) are numerous mentioned in the Quran, the fact gives basis for the assertion that moral stories with zoomorphic personages have been popular in Arabia much earlier than famous "Kalilah and Dimna" by Ibn al-Muqaffa' (VIII c. CE). Every ayah as a minimal structural unit of the Quran manifests a sign of God's omnipotence. In order to activate suitable associations, it was unnecessary to reproduce the whole story for the audience; it was enough just to vocalize a key word: a fly or other little creatures, a cow, a dog, birds, apes and pigs, fishes, the elephant and even a mysterious underground beast (27: 82), — every word came home to the Prophet's generation.

The second topic: Garanomachy in the Quraysh Tribe at the Advent of Islam. The lost Homeric or pseudo-Homeric poem Garanomachy or the Cranes War, known only by the initial verses

of the third song of the Iliad, compared the call-cry of the Trojan warriors with that of the cranes flying to the southern seas to fight the dwarfish pigmies. This ancient folkloric motive, widespread over Eurasia, Northern Africa and the New World, can also be detected on the Arabian Peninsula. The Book of the Idols by Hisham al-Kalbi (died 204/819-20 or 206/821-22), the only extant Arabian treatise on pre-Islamic cults of the Arab tribes, preserves the call-cry of the Quraysh pilgrims on their way to Meccan al-Ka'ba addressing three goddesses, Allat, al-'Uzza and Manat, to whom they appealed as daughters of Allah and the elevated cranes, on whose intercession they rely. Therefore, cranes appeared to be a part of ornithomorphic creatures enhanced in Arabia with supernatural faculties of clairvoyance, justice and mediation, along with ravens and eagles, and some zoomorphic characters such as ibexes. A local variation of garanomachy had been waged at the advent of Islam; the pagan triad of elevated cranes had been stigmatized by Allah and His Messenger as Satanic scheming.

Keywords: Asian bestiary, zoomorphic characters, folkloric motive.

Азиатский Бестиарий. История в пяти томах

Михаил Анатолиевич Родионов

Музей антропологии и этнографии имени Петра Великого
(Кунсткамера) РАН, Санкт-Петербург, Россия, rodio@yandex.ru

В 2009-2019 гг. сотрудники отдела Южной и Юго-Западной Азии МАЭ РАН подготовили пять сборников, рассматривающих метаморфозы, которые происходят с живущими рядом с людьми представителями животного царства — реальными или фантастическими. Из без малой сотни тем коснемся двух, рассмотренных автором в IV и V томах. Характеризуются некоторые зооморфные персонажи мусульманской вселенной в коранической трактовке, как они воспринимались аудиторией Пророка Мухаммада. Особое внимание в Коране уделено малым и слабым созданиям — мухе (22: 73), комару (2: 26), пауку (29: 41), муравьям (27: 18–19), пчелам (16: 68–69). Зоо-

морфные персонажи — назидание для людей. Так, слова о том, что Бог поит человека молоком, которое у скота в желудках «между калом и кровью» (farth wa dam) (16: 66), издавна используются арабиянами для обозначения социальных групп в традиционной социальной иерархии: кровь — для благородных мужей из племен, содержимое кишечника — для непривилегированных страт. Неоднократные упоминания о притчах-примерах-пословицах в Коране делают весьма вероятным предположение о том, что нравоучительные истории с говорящими животными были известны в Аравии задолго до «Калилы и Димны» Ибн ал-Мукаффы (VIII в.). Каждая минимальная структурная единица Корана — аят — служит знаменем божественного всемогущества. Чтобы активизировать нужные ассоциации, не было необходимости в воспроизведении того или иного текста — достаточно было назвать ключевое слово. Упоминание о малых тварях или о корове, собаке, птицах, обезьянах, рыбах, слоне и даже о загадочном «животном из земли» (27: 82) находили заинтересованный отклик у слушателей.

Вторая тема: в утраченной поэме Гомера или Псевдо-Гомера «Гераномахия», известной только по начальным стихам из 3-й песни «Илиады» содержится развернутое сравнение, уподобляющее боевой клич троянских воинов крику журавлей, летящих к южным морям на битву с карликами-пигмеями. Этот древний фольклорный мотив, распространенный в Европе, Северной Африке и в Новом Свете, может быть обнаружен и в Аравии. В «Книге идолов» Хишама ал-Калби (умер 204/819-20 или 206/821-22 г.), единственном сохранившемся трактате, посвященном доисламским верованиям арабских племен, приводится клич курайшитских паломников на пути в мекканскую Каабу, призывающий трех богинь, ал-Лат, ал-'Уззу и Манат, которых они называют дочерьями Аллаха и высшими журавлями, на чье заступничество уповают. Так журавли оказались среди орнитоморфных существ, наделяемых в Аравии особыми способностями к предсказаниям, справедливому суждению и мудрому посредничеству, наряду с во-

роном и орлом и некоторыми зооморфными персонажами — например, ибексом (каменным козлом). Локальный вариант гараномахии реализовался в Аравии после прихода ислама: языческую триаду вышних журавлей Аллах и Его Посланник объявили кознями Дьявола.

Ключевые слова: азиатский бестиарий, зооморфные персонажи, фольклорные мотивы.

Human and Animal Bone Remains in Burials of the via Laurentina Necropolis (I–III Cent. AD — Rome, Italy)

*Paola Francesca Rossi, Ivana Fiore, Claudia Tempesta,
Serena Vaccaro*

Archaeological Park of Ostia Antica, Rome, Italy
paolafrancesca.rossi@beniculturali.it; iva.fiore@gmail.com;
claudia.tempesta-01@beniculturali.it; serenavaccaro86@gmail.com

General view of Laurentina Necropolis (I–III sec. AD)
(Poleis s.c.a.r.l. — Parco archeologico di Ostia Antica).
Общий вид некрополя Виа Лаурентина (I–III вв. н.э.)
(Poleiss.c.a.r.l. — Археологический парк Остия Антика).

The necropolis along the via Laurentina (1st–3rd century AD, It. mod. name), i.e. the road that led from Ostia to the city of Laurentum, is an archaeological area also known as Tombe dei Claudii (It. mod. name), s.c. from inscriptions mentioning Emperor Claudius' freedmen buried there. Cremation was the most frequent burial rite.

Anthropological analysis of the cremated human remains — still contained in their cremation urns — is part of a project aiming to recover and restore the wall structures and the whole archaeological

area; new excavation tests have also been made, in order to assess the presence of inhumations.

Both in inhumations and cremations examined so far, the presence of animal remains in close association with human remains is significant. The variety of identified animal species and the traces of slaughter and combustion attest to a close and articulated relationship between humans and animals.

This contribution presents a summary of the observations made during the analysis of 184 cremation urns and of one inhumation, excavated in March 2021.

Keywords: anthropology, archeozoology, archaeology, multi-disciplinary work.

Человеческие и животные костные останки в захоронениях некрополя Виа Лаурентина (I–III вв. н.э. — Рим, Италия)

*Паола Франческа Росси, Ивана Фьоре, Клаудия Темпеста,
Серена Ваккаро*

Археологический парк Остия Антика, Рим, Италия
paolafrancesca.rossi@beniculturali.it; iva.fiore@gmail.com;
claudia.tempesta-01@beniculturali.it; serenavaccaro86@gmail.com

Некрополь, расположенный вдоль Виа Лаурентина (I–III вв. н.э., итальяниз.) — дороги, ведущей из Остии в Лаурентум — является археологической зоной, известной также как Захоронения Клавдия (итальяниз.) из-за надписей с упоминанием захороненных здесь вольноотпущенников времен императора Клаудиуса. Кремация была наиболее частым обрядом погребения.

Антропологический анализ кремированных человеческих останков, все еще содержащихся в их кремационных урнах является частью проекта, направленного на восстановление и реставрацию конструкции стен и всей археологической зоны; были также проведены новые раскопки, чтобы определить наличие погребений.

Как при ингумациях, так и при исследованных до сих пор кремациях обнаружено значительное присутствие останков животных, тесно связанных с человеческими останками. Разнообразие идентифицированных видов животных и следы убоя и сжигания свидетельствуют о тесных и четко сформулированных отношениях между людьми и животными.

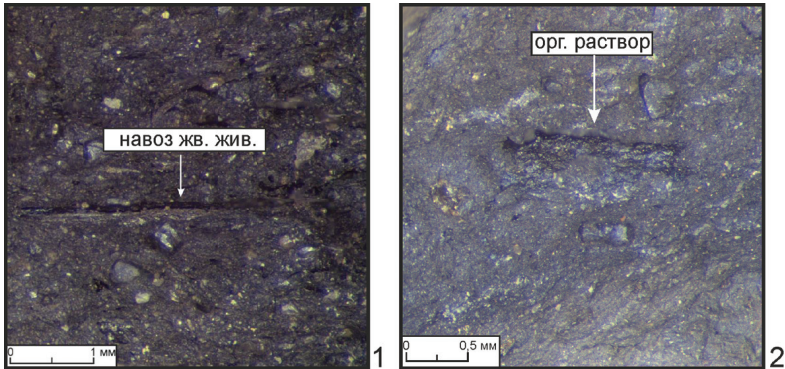
Этот доклад представляет собой сводку наблюдений, сделанных во время анализа 184 урн для кремации и одного захоронения, исследованного в марте 2021 года.

Ключевые слова: антропология, археозоология, археология, мультидисциплинарные исследования.

Animal Products as an Artificial Impurity in Ceramic Clay Paste in the South of Western Siberia

Dmitrii V. Selin

Institute of Archaeology and Ethnography of Siberian Branch
of the RAS, Novosibirsk, Russia, selin@epage.ru

Microphoto of artificial organic impurities in ceramics:1.

Manure of ruminants in the clay paste of ceramics of the Late Bronze Age of Western Siberia. Photo by Dmitry Selin, 2020. 2. Organic solution in the clay paste of ceramics of the kulai culture. Photo by Dmitry Selin, 2020.

Микрофотографии искусственных органических примесей в керамике:1. Навоз жвачных животных в составе формовочной массы керамики эпохи поздней бронзы Западной Сибири. Фото Д.В. Селина, 2020. 2. Органический раствор в составе формовочной массы керамики кулайской культуры. Фото Д.В. Селина, 2020.

In archeology, the role of animals is often considered in the context of animal husbandry, the use of animals as a draft force, assistance in hunting, etc. The use of animal products in ancient industries was widespread. One of these industries is pottery. Various organic products were used as artificial additives to ceramic raw materials. According to ethnographic data, the range of additives used by potters was extremely wide — from animal excrement to blood. In the south of Western Siberia, the first organic additives have been known since the Neolithic. These are various organic solutions, down of waterfowl. In the Middle Bronze Age,

the use of organic solutions made from ruminant manure and burnt animal bones was recorded. In the cultures of the Late Bronze Age and the transition period to the Early Iron Age, organic admixtures are widespread. In the composition of the clay paste of ceramics of the Irmen, Late Irmen, Pakhomovsk (including the eastern version) cultures, additives of organic solutions were recorded; organic solutions from manure; manure. Potters of the Early Iron Age cultures used organic admixtures much less frequently. So, in ceramics of the Novosibirsk version of the Kulai culture and the Bolsherechensk culture, organic solutions are found in the recipes of molding masses rather as an exception.

There are three main types of products of animal origin used as artificial admixtures in the clay paste in the south of Western Siberia: 1. Organic solutions; 2. Organic solutions made from manure; 3. Manure.

Continuing the study of organic admixtures in ceramics will reveal the peculiarities of the development of pottery technology in different groups of the population, determine the directions of cultural and trade relations and reconstruct the historical and cultural processes that took place in ancient times.

Keywords: archeology, ceramics, pottery, organic impurities.

Продукты животного происхождения как искусственная примесь в керамике на территории юга Западной Сибири

Дмитрий Вадимович Селин

Институт археологии и этнографии Сибирского отделения РАН,
Новосибирск, Россия, selin@epage.ru

В археологии роль животных, чаще всего, рассматривается в контексте животноводства, использования как тягловой силы, помощи в охоте и др. При этом, использование продуктов животного происхождения в производствах было распространенным явлением в древних обществах. Одной из таких сфер является гончарство, где различные органические продукты применялись как искусственные добавки к исходному

пластичному сырью. По имеющимся этнографическим данным ассортимент применяемых добавок гончарами был крайне широк — от экскрементов до крови. На территории юга Западной Сибири первые добавки органики известны начиная с эпохи неолита. Они представлены различными органическими растворами, к настоящему моменту еще трудно идентифицируемыми, так как по археологической керамике возможно зафиксировать только сам факт их использования; пухом водоплавающих птиц. В эпоху развитой бронзы зафиксированы случаи применения органических растворов, изготовленных из навоза жвачных животных и жженных костей. В керамике культур эпохи поздней бронзы и переходного времени к раннему железному веку органические примеси получают широкое распространение. В составе формовочных масс керамики ирменской, позднеирменской, пахомовской (включая восточный вариант) культур зафиксированы добавки органических растворов; органических растворов из навоза жвачных животных; навоза жвачных животных. Гончары культур эпохи раннего железа намного реже использовали органические примеси. Так, в керамике новосибирского варианта кулайской культуры и большещеченской культуры, органические растворы встречаются в рецептах формовочных масс скорее как исключение.

Таким образом, можно выделить три основных типа используемых продуктов животного происхождения как искусственных примесей в формовочную массу на территории юга Западной Сибири: 1. Органические растворы; 2. Органические растворы, изготовленные из навоза жвачных животных; 3. Навоз жвачных животных.

Продолжение изучения органических примесей в керамике позволит выявить особенности развития гончарной технологии у разных групп населения, определить направления культурных и торговых связей и реконструировать историко-культурные процессы, происходившие в древности.

Ключевые слова: археология, керамика, гончарство, органические примеси.

Shaman and Animal Spirits-Patrons in the Beliefs of the Tungus-Manchu: The Problem of Symbolism and Semantics

Tatyana Yu. Sem

The Russian Museum of Ethnography / Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera) of the RAS, Saint Petersburg, Russia, semturem@mail.ru

The report is devoted to the use of images of animal spirits-assistants by shamans of the Tungus-Manchu peoples in their ritual practice, and at the same time giving them sacred features. The analysis was carried out on the basis of mythology, beliefs and clothing collections of the Russian Ethnographic Museum. The main types of animal images of shamans are birds, ungulates, predators and reptiles. Among the birds, the eagle, loon, cuckoo and raven were considered the main helper spirits. They served as guides to the worlds and initial birds. The owl and the spider were symbols of clairvoyance. The loon and the eagle, as well as the duck and the swan, were participants in the creation of the earth among different Tungus-Manchu peoples. Horse, elk and deer played an important role among ungulates. A horseman on a horse was perceived as a solar supreme deity and was found on shamanic icons and bronze mirrors. The image of the moose was associated with the character of the ancestral goddess, the mistress of the universe among the Evenk and Nanai. The image of the mythological space deer was reproduced in the attributes of the shamans of the Evenk and the ritual practice of flying to the supreme deity of the Even. The bear and the tiger are the main predatory spirits-assistants of the shaman, whose images are cosmogonic, and are associated with images of a plurality of suns, masters of the taiga and mountains, patrons in the craft, ancestors, the main shamanic patrons. The reptilian images of animals in the shamanism of the Tungus-Manchu include a snake, a lizard, a frog. The image of a snake and a frog were associated with the myth of the creation of the world and elements of shamanic attributes. Among the Evenk, Even and Negidal, the snake was associated with the roads of shamans in the universe and

designated harnesses on shamanic caftans. Among the Udege people, the frog participates in shamanic initiation, gives attributes to the first shaman. At the Orochi on the birch bark shaman's rug, the frog depicted the abyss when the shaman fell into a trance. The lizard was associated with movement, the passage of the shaman to the lower world, and the frog with vitality. A systematic analysis of animal images in the shamanism of the Tungus-Manchu showed a connection with myths, beliefs and rituals, including the universe, the idea of ancestors and deities, shaman attributes and folklore, reflection of altered states of consciousness — Tungus-Manchu.

Keywords: shamanism, animal helper spirits, museum collections, Tungus-Manchu peoples.

Шаман и животные духи-покровители в верованиях тунгусо-маньчжуров: проблема символики и семантики

Татьяна Юрьевна Сем

Русский этнографический музей / Музей антропологии и этнографии имени Петра Великого (Кунсткамера) РАН, Санкт-Петербург, Россия, semturem@mail.ru

Доклад посвящен использованию образов животных духов-помощников шаманами тунгусо-маньчжурских народов в их ритуальной практике, и одновременно придании им сакральных черт. Анализ был проведен на основе мифологии, верований и вещевых коллекций Российского этнографического музея. Основные виды животных образов шаманов представляют собой птицы, копытные, хищники и пресмыкающиеся. Среди птиц главными духами помощниками считались орел, гагара, кукушка и ворон. Они служили проводниками по мирам и инициальными птицами. Филин и паук являлись символами ясновидения. Гагара и орел, а также утка и лебедь являлись участниками творения земли у разных тунгусо-маньчжурских народов. Среди копытных важную роль играли конь, лось и олень. Всадник на коне воспринимался как солнечное верховное божество и встречались на шаманских иконах и брон-

зовых зеркалах. Образ лосихи был связан с персонажем богини прародительницы, хозяйки вселенной у эвенков и нанайцев. Образ мифологического космического оленя воспроизводился в атрибутике шаманов эвенков и ритуальной практике полета к верховному божеству эвенов. Медведь и тигр — главные хищные духи-помощники шамана, образы которых космогоничны, и связаны с образами множественности солнц, хозяевами тайги и гор, покровителями в промысле, предками, главными шаманскими покровителями. К пресмыкающимся образам животных в шаманизме тунгусо-маньчжуров относятся змея, ящерица, лягушка. Образ змея и лягушки были связаны с мифом о творении мира и элементами шаманских атрибутов. У эвенков, эвенов и негидальцев змея ассоциировалась с дорогами шаманов по вселенной и обозначала жгуты на шаманских кафтанах. У удэгейцев лягушка участвует в шаманской инициации, дает атрибуты первому шаману. У орочей на берестяном шаманском коврике лягушка изображала бездну при впадении в транс шамана. Ящерица ассоциировалась с движением, прохождением шамана в нижний мир, а лягушка с жизненностью.

Системный анализ животных образов в шаманизме тунгусо-маньчжуров показал связь с мифами, верованиями и ритуалами, включая мироздание, представление о предках и божествах, атрибутику шамана и фольклор, отражение измененных состояний сознания — тунгусо-маньчжуров.

Ключевые слова: шаманизм, животные духи-помощники, музейные коллекции, тунгусо-маньчжурские народы.

Names of Animals in Swahili Proverbs

Victoria S. Shatokhina

Institute for African and Asian Studies, Moscow, Russia,
viktorija_mamaafrika@mail.ru

Tingatinga art, Tanzania, unknown artist.

Живопись Тингатинга, Танзания, неизвестный художник.

Proverbs and sayings with zoonims are a huge part of the total number of proverbs, that is, 1/5 of more than 2500 units that were included into the most complete dictionary of Swahili proverbs printed in our days –Kamusi ya Methali (Kingei, Ndal, 2008). It is important to notice that the names of the animals are a part of the

basic vocabulary. So, we can suppose that some of these units are from the archaic phraseological layers.

As far as E.S. Kotliar is concerned, mythological symbolism and zoonim symbols are also of great interest to African peoples as they are the part of their esoteric knowledge and they contribute to the formation of a complex mythological system that includes not only myths but also nature, human society and culture of these peoples (Kotliar, 1975, 124-125). All proverbs and sayings are based on “figurative motivation of general meaning” (Permiakov, 1970). One of the most usual elements of the formula “image-meaning” is exactly component-zoonim. Such comparisons with the animals have been worked out as a result of centuries-old peoples’ experience and are a system of images that are known and useful to all the members of the language society, and are passed from one generation to another.

One of the main reasons of using component-zoonim in proverbs is the parallelism of animals’ and people’s worlds.

The names of different classes of animals are not presented equally in the composition of proverbs and sayings. The most frequently used are zoonims of domestic animals and birds. It shows that many peoples of Eastern Africa were pastoralists, so they used to breed domestic birds, cows, sheep, goats. The names of the wild animals are also represented in Swahili proverbs in a huge amount. In this group of zoonims Snake and Elephant are most frequently used.

Keywords: zoonims, Swahili proverbs, mythology, allegory, animals.

Наименования животных в пословицах и поговорках суахили

Виктория Сергеевна Шатохина

Институт стран Азии и Африки, Москва,
viktorija_mamaafrika@mail.ru

Пословицы и поговорки, имеющие в своем составе компонент-зооним, составляют значительную часть от общего числа

паремий — это примерно пятая часть из более чем 2500 единиц, вошедших в самый полный опубликованный словарь суахилийских пословиц — Kamusi ya Methali (Kingei, Ndalu, 2008). Важно учесть и то, что названия животных являются частью основного словарного фонда языка, — можно предположить, что многие из этих единиц относятся к архаичным пластам фразеологии.

По мнению Е.С. Котляр, мифологическая символика, в том числе и зоонимная символика, имеет большое значение для народов Африки, составляя часть их эзотерического знания, и способствуя формированию сложной мифологической системы, включающей в себя не только мифы, но природу, человеческое общество и культуру данных народов (Котляр, 1975, С. 124-125). В основе всех пословиц и поговорок лежит «образная мотивировка общего значения» (Пермяков, 1970). Одним из часто употребляемых элементов данной формулы «образ — смысл» является именно компонент-зооним. Подобные сравнения с животными вырабатываются в результате многовекового опыта народа и представляют собой систему образов, которые известны и привычны каждому члену языкового коллектива, передаются из поколения в поколение. Одна из главных причин употребления названий животных в составе паремий — параллелизм животного мира и мира людей.

Названия различных классов животных представлены в составе пословиц и поговорок в неодинаковом количестве. Максимальной фразеологической активностью обладают зоонимы домашних животных и птиц, что указывает на то, что многие народы Восточной Африки являлись скотоводами: занимались разведением домашней птицы, коров, овец, коз. Наименования диких животных также в большом количестве присутствуют в суахилийских паремиях: из них наибольшей продуктивностью обладают лексемы змея и слон.

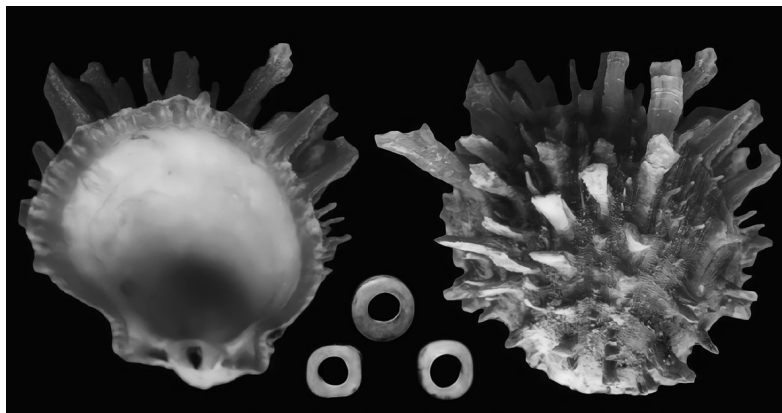
Ключевые слова: зоонимы, пословицы суахили, мифология, аллегория, животные.

The Role of *Spondylus* and *Strombus* in the Ancient Cultures of Peru and Ecuador (IV-II millennium BC)

Vasily A. Sokolovsky, Nika N. Kovaleva

Novosibirsk State University, Novosibirsk, Russia,

v.sokolovskii@g.nsu.ru

Spondylus from Salango (Ecuador); beads made from *Spondylus* (Bandurria, Peru). Photo by B. Carter, 2011 and A.J. Chu Barrera, 2011.
Spondylus из Саланго (Эквадор); бусины, изготовленные из *Spondylus* (Бандурриа, Перу). Фото Б. Картера, 2011 и А.Х. Чу Барреры, 2011.

The importance of mollusk shells as ritual accessories and symbols in Ecuador is evidenced by their being found at the site of ceremonial buildings and in burials belonging to the formative period of the Valdivia culture, as well as in the burials of the preceding preceramic Las Vegas culture. In the religion of the Central Andes, the shells of *Spondylus* (spiny oysters) are associated with the feminine, and the *Strombus* (gastropods) with the masculine. It is possible that this idea of dynamic dualism has its origins in ancient coastal Ecuador, and was exported to the Central Andes with shells.

The export of mollusk shells was made to the Pacific coast of modern Peru, where the Norte Chico culture existed between 3000 — 1800 BC. The nearest place of distribution of *Spondylus* is the mouth of the Guayas River in Ecuador (the approximate

distance to Caral which is the largest complex in Norte Chico is 1300 km). Beads were mainly produced from shells. The import of *Spondylus* into the Norte Chico area was extremely important. First of all, it had ritual value. *Spondylus* shells were used in rituals associated with fertility. Secondly, shell beads can be considered to be an element of a prestigious economy. The fact of the presence of these molluscs in the Peruvian complexes can be used as evidence of the development of political organization in Norte Chico. It can be assumed that the rituals associated with the *Spondylus* and *Strombus* molluscs originated in Ecuador and gradually spread throughout the Central Andes, not only to Norte Chico, but also to later cultures, such as Chavín de Huántar (1500/1200 — 500/400 BC) and Huari (600-900 AD).

Keywords: *Spondylus*, *Strombus*, valdivia, Norte Chico, ritual.

Роль моллюсков *Spondylus* и *Strombus* в древних культурах Перу и Эквадора (IV-II тыс. до н.э.)

Василий Андреевич Соколовский, Ника Николаевна Ковалева

Новосибирский государственный университет, Новосибирск,
Россия, v.sokolovskii@g.nsu.ru, n.kovaleva@g.nsu.ru

О важности раковин моллюсков, как ритуальных принадлежностей и символов на территории Эквадора, свидетельствуют их находки на месте церемониальных построек и в погребениях, принадлежащих формативному периоду культуры вальдивии, а также в погребениях предшествующей ей докерамической культуры лас-вегас. В религии Центральных Анд раковины моллюсков *Spondylus* (колючие устрицы), ассоциируются с женским началом, а моллюски *Strombus* (брюхоногие моллюски) — с мужским. Не исключено, что данная идея «динамического дуализма» берет свое начало на территории древнего прибрежного Эквадора, и была экспортирована в Центральные Анды вместе с самой раковиной.

Экспорт раковин моллюсков осуществлялся на тихоокеанское побережье современного Перу, где в IV-II тыс. до н.э.

существовала культура Норте-Чико. Ближайшим местом распространения моллюска является устье р. Гуайяс в Эквадоре (примерное расстояние до крупнейшего комплекса Норте-Чико — Карая — 1300 км). Из раковин изготавливали преимущественно украшения: дисковидные бусины. Импорт *Spondylus* на территорию распространения культуры Норте-Чико был исключительно важен. В первую очередь, это имело ритуальную ценность. Раковины моллюсков *Spondylus* использовались в ритуалах, связанных с плодородием. Во-вторых, бусины, изготавливаемые из раковин моллюска, можно назвать элементом престижной экономики. Факт присутствия этих моллюсков в перуанских комплексах можно использовать как свидетельство усложнения политической организации в Норте-Чико. Можно предположить, что ритуалы, связанные с моллюсками *Spondylus* и *Strombus*, берут свое начало в Эквадоре и постепенно распространяются по территории Центральные Анд, причем не только на Норте-Чико, но и на более поздние культуры, такие как Чавин-де-Уантар (II — I тыс. до н.э.) и Уари (вторая половина I тыс. н.э.).

Ключевые слова: *Spondylus*, *Strombus*, вальдивия, Норте-Чико, ритуал.

A Friend of the Bosom, a Cockroach from Behind the Stove (Cockroaches in Russian Folklore)

Elena V. Spiridonova, Nina V. Obnorskaya

P.G. Demidov Yaroslavl State University, Yaroslavl, Russia,
selenavlad@gmail.com; obnor1@mail.ru

Elisabeth Boehm «To fight you on the stove with a cockroach».
An old postcard.

Елизавета Бём «Воевать тебе на печи с тараканом». Старинная открытка.

Cockroaches have accompanied people for a significant part of their history. Long centuries of coexistence were inevitably reflected in the folklore. On the one hand, they are pests that should be eliminated by all means, and magical methods peacefully coexisted with rational ones. Cockroaches were frozen or poisoned as well as buried in special coffins made of vegetables or splinters, done away with by the hostess riding around the hut on a poker, carried to the crossroad in a bast shoe or on an oven shutter, taken to the cemetery, pulled on a string across the road, thrown to the neighbors' or to the priest's house, sent away on an ice floe during an ice drift, plugged to a harrow tooth, a horse hoof or a stick that killed a snake behind the ceiling beam, etc. On the other hand, according

to the peasants with their mythological thinking, there was also a benefit from cockroaches. They warned about a fire in the house or a death in the household. With their help people told fortune about the groom and the future in general, summoned the right wind, used it in folk and veterinary medicine, and much more. «It's warmer to live with a cockroach,» they thought in the village. Remarkably black cockroaches were considered more useful; they were perceived as a symbol of prosperity and patrons of livestock. They were the first to enter a new house and were presented for housewarming, and if they were forced out, some of them stayed in, sending the «extra» insects to bring wealth. In riddles, black cockroaches were compared to a bull or a horse, in fairy tales they helped a spider in the fight against other insects. Red or German cockroaches were perceived as more harmful and methods of getting rid of pests were applied to them primarily. The attitude towards cockroaches was more favorable than to flies or blood-sucking insects: «A cockroach is not filthy, but a fly is so filthy». Respect for cockroaches was also explained by their supposed service to the house spirit, who could harm someone from the family for offending his servants. All this proves the binary perception of cockroaches which were close to the mythological world and its inhabitants and, accordingly, acted as bearers of both harm and good.

Keywords: cockroach, folklore, fortune telling, omens, rituals.

Друг сердечный, таракан запечный (тараканы в русском фольклоре)

*Елена Владиславовна Спиридонова,
Нина Владимировна Обнорская*

Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова,
Ярославль, Россия, selenavlad@gmail.com; obnor1@mail.ru

Тараканы сопровождают человека на протяжении значительной части истории. Долгие века сосуществования не могли не найти отражения в фольклоре. С одной стороны —

это вредитель, которого следует известить любым способом, причем магические методы мирно сосуществовали с рациональными. Вымораживание или травление тараканов соседствовало с их похоронами в специальных гробах из овощей или щепок, объездом избы хозяйкой верхом на кочерге, вынесением тараканов на перекресток в лапте или на заслонке, отнесением на кладбище, перетягиванием на веревочке через дорогу, подбрасыванием соседям или в дом священника, отправлением на льдине во время ледохода, затыканием за потолочную балку зуба от бороны, конского копыта или палки, которой убили змею и т.д. С другой стороны, польза от тараканов, по мнению крестьян с их мифологическим мышлением, тоже имела. Они предупреждали хозяев о пожаре в доме или смерти кого-то из домочадцев, с их помощью гадали о женихе и вообще о будущем, вызывали нужный ветер, использовали в народной медицине и ветеринарии и многое другое. «С тараканом теплее жить», — считали в деревне. Примечательно, что более полезными считались черные тараканы, их воспринимали как символ достатка и покровителей домашней скотины, первыми запускали в новую избу, дарили на новоселье, а если и выгоняли, то только часть из них, отправляя «лишних» за богатством. В загадках черных тараканов сравнивали с быком или конем, в сказках они помогали пауку в борьбе с другими насекомыми. Рыжие тараканы или прусаки воспринимались более вредными и способы избавления от вредителей касались в первую очередь именно их. Отношение к тараканам было более благоприятным, чем к мухам или кровососущим насекомым: «Таракан не поган, а муха так погана». Уважение к тараканам вызывалось и предполагаемой их службой домовому, который за обиду своих слуг мог навредить кому-нибудь из членов семьи. Все это свидетельствует о бинарном восприятии тараканов, которые были близки к мифологическому пространству и его обитателям и, соответственно, выступали подателями как вреда, так и блага.

Ключевые слова: таракан, фольклор, гадания, приметы, обряды.

Wild Buffalo in the Highlands of Northern Luzon, Philippines: Hunting, Sacrificing, Depicting in Oral Epics

Maria V. Stanyukovich

Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography
(Kunstkamera) of the RAS, Saint Petersburg, Russia,
mstan@kunstkamera.ru

A buffalo about to be sacrificed in the Kolot (haircut) prestige ritual performed for a high-ranking boy in Ifugao, Philippines.

Photo by Maria V. Stanyukovich, 2013.

Жертвенный буйвол. «Колот», престижный обряд перехода для мальчика высокого ранга, пров. Ифугао, Филиппины.

Фото М.В. Станюкович, 2013.

The role of a buffalo in the culture of Southeast Asia cannot be overstated. Buffalo sacrifice is considered to be one of the main cultural traits of the whole area, insular and continental. The attention of anthropologists is concentrated on domesticated buffaloes; wild species, like *Bubalus mindorensis*, the Philippine endangered species from the island of Mindoro, mostly went unnoticed. The recent existence of a wild buffalo in the highlands of Northern Philippines is largely unknown to present-day researchers, including zoologists and archaeologists, although that animal, now extinct, played an important role in hunting, sacrificial practices, mythology and oral epics of the peoples of Cordillera.

The paper presents data on wild buffalo hunting and sacrificial practices derived from published sources of the early 20th c. and the author's field interviews with hunters and ritual specialists. Contrary to the popular idea that only domesticated animals should be sacrificed, wild buffaloes were considered the most desirable sacrificial object in the ritual practices of the Ifugao and Bontoc. Old hunters still remember the techniques of buffalo hunting and define the forest areas where that wild species lasted the longest. The role prescribed to the animal in hudhud epics is also analysed. The universally recognised ferocity of buffaloes is doubled and tripled in the wild species; the dangers that they present to the hunter makes tauromachic episodes especially dramatic. More so, because in the hudhud text it is a female warrior who kills the duwog (wild buffalo), or rather she kills multiple duwogs and sends their heads to the putative offender of her brother who later appears to become her fiancée.

Keywords: wild buffalo, hunting, sacrifice, oral epics, Northern Philippines.

Дикие буйволы в горах Северного Лусона, Филиппины: охота, жертвоприношения, роль в эпических сказаниях

Мария Владимировна Станюкович

Музей антропологии и этнографии имени Петра Великого
(Кунсткамера) РАН, Санкт-Петербург, Россия,
mstan@kunstkamera.ru

Роль буйвола в культуре Юго-Восточной Азии переоценить невозможно; жертвоприношение буйвола считается одной из важнейших культурных черт, объединяющих весь регион, его островную и континентальную части. Эти одомашненные виды и находятся в поле зрения антропологов, в отличие от краснокнижных диких видов, таких как филиппинский тамарау, *Vubalus mindorensis*, дикий буйвол с острова Миндоро. Что касается дикого буйвола Северного Лусона, ныне вымершего – о его существовании не знают даже зоологи и археологи. Тем

не менее этот дикий вид существовал еще сто лет назад, о чем сохранились достоверные свидетельства антропологов начала 20 века, и играл значительную роль в охотничьих и ритуальных практиках, мифологии и эпике жителей Кордильеры. В докладе проанализированы данные ранних источников и интервью, взятые автором у охотников и ритуальных специалистов. Вопреки общему представлению о том, что жертвовать должны домашние животные, дикий буйвол считался наиболее желаемой жертвой в культуре ифугао и бонтоков. Охотники еще помнят техники охоты на дикого буйвола и лесные массивы, где его поголовье сохранялось дольше всего.

В эпических сказаниях ифугао на диких буйволов обычно охотится девушка-богатырка, что делает эпизоды тавромахии особенно впечатляющими. Считается, что дикие буйволы еще свирепее и опаснее домашних. Героиня живет на лесистом холме, охотится на диких буйволов и посылает их головы как вызов герою (которого считает обидчиком своего брата), за которого впоследствии выходит замуж.

Ключевые слова: дикий буйвол, север Филиппин, жертвоприношение, эпос, охота.

The Role of Animals in the Rites of the Medieval Population of the Gochevo Complex

Gennady Yu. Starodubtsev

Kursk State Regional Museum of Archeology, Kursk, Russia,
arch1962@mail.ru

Burial necklace.
Ожерелье из погребения.

The presentation is devoted to the discovery of a ritual pagan sacrificial structure with traces of the rite of human sacrifice, dating from the late X — early XI centuries., discovered during the research of the Royal Palace settlement (Gochevsky Archaeological complex, Kursk region). In the neck area and under the bones of the victim's skull, a necklace was found, which included beads made of blue and yellow, ocular glass and agate beads, a round two-part bronze pendant, a bronze unclosed ring, fish vertebrae, bone amulets made of the bones and fangs of a fox and a red deer. Of great interest is the set of bone amulets included in the necklace, the number of which suggests the ritual purpose of the necklace itself.

Keywords: Royal Palace; Gochevo; burial; paganism.

Роль животных в обрядах средневекового населения Гочевского комплекса

Геннадий Юрьевич Стародубцев

Курский государственный областной музей археологии, Курск,
Россия, arch1962@mail.ru

Городище Царский Дворец (Гочевский археологический комплекс, Курская область) представляло собой мощный укрепленный пункт 2 пол. XIV — 1 пол. XV вв. на р. Псел. На его площадке отсутствуют культурные напластования ранее 2 пол. XIV в. Однако в ходе исследований в южной части площадки цитадели обнаружено ритуальное языческое жертвенное сооружение (яма 101) со следами обряда человеческого жертвоприношения, датируемое кон. X — нач. XI вв.

Жертва (девочка в возрасте 4 — 4,5 лет) лежала в скорченном положении на левом боку головой на север. Череп раздавлен, левая рука вытянута к согнутому колену левой ноги, правая рука согнута в локте и направлена к пояснице, позвоночник изогнут. Кисти рук и стопа левой ноги не сохранились.

У запястья левой руки был обнаружен бронзовый крестопорезной бубенчик грушевидной формы, нижняя часть которого орнаментирована продольными и поперечными полосами. У левого плеча на кости руки найдена половинка округлой двусоставной бронзовой подвески. В области шеи и под костями черепа жертвы обнаружено ожерелье, в состав которого входили бусы из синего и желтого бисера, глазчатые стеклянные и агатовая бусины, круглая двусоставная бронзовая подвеска, бронзовое несомкнутое колечко, рыбы позвонки, костяные амулеты из костей и клыков лисицы и благородного оленя, а также бронзовое несомкнутое колечко, на котором сохранилось несколько волосков умершей.

Большой интерес представляет собой входящий в состав ожерелья набор костяных амулетов, количество которых заставляет предполагать ритуальное назначение и самого ожерелья. Клык лисицы относится к числу сравнительно нечасто встречаемых амулетов. В позднем русском фольклоре лиса

выступает как «женский брачный символ или как олицетворение хитрости», а её части тела использовались в лечебной магии. В этой связи любопытным представляется сочетание в составе одного ожерелья данных подвесок с клыком благородного оленя и «бусами» из рыбьих позвонков. Обнаружение позвонков в составе ожерелья позволяет также уточнить интерпретацию подобных находок, встречавшихся ранее на поселениях данного периода.

Ключевые слова: Царский Дворец, Гочево, погребение, язычество.

The Problem of Wolf Attacks in Modern Reindeer Husbandry of the Northern Selkups

Olga B. Stepanova

Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera) of the RAS, Saint Petersburg, Russia,
stepanova67@mail.ru

Wolves that suddenly appeared on the Upper Taz above the village. Ratta and in the area of the river Bolshaya Shirta in 2018–2021 and which caused a surge of anxiety and fear among the majority of the Upper Taz population, turned out to be a well-forgotten old scourge for the region. They already terrorized local reindeer herders in the late 1970s and 1980s. After that, the wolves disappeared for a long time, but not from all over the territory of the region. Wolf lairs have been preserved on the river Pokolka — 70 km from the mouth and higher, including part of the territory of the Verkhne-Tazovsky State Reserve. For a long time, the wolves did not go beyond the boundaries of this localization, they behaved relatively quietly, not making a commotion, which is why most of the inhabitants of the area did not notice them.

The first response of the reindeer herders who suffered from the wolves was to move them with the herd to another place. When this measure did not help, and the wolves began to crush the deer in the heart of the region, the reindeer herders, hastily collecting a “data bank” on wolf habits, switched to comprehensive protection. Summer corrals were repaired, reinforced and “decorated” with red flags, in winter the practice of tying all herds of reindeer to trees became widespread, camps were no longer left unattended, and so on.

The problem of wolves, which is new for the Verkhnetazov reindeer breeders, was a consequence of a change in migration routes and a sharp increase in the number of wild reindeer in the area. In the foreseeable past, no wild reindeer migrated through the northern Selkup area, which is why there were very few wild reindeer here. Wild reindeer led the wolves and became their unwitting allies in attacking domesticated reindeer. The scheme for

killing domesticated deer is as follows: savages take domesticated deer with them into the forest, where they, having lost their human protection, become victims of wolves. When wolves attack, savages manage to escape, and domestic deer die, since their protective instincts are poorly developed.

But “helping” the wolves is not the main harm that wild reindeer inflict on Selkup reindeer herding: domestic reindeer, bitten by wolves, are incomparably less than those who left their native camp, joined the savages and remained forever in the forest. Therefore, the main enemy, the main threat to the Selkup reindeer husbandry, is not the wolf at all, but the wild reindeer.

Keywords: wolf, reindeer, Selkups.

Проблема нападений волков в современном оленеводстве северных селькупов

Ольга Борисовна Степанова

Музей антропологии и этнографии имени Петра Великого
(Кунсткамера) РАН, Санкт-Петербург, Россия, stepanova67@mail.ru

Волки, внезапно появившиеся на Верхнем Тазу выше с. Рагта и в районе р. Большая Ширта и вызвавшие у большинства верхнетазовского населения всплеск тревоги и страх, оказались для района хорошо забытой старой напастью. Они уже терроризировали местных оленеводов в конце 1970-х — 1980-х гг. После этого волки надолго исчезли, но не со всей с территории района. Волчьи логова сохранились на р. Покольке — в 70 км от устья и выше, включая часть территории Верхне-Тазовского государственного заповедника. За границы этой локализации волки долго не выходили, вели себя относительно тихо, не устраивая переполохов, отчего большая часть жителей района их не замечала.

Первым ответом пострадавших от волков оленеводов был их переезд со стадом в другое место. Когда эта мера не помогла, и волки стали давить оленей в сердце района, оленеводы, спешно собирая «банк данных» о волчьих повадках, перешли

к комплексной защите. Были отремонтированы, усилены и «украшены» красными флажками летние корали, в зимний период распространилась практика привязывания к деревьям всех оленей стада, стойбища перестали оставлять без присмотра и т.д.

Новая для верхнетазовских оленеводов проблема волков стала следствием изменения миграционных маршрутов и резкого увеличения в районе численности дикого оленя. В обозримом прошлом миграции дикого оленя через район проживания северных селькупов не проходили, отчего диких оленей здесь было совсем немного. Дикие олени привели за собой волков и стали их невольными союзниками в нападении на домашних оленей. Схема убийства домашних оленей выглядит следующим образом: дикари уводят домашних оленей с собой в лес, где те, лишившись человеческой защиты, становятся жертвой волков. При нападении волков дикарям удается убежать, а домашние олени гибнут, поскольку защитные инстинкты у них развиты слабо.

Но «помощь» волкам не главный вред, который наносят дикие олени селькупскому оленеводству: домашних оленей, загрызенных волками, несравненно меньше, чем тех, кто покинул родное стойбище, присоединился к дикарям и навсегда остался в лесу. Поэтому главным врагом, главной угрозой селькупского оленеводства является вовсе не волк, а дикий олень.

Ключевые слова: волк, северный олень, селькупы.

Man and Animals in the Traditional Religious Worldview of the Bashkirs: Paradoxes of Relationships

Margarita N. Suleymanova

Department of History of the Republic of Bashkortostan,
Archaeology and Ethnology of the Bashkir State University, Ufa, Russia,
suleymanie@mail.ru

Departure with falcons for hunting, Bala-kataitsy, photo by S.I. Rudenko (from the book of S.I. Rudenko. Bashkirs. Historical and ethnographic essays/ printed by edition: Rudenko S.I. Bashkirs. Historical and ethnographic essays. M-L1955. With changes and additions. Ufa: “Kitap”, 2006. P. 79).

Выезд с соколами на охоту, Бала-катайцы, фото С.И. Руденко (из книги С.И. Руденко Башкиры. Историко-этнографические очерки/печтается по изданию: Руденко С.И. Башкиры. Историко-этнографические очерки. М-Л., 1955. С изменениями и дополнениями. Уфа: «Китап», 2006. С. 79).

The report will consider the traditional ideas of the Bashkirs, in which you can find many paradoxical phenomena associated with the relationship between man and animals. Perhaps, the ethnonym «Bashkir» itself is already unique, according to one of

the most popular versions, meaning «the main wolf» (Turkic bash — main and kurt — wolf, hence — the main wolf). A similar relationship was noted with other animals — horse, bear, birds (swan). Genealogical legends tell about the origin of many ancient Bashkir tribes and clans from these animals. This phenomenon in the scientific literature was called totemism, perhaps this was characteristic of the distant ancestors of the Bashkirs. Many ritual festivals, magical techniques, ritual actions and beliefs are associated with animals, some of which have survived to this day in a specific form. Some of them, for example, archaic ritual festivals such as «karga butkahi/tuyi» (crow / rook porridge / wedding), «kakuk saye» (cuckoo tea), are now actively being revived and popularized. The deep meaning of these ancient rituals, as well as the attitude towards animals, has long been lost, is not recognised, and is perceived as a fruit of religious fantasy or magic. But is it really so? Is it that simple? Or maybe these are manifestations of a higher degree of conscious attitude to the world around us, which have come down to us in the form of fairytales, legends, beliefs, and rituals? An approach in which beliefs and rituals are perceived as ignorance is, rather, an absolute misunderstanding and isolation from Nature. Distant ancestors, «ignorant» from the point of view of modern man, but they treated animals so carefully that they considered it, for example, obligatory to carry out a ritual after the hunt, during which they apologized to the spirit of the animal, perceiving it as an equal, with understanding and feelings. And it is impossible to imagine such an attitude on the part of modern hunters, exterminating wild animals in pursuit of their own passion and greed. The attitude towards animals, reflected in the traditional worldview, including the Bashkirs, certainly contains invaluable information, possibly being the key, for example, to restoring balance and harmony between human life and the environment.

Keywords: Bashkirs, traditional religious beliefs, animals.

Человек и животные в традиционном религиозном мировоззрении башкир: парадоксы взаимоотношений

Маргарита Нугмановна Сулейманова

Башкирский государственный университет, Уфа, Республика Башкортостан, Россия, suleymanie@mail.ru

В докладе будет рассмотрены традиционные представления башкир, в которых можно найти множество парадоксальных явлений, связанных с взаимоотношениями человека и животных. Пожалуй, уникальным является уже сам этноним «башкир» по одной из самых популярных версий означающий «главный волк» (общетюркск. *bash* — главный и *kurt* — волк, отсюда — главный волк). Подобная связь отмечена и с другими животными — конем, медведем, птицами (лебедь). Генеалогические легенды гласят о происхождении многих древнебашкирских племен и родов от этих животных. Данное явление в научной литературе получило название тотемизма, возможно, это было характерно для далеких предков башкир. С животными связано множество обрядовых празднеств, магических приемов, ритуальных действий и поверий, некоторые из которых в пережиточной форме сохранились до сегодняшнего дня. Отдельные из них, например, архаичные обрядовые празднества как «карга буткаһы/туйы» (воронья/грачиная каша/свадба), «кэкук сэйе» (кукушкин чай), ныне активно возрождаются и популяризируются. Глубинный смысл этих древних обрядов, как и отношение к животным, давно утрачены, не осознаются, и воспринимается как плод религиозной фантазии, магия. Но так ли это на самом деле? И так ли все просто? А может это проявления высокой степени осознанного отношения к окружающему миру, дошедшие до нас в виде сказок, легенд, поверий, ритуалов? Подход, при котором верования и обряды, воспринимаются как невежество — это, скорее, абсолютное непонимание и оторванность от Природы. Далекие предки, «невежественные» с точки зрения современного человека, однако столь бережно относились к животным, что считали, например, обязательным провести обряд после охоты,

в ходе которого просили извинения у духа животного, воспринимая его как равного, понимающего, чувствующего. И невозможно представить подобного отношения со стороны современных охотников, истребляющих диких зверей в погоне за собственным азартом и алчностью. Отношение к животным, нашедшее отражение в традиционном мировоззрении, в том числе и башкир, безусловно содержит бесценную информацию, возможно, являющуюся ключом, например, к восстановлению равновесия и гармонии в жизни человека и окружающей его среды.

Ключевые слова: башкиры, традиционные религиозные представления, животные.

Sonic Aspects of the Human-Animal Relationship

Galina B. Sychenko

AIE, Rome, Italy, sytchenko@mail.ru

Morin khor'bi 'Horse sticks' — Buriat shaman's sound tool
(Between the Worlds: Shamanism of Peoples of Siberia. Catalogue.
Moscow: Khudozhnik i Kniga, 2006. P. 178).

Морин хорьби 'Конные трости' — звуковое орудие бурятских шаманов (На грани миров. Шаманизм народов Сибири. Каталог. Москва: Художник и книга, 2006. С. 178).

Sound, sounding is one of the main modes of communication, involving not only humans but also non-human agents (personified natural objects, spirits, deities, etc.). Among the latter, animals occupy perhaps the most important place, being essential vital objects: first as sources of danger (wild animals), then as sources of food and well-being (wild and domesticated animals), finally as friends, partners and companions (pets).

The sonic aspects cover a wide range, from the simplest signals (beckoning, sound imitation) to the epic canvases (so-called “beast

epic”). The pragmatic, symbolic, aesthetic and emotional functions of such communication are often based on the imitation of the animal voice, driven by the human desire to “speak the language of the animal” — above all to be understood by it.

The report aims to identify and analyse some of the sonic aspects of the human-animal relationship and to demonstrate examples of such communication.

Keywords: sonic communication, voice, animals’ sounds.

Звуковые аспекты взаимоотношений людей и животных

Галина Борисовна Сыченко

AIE, Рим, Италия, sytchenko@mail.ru

Звук, звучание — один из основных способов общения, участниками которого являются не только люди, но и нечеловеческие субъекты (персонифицированные природные объекты, духи, божества и т.д.). Среди последних животные занимают едва ли не самое важное место, выступая незаменимыми жизненно важными объектами: сначала как источники опасности (дикие животные), затем как источники пищи и благосостояния (дикие и одомашненные животные), наконец, как друзья, партнеры и компаньоны (домашние животные).

Звуковые аспекты охватывают широкое пространство: от простейших сигналов (подзывания, звукоподражания) до эпических полотен (так называемый «животный эпос»). Прагматические, символические, эстетические и эмоциональные функции такого общения часто основаны на имитации голоса животного, вызванной стремлением человека «говорить на языке животного» — прежде всего, чтобы быть им понятым.

Доклад имеет целью выявить и проанализировать некоторые звуковые аспекты взаимоотношений человека и животных и показать примеры такого общения.

Ключевые слова: звуковая коммуникация, голос, звуки животных.

Arctic Foxes, Reindeer and Humans: Human-wildlife Conflicts in Yamal

Alexandra N. Terekhina, Alexander I. Volkovitskiy

Arctic Research Station, Institute of Plant and Animal Ecology Ural
Branch of the RAS, Labytnangi, Russia, terekhina.yamal@gmail.com

Nenets herder during calving in Yamal. Photo by A.Volkovitskiy, 2015.
Ненецкий пастух во время отела на Ямале. Фото А. Волковицкого, 2015.

Numerous problematic cases of human — wildlife interactions are described in terms of human-wildlife conflict or human-wildlife coexistence in social anthropological papers. The majority of such situations refers to predators damaging domestic herds or threatening humans. Despite the fact that predators are named as a source of damage the growing social tensions are connected with conflicts between different stakeholders: herders, conservationists, authorities, hunters and other actors. The presentation focuses on the problem of arctic foxes' predation on domestic reindeer calves during calving on the Yamal Peninsula which has emerged in the last years. Until the 1990s the Yamalo-Nenets Autonomous Okrug as all the Soviet North were involved in large-scale fur hunting and

the solid part of indigenous peoples were employed as hunters. For the last 30 years arctic fox fur is used only for decoration of traditional clothes. Arctic fox hunting for new borne calves is not a new phenomenon and has been described in literature and in reindeer herders' narratives. Although only in 2017-2018 the tundra people started to assess this predation as a real problem connected with the increase of the arctic fox population. We are presenting the results of the interdisciplinary study which was conducted in the areas of the two ecological research stations: "Erkuta" in the southern Yamal and "Sabetta" in the north. The presentation discusses the various aspects influencing the appearance of the conflict interactions between arctic fox, reindeer and humans.

Keywords: arctic fox, Yamal, nenets, reindeer herding, human-wildlife conflict.

Песцы-олени-люди:

конфликт «человек-дикая природа» на Ямале

*Александра Николаевна Терёхина, Александр Игоревич
Волковицкий*

Арктический научно-исследовательский стационар Института экологии растений и животных Уральского отделения РАН, Лабытнанги, Россия, terekhina.yamal@gmail.com

Для многих проблемных ситуаций взаимодействия человека и диких животных в научной литературе используется термин *human-wildlife conflict* или, в современных социально-антропологических работах — *human-wildlife coexistence*. Большая часть описанных случаев связана с хищниками, приносящими урон домашнему скоту или непосредственно человеку. Несмотря на то, что источником приносимого «вреда» называются хищные животные, возникающая зачастую общественная напряженность связана с конфликтом между разными стейкхолдерами: скотоводами, зоозащитниками, правительством, охотниками и другими акторами. Доклад посвящен проблеме хищничества песца в период отела домашних север-

ных оленей на полуострове Ямал, остро проявившейся в последние годы. До 1990-х годов в Ямало-Ненецком автономном округе, как и по всему Северу, велся активный пушнинный промысел, и значительная часть коренного населения работала охотниками-заготовителями. В настоящее время, уже почти тридцать лет, мех песца используется только для шитья традиционной одежды. Нападения песцов на новорожденных телят во время отела не являются новым явлением и фигурируют как в научной литературе, так и в рассказах самих оленеводов. Однако в 2017-2018 гг. тундровики начали характеризовать хищничество арктического лиса как реальную проблему, связанную с ростом численности хищников. Представленные результаты — часть междисциплинарного исследования, проводившегося в районах двух экологических стационаров «Еркута» и «Сабетта», расположенных в южной части полуострова Ямал и на севере, рядом с промышленным поселком Сабетта. В докладе будут рассмотрены разные факторы, влияющие на возникновение данного конфликтного взаимодействия песец-олень-человек.

Ключевые слова: песец, Ямал, ненцы, оленеводство.

Dialectic Oppositions. Wild and Domesticated Animals as Represented in Himalayan Indigenous Folklore

Davide Torri

Sapienza University of Rome, Rome, Italy, davide.torri@uniroma1.it

Goat. Valley of Helambu (Nepal). Photo by D. Torri.
Коза. Долина Хеламбу (Непал). Фото Д. Торри.

The present paper will address the role and function of wild and domesticated animals in the folklore of some indigenous groups of the Himalayan regions of India and Nepal. In the folklore, mythology, worldview, and ritual praxis of many indigenous people of the region, animals are in fact widely represented as companion species, antagonists, ancestors, or competitors constantly engaging with human beings in a multiplicity of contexts. In particular, this paper will take into account the topics of animals in origin or

emergence myths, the function of animals as owners / keepers of dangerous / endangered ecological niches (high pastures, forests, ponds etc.) in local narratives, and their role in productive activities (hunting, husbandry, agriculture). The examples and case studies presented here will cover Western Himalaya (Pakistan, India), Central Himalaya (Nepal) and Eastern Himalaya (India), in order to map continuities and discontinuities characterizing the complex pattern of relationships and productive entanglements between humans and other animals, encompassing several political borders, diverse ecological zones and numerous cultures. More specifically, the paper will analyze materials linked to shamanic religious complexes still existing in these regions, despite the overarching influence of major religions (i.e. Hinduism, Buddhism, etc.). It is among the indigenous groups that we find, in fact, a rich and variegated repertoire of narratives embedding a specific knowledge about the local fauna.

Keywords: indigenous, folklore, mythology, Himalaya, animals.

**Диалектика противоположностей.
Дикие и одомашненные животные,
представленные в фольклоре коренных народов Гималаев**

Давиде Торри

Римский университет «Ла Сапиенца», Рим, Италия,
davide.torri@uniroma1.it

В данной статье будут рассмотрены роль и функции диких и домашних животных в фольклоре некоторых коренных групп гималайских регионов Индии и Непала. В фольклоре, мифологии, мировоззрении и ритуальной практике многих коренных жителей региона животные широко представлены как компаньоны, антагонисты, предки или конкуренты, постоянно взаимодействующие с людьми в самых разных контекстах. В частности, в этом докладе будут рассмотрены темы животных в мифах о происхождении или возникновении, функция животных как владельцев / хранителей опасных /

находящихся под угрозой исчезновения экологических ниш (высотные пастбища, леса, пруды и т. д.) в местных преданиях и их роль в производственной деятельности (охота, животноводство, сельское хозяйство). Примеры и тематические исследования, представленные здесь, будут охватывать Западные Гималаи (Пакистан, Индия), Центральные Гималаи (Непал) и Восточные Гималаи (Индия), с целью отобразить преемственность и неоднородность, характеризующие сложный образец взаимоотношений и продуктивных связей между людьми и животными в этом регионе, охватывающем несколько политических границ, различные экологические зоны и многочисленные культуры. В частности, в докладе будут проанализированы материалы, связанные с шаманскими религиозными комплексами, все еще существующими в этих районах, несмотря на всеобъемлющее влияние основных религий (например, индуизма, буддизма и т. д.). Именно у коренных народов мы находим богатый и разнообразный репертуар повествований, включающих конкретные знания о местной фауне.

Ключевые слова: коренные народы, фольклор, мифология, Гималаи, животные.

**Kaluga, Chum Salmon and a Fish Skin Robe:
Fish in the Cultures of the Indigenous Peoples
of the Lower Amur, Sakhalin and Kamchatka**

Veronika G. Tselichsheva

Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography
(Kunstkamera) of the RAS / Saint Petersburg State University
of Industrial Technologies and Design, Saint Petersburg, Russia,
nics3@yandex.ru

The work of the Nanai artist N. У “Seven”.
Работа нанайского художника Н. У “Сэвэн”.

Fishing is an important component of both traditional practices and modern life of the indigenous population of the Lower Amur, Sakhalin and Kamchatka. The unique Kaluga passable spawning

pink salmon and chum salmon, even ordinary crucians and minnows are the heroes of myths and fairy tales. In the past, fish served as food for people and dogs, as a material for clothing and shoes. Glue and medicines were made from it. Today, fishing is an object of politics and law.

Successful fishing is impossible without a fine knowledge of the rhythms of life of the fish fauna of the Amur and the seas that wash the shores of Sakhalin and Kamchatka. Economic models based on natural cycles and intergroup interactions were common in the traditional past and today. The report will focus on the knowledge about the «time offishes».

Keywords: Kaluga, chum salmon and a fish skin robe: fish in the cultures of the indigenous peoples of the Lower Amur, Sakhalin and Kamchatka.

Калуга, кета и халат из рыбьей кожи: рыбы в культурах коренных народов Нижнего Амура, Сахалина и Камчатки

Вероника Геннадьевна Целищева

Музей антропологии и этнографии имени Петра Великого (Кунсткамера) РАН / Высшая школа технологии и энергетики, Санкт-Петербургский государственный университет промышленных технологий и дизайна, Санкт-Петербург, Россия, nics3@yandex.ru

Рыболовство является важной составляющей как традиционных практик, так и современной жизни коренного населения Нижнего Амура, Сахалина и Камчатки. Уникальная калуга, проходные нерестовые горбуша и кета, даже обычные карась и пескарь являются героями мифов и сказок. В прошлом рыба служила пищей для людей и собак, материалом для одежды и обуви. Из нее изготавливали клей и лекарства. Сегодня рыболовство — объект политики и права.

Успешное рыболовство невозможно без тонкого знания ритмов жизни рыбной фауны Амура и морей, омывающих берега Сахалина и Камчатки. Экономические модели, основан-

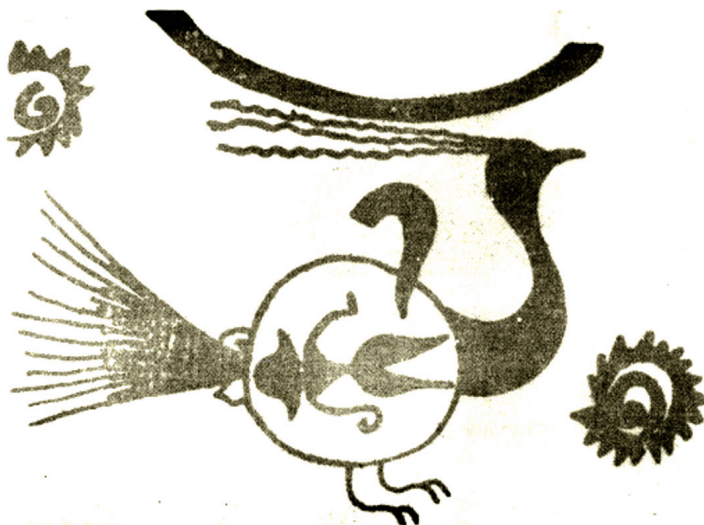
ные на природной цикличности и межгрупповых взаимодействиях, были распространены в традиционном прошлом и сегодня. На знаниях о «времени рыб» будет сделан акцент в докладе.

Ключевые слова: коренные народы, традиционное природопользование, рыболовство.

The Peacock as the Bird of Paradise: a Comparative Study

Yaroslav V. Vassilkov

Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography
(Kunstkamera) of the RAS, Saint Petersburg, Russia,
yavass011@gmail.com

Peacocks as psychopomps. Painting on a ceramic funerary urn.
Cemetery H culture (Late Harappa, 1900–1300 BC).

Павлины, уносящие души умерших. Роспись погребальной урны.
Культура позднехаррапского могильника Н, 1900–1300 гг. до н.э.

In India the peacock was domesticated and exported to Sumer as early as at the times of the Indus Valley Civilization. We learn about mythological ideas connected with it from its representations on the funerary urns of the “Late Harappan” Cemetery H culture; peacocks are depicted as birds conducting souls to the other world. The peacock’s ability to kill and eat serpents but remain immune to poisoning, gave rise to the idea of its link with immortality and the rebirth. The spread of soteriological religions placing the highest value on the cessation of any kind of rebirth, moved the image of the peacock as a psychopomp to the periphery of Indian culture. In Classical poetry of India, a link between the peacock and the

rain season comes to the fore, the peacock's «dance» being associated with renewal of life, fertility and the seasonal awakening of sexual desire. In Viṣṇuism, the peacock is a constant witness of Kṛṣṇa's love games, it is always present both in Vaikuṅṭha, the heavenly paradise, and in Vṛndāvana, the earthly one. In the middle of the 1st millennium CE the peacock moved to Greece via Persia, and later, to Rome. The mythology of the peacock forming in the world of ancient Greece and Rome shared the basic motifs with the archaic mythology of India. The peacock became the sacred bird linked with the ideas of metempsychosis and the immortality of the soul. In Roman empire the peacock was a bird of the empress, while the eagle — a symbol of the emperor. After the empress' death the peacock was thought to carry her away to heaven. Christianity turned the image of the peacock into an important symbol linked with the immortality of the soul, resurrection, the mystery of communion and the bliss in paradise. In the present paper we aim to establish factors that might have contributed to the formation of similar peacock mythologies in different regions of the world even in a case when any direct borrowing can be excluded.

Keywords: peacock, psychopomp, paradise, Indian mythology, comparative mythology.

Павлин как райская птица: сравнительное исследование

Ярослав Владимирович Васильков

Музей антропологии и этнографии имени Петра Великого
(Кунсткамера) РАН, Санкт-Петербург, Россия, yavass011@gmail.com

В Индии павлин был одомашнен и экспортировался в Шумер еще в период Хараппской цивилизации. О связанных с ним мифологических представлениях свидетельствуют изображения на погребальных урнах позднехараппской «культуры могильника эйч», где павлины представлены уносящими в иной мир души умерших. Способность павлина убивать и поедать змей, оставаясь неуязвимым для яда, породила идею о связи его с бессмертием и новым рождением. Распро-

странение сотериологических религий, утверждавших в качестве высшей ценности прекращение всяких рождений, потеснило образ павлина-психопомпа на периферию индийской культуры. В поэзии на первый план выходит связь павлина и его «танца» с муссонным обновлением природы, плодородием земли, которое приносит дождь и с «весенним» проявлением любовного влечения. В вишнуизме павлин — неизменный свидетель любовных игр Кришны, присутствующий как в небесном раю Вайкунтхе, так и в земном — Вриндаване. В середине I тыс. павлин попадает в Грецию, позднее — в Рим. Античная мифология павлина сходна с представлениями индийской архаики. Он становится священной птицей греческой Геры и римской Юноны, связан с идеями метемпсихоза и бессмертия души. В позднем Риме павлин был птицей императрицы (орел — императора). После смерти императрицы ее уносил в небесный мир павлин. Христианство превратило образ павлина в один из важнейших символов, сопряженный с такими понятиями, как бессмертие души, воскресение, таинство причащения и посмертное блаженство в раю. В докладе ставится задача ответить на вопрос: какие факторы могли содействовать формированию сходных мифологий павлина в разных регионах мира в том случае, когда прямое заимствование можно считать исключенным?

Ключевые слова: павлин, психопомп, рай, индийская мифология, сравнительная мифология.

**Keen Zoological Observation, not Symbolic Exploitation.
Group Animal Scenes on the Carved Chlorite Artifacts of the
Halil Rud Civilization (Kerman, Iran, 3rd Millennium BC)**

Massimo Vidale

University of Padua, Padua, Italy, mass.vidale@gmail.com

A chlorite carved vessel of the Halil Rud civilization, private collection.
About 2500 BC (Jiroft, Kerman, Iran).

Резной хлоритовый сосуд культуры Халил Руд (Джирофт), частное собрание. Около 2500 г. до н.э. (Джирофт, провинция Керман, Иран).

The ongoing exploration and interpretation of the rich visual repertory which appears on the famous carved chlorite artefacts of the Halil Rud Civilization (Kerman, Iran, mid-3rd millennium BC) suggests that the involved craftsmen and users did not see some of the animals of the nearby ecological niches as static symbols of human values or identities. Rather, they carefully observed and understood some crucial aspects of animal interaction (among different species, and within groups of animals of the same species), and used the models thus gathered for expressing complex metaphors of socio-economic interest. These artifacts, ultimately, support the notion that the inhabitants of the earliest cities of Middle Asia, in the early Bronze age, had an ecological understanding

of the already dramatic changes brought about by incipient urbanism in their delicate ecosystems, impacted by a growing aridification.

Keywords: Halil Rud civilization, Jiroft, Bronze age Iran, animal iconography.

Внимательное зоологическое наблюдение, а не символическая эксплуатация. Групповые сцены животных на резных хлоритовых артефактах культуры Халил Руд (Джирофт, провинция Керман, Иран, 3-е тысячелетие до н.э.)

Массимо Видале

Университет Падуи, Падуя, Италия, mass.vidale@gmail.com

Настоящее исследование, опираясь на интерпретацию многочисленных изображений на знаменитых резных хлоритовых артефактах, принадлежащих культуре долины Халил-Руд (Джирофт, провинция Керман, Иран, середина 3-го тысячелетия до н. э.), предполагает, что изготовившие предметы мастера и пользовавшиеся ими люди не всегда видели в животных ближайших природных зон устойчивые символы человеческих ценностей. Скорее, они внимательно наблюдали за животными и пытались понять некоторые ключевые аспекты взаимодействия между ними (между разными видами и внутри групп животных одного и того же вида) и использовали построенные таким образом модели для формулирования комплексных метафор социально-экономической сферы. Характер изображений, в конечном счете, поддерживает мнение о том, что жители древнейших городов Среднего Востока в эпоху ранней бронзы в экологическом ключе понимали происходящие драматические изменения, вызванные зарождающимся урбанизмом в хрупких экосистемах, попавших под воздействие растущей аридизации.

Ключевые слова: культура Халил Руд (Джирофт), эпоха бронзы в Иране, иконография животных.

Cat Worship among the Kazym Khanty: To Question the Permian Component in Khanty Culture

Tatyana V. Voldina, Irina M. Moldanova

Ob-Ugric Institute of Applied Researches and Development,
Khanty-Mansiysk, Russia, tatyनावoldina@yandex.ru

One of the most revered patron spirits of the Khanty people is the Kazym Goddess (Vut-imi, Kasum-naj). Residents of the Kazym River call her Pupi S'asi 'holy spirit grandmother'. The story of the life path of the Goddess is contained in the legends and sacred songs of the Kazym Khanty, it reflects contacts with neighboring ethnic groups — the Sosva Mansi and the Nenets, and also indicates constant migrations and the development of new territories.

Also, the Kazym people themselves differ from other local groups by their mobility and active development of territories.

As well as other patron spirits of the Ob-Ugric peoples Kasum-naj has her own zoomorphic images, the main one being the image of a black cat with a white chest. The description of this sacred animal can be found in folklore: Rəχəηəl kät'i jeməηəl aj χör-jə 'I turned into a little cat with white chest'; Šǎlta, in imi nōχemiləs-mōχemiləs, pitī kät'i χōra jis 'A woman twirled, twisted and turned into a black cat'; Pitī kät'i — śit in Wūt imen, lūw śi χōra śi jūwemiləs 'A black cat is the image that Vut-imi took'. According to mythological legends, it was in this image that the goddess was able to hide from persecution, and representatives of this local group, accordingly, show special respect for cats.

The sacred name of a cat is kan' (in Permian: 'cat', compare with Khanty kati). It indicates the Permian origin of this cult. As we know, the formation of the Ugric and Perm peoples is a long historical path with constant waves of migrations that periodically took place in the forest zone of the Ural and Trans-Urals. The Permian component is clearly visible in the culture of the Kazym Khanty.

Until recently, the Kazym Khanty had a special language for communication with cats. They added a syllable -jan to the end of words. For example, when the owners addressed a pet, they could

say: “Kati-jan, jam pojk poiki-jan” (‘Cat-jan, say your good prayer-jan’).

The report considers the main features of cat worship among the Kazym Khanty in comparison with the data on the Permian peoples: ritual and folklore materials, and the lexical layer.

Keywords: Kazym Khanty, cat worship, Permian component.

**Почитание кошки у казымских хантов:
к вопросу о пермском компоненте
в хантыйской культуре**

Татьяна Владимировна Волдина,

Ирина Максимовна Молданова

Обско-угорский институт прикладных исследований и разработок,
Ханты-Мансийск, Россия, tatyanaavoldina@yandex.ru

Одним из почитаемых в хантыйском народе духов-покровителей является Казымская богиня (Vut-imi, Kasum-naĵ, Kasum-imi). Жители р. Казым называют её Pupi S’asi ‘дух (святая) бабушка’. История жизненного пути богини содержится в легендах и священных песнях казымских хантов, отражает контакты с соседними этническими группами — сосьвинскими манси и ненцами, а также указывает на постоянные миграции и освоение новых территорий. Также и сами казымцы отличаются от других локальных групп своей мобильностью и активным освоением территорий.

Как и другие духи-покровители обско-угорских народов, Kasum-naĵ имеет свои зооморфные образы, основным из которых является образ чёрной белогрудой кошки. Описание этого священного животного можно встретить в фольклоре: Rq̄xəŋəł kät’i jəmənəł əj x̄öŋ-jə ‘Белогрудой маленькой кошкой обернулась’; Šälta, in imi p̄xemiləs-m̄xemiləs, pit’i kät’i x̄öra jis ‘Женщина покрутилась, повертелась, приняла образ черного кота’; Pit’i kät’i — šit in Wüt imen, l̄w ší x̄öra ší j̄wemiləs ‘Черный кот — образ, который принимала Vut-imi’. Согласно мифологическим сказаниям именно в этом образе богиня смогла

скрыться от преследования, и представители данной локальной группы соответственно оказывают особое почтение кошкам.

Сакральное название кошки — *кап'* (перм.: 'кошка', сравни хант.: *kati*) указывает на пермское происхождение данного культа. Как известно, становление угорских и пермских народов представляет собой длительный исторический путь, сопряженный с постоянными волнами миграций, периодически протекавших в лесной зоне Приуралья и Зауралья. Пермский компонент хорошо просматривается в культуре казымских хантов.

Ещё до недавнего времени у казымских хантов существовал специальный язык для общения с кошками — с добавлением к концу слов слога *-jan*. Например, обращаясь к домашнему питомцу хозяева могли сказать: «*Kati-jan, jam rojk roiki-jan*» ('Кошка-ян, добрую молитву моли-ян').

В докладе предполагается рассмотреть основные особенности культа кошки у казымских хантов в сопоставлении с данными по пермским народам: обрядовые и фольклорные материалы, лексический пласт.

Ключевые слова: казымские ханты, культ кошки, пермский компонент.

Purchase and Sale of Reindeer and Carriage in the Yamal North in the First Third of the 20th century

Elena A. Volzhanina

Tyumen Scientific Centre Siberian Branch of the RAS, Tyumen, Russia,
nyabako@mail.ru

The presentation proposes to consider the involvement of reindeer and reindeer husbandry products in commodity-money relationships, the emergence and spread of new practices among the Nenets, recorded by household censuses of the first third of the 20th century, as a result of state policy in the North and the adaptation of the Nenets economy to the new reality.

According to ethnographic descriptions, the Nenets did not sell or buy reindeer and reindeer products in the past. On the one hand, because in most cases they did not have money, and on the other hand, in the Nenets reindeer herding environment, the reindeer was not considered as an object of sale. As for the carriage trade, this occupation also appeared only in the first third of the 20th century. From the documents of the beginning of the last century, it is known that the Nenets were not engaged in the carriage trade, because they did not have a sufficient number of sled reindeer.

In the first third of the 20th century, significant changes were taking place in the structure of the Nenets economy, caused by the new socio-political situation in the North as a whole. The main initiator of the purchase of domesticated reindeer was the state in the second half of the 1920s. In the long term, state support was supposed to oust the dependence of low-reindeer and free-reindeer herders on wealthy households and destroy the traditional system of mutual help.

With foundations of new settlements on Yamal, a transport network began to take shape, connecting them with each other. It provided reindeer herders with an additional opportunity to earn money from carriage in winter. Some families with small herds of reindeer specially set up a winter camp near the main transport routes. One of the other objective circumstances also contributed to the spread of carriage. More than half of the Yamal reindeer

breeders did not have a herd of more than 100 livestock, which did not supply all the family needs and required an additional source of income.

Keywords: Nenetses, reindeer, carriage, Yamal.

Продажа и покупка оленей и извоз на Ямальском Севере в первой трети XX в.

Елена Александровна Волжанина

Тюменский научный центр Сибирского отделения РАН, Тюмень, Россия, nyabako@mail.ru

В докладе предлагается рассмотреть покупку-продажу живых оленей и продукции оленеводства, появление и распространение новых видов деятельности среди ненцев, зафиксированные похозяйственными переписями первой трети XX в., как результат политики государства на Севере и адаптации ненецкого хозяйства к новой реальности.

Согласно этнографическим описаниям, ненцы не продавали и не покупали оленей и продукцию оленеводства в прошлом. С одной стороны, потому что у них в большинстве случаев отсутствовали деньги, а с другой — в ненецкой оленеводческой среде олень не рассматривался как объект торговли. Что касается извозного промысла, то данное занятие тоже появилось только в первой трети XX в. Из документов начала прошлого века известно, что ненцы не занимались извозом, потому что у них не было достаточного количества ездовых оленей.

В первой трети XX в. в структуре ненецкого хозяйства происходят значительные изменения, вызванные новой социально-политической ситуацией на Севере в целом. Основным инициатором покупки домашних оленей во второй половине 1920-х гг. становится государство в виде различных административно-хозяйственных структур на местах, получавшие на это целевые кредиты. В перспективе государственная поддержка должна была вытеснить зависимость малооленных и безоленых от состоятельных хозяйств и разрушить

традиционную систему взаимопомощи. В меньшей степени олени закупались для продовольственного обеспечения населения северных поселков, несмотря на большой спрос на мясо.

С появлением населенных пунктов на Ямале стала складываться транспортная сеть, связывавшая их между собой, что предоставило оленеводам дополнительную возможность заработков от извоза в зимний период. Некоторые хозяйства, владеющие небольшими стадами оленей, специально устраивали зимнее стойбище поблизости от основных транспортных путей. Распространению извоза способствовали и ряд других объективных обстоятельств. А именно то, что у более половины ямальских оленеводов размер оленьего стада не превышал 100 голов, что не обеспечивало все потребности семьи и требовало получения дополнительного источника доходов.

Ключевые слова: ненцы, олени, извоз, Ямал.

Foetus of Caribou: Representations and Prohibitions of Hunters of the North of the New and Old World

Denis V. Vorobiev

Institute of Ethnology and Anthropology Russian Academy of Science,
Moscow, Russia, pakamagan@rambler.ru

Caribou and moose hunting is known to have been the backbone of the subsistence of many peoples in the American and the Eurasian North. Search for a hunters' luck was the most important quest for people to face, and finding it, according to the views of hunters, was dependent on their skill to comply with numerous regulations and prohibitions. Otherwise, they believed, the hunter's good fortune would abandon them, and they would be doomed to death.

The report examines the hunters' perceptions associated with the foetus of the ungulate mentioned in the title, boiling down to the following:

According to the idea of the Innu (Algonquian groups of Quebec Newfoundland-Labrador), a caribou foetus could only be eaten by older people. Eaten by younger people, it is believed would tire them out quickly on their travel on foot. It is also imperative to carry a foetus in a bag. If it were transported uncovered, a cold north wind would rise. The Algonquins also believe that children should not be present when a pregnant female's carcass was being cut. Otherwise, they could end up being seriously ill.

The views of Siberian hunters, while being similar on one hand, can also be quite contradictory. Among the Dolgans and Northern Yakuts, the uterine calf was also to only be eaten by the elderly people, ones who could no longer have children. On the other hand, the modern Evenks do not eat reindeer foeti at all. They would either hang it on a tree, or bury it down in the snow, or simply throw it away.

Quebec anthropologist D. Clement offers an explanation of the embryo eating taboo by the young people, based on their concept of "sign" or "signature" (fr. — "la signature"). The embryo cannot move independently. That is why, after eating it, young men would also lose the ability to walk quickly.

I suppose that all these measures were rather aimed at preventing the disconnection of the “man-prey” link. Stamina is essential for young people on the hunt, while old people can afford to lack this quality. It seems that the precept to only carry a foetus in a bag can also be explained in the same way. The embryo rests in the womb, where it is always warm and no wind can blow. So the very exposure of it to the outside summons the wind, which, in its turn can cause trouble to people. Thus, it implies that the bag may be considered as an analogue of the mother’s womb.

Keywords: Caribou, Reindeer Foetus, Innu, Evenki, Hunting.

Эмбрион карибу: представления и запреты охотников Севера Нового и Старого Света

Денис Валерьевич Воробьев

Институт этнологии и антропологии имени
Н. Н. Миклухо-Маклая РАН, Москва, Россия,
rakamagan@rambler.ru

Известно, что промысел карибу/дикого северного оленя, а также лося, составлял основу существования многих групп американского и евразийского Севера. Обретение охотничьей удачи было наиважнейшей стоявшей перед людьми задачей, для достижения которой, согласно воззрениям охотников, было необходимо соблюдать многочисленные предписания и запреты. Иначе удача покинет их, и они окажутся обреченными на гибель.

В докладе рассматриваются представления охотников, связанные с эмбрионом этих копытных, сводящиеся к следующему:

По представлениям инну (алгонкинские группы Квебека Ньюфаундленда-Лабрадора), употреблять в пищу эмбрионов карибу могут только старики. Считается, что молодые люди будут от этого быстро уставать при ходьбе. Переносить выпотроков следует непременно в сумке. Если транспортировать их открытыми, поднимется холодный северный ветер. Алгон-

кины полагают, что дети не должны присутствовать при разделке туши беременной самки. В противном случае они могут тяжело заболеть. Представления сибирских охотников с одной стороны аналогичны, но могут быть и противоречивы. У долган и северных якутов утробного теленка также ели только старики, у которых уже не могло быть детей. С другой стороны, современные эвенки эмбрионов северного оленя не едят. Их либо вешают на дерево, либо зарывают в снег или просто выбрасывают.

Квебекский антрополог Д. Клеман объясняет запрет на поедание эмбриона молодыми людьми, исходя из концепта «знака» или «подписи» (*la signature*). Зародыш не может передвигаться самостоятельно. Именно поэтому, съев его, юноши тоже утрачивают способность быстро ходить. Полагаю, все эти меры были направлены на предохранение от разрыва связи «человек-добыча». Выносливость необходима молодым людям на охоте, тогда как старики могут позволить себе отсутствие этого качества. Думается, с этих же позиций допустимо объяснить предписание нести выпорotka только в сумке. Эмбриону в утробе матери, где нет ветра, тепло, а когда он попадает наружу, начинает дуть ветер, способный доставить людям неприятности. Таким образом, сумку допустимо рассматривать как аналог материнской утробы.

Ключевые слова: карибу, дикий северный олень, эмбрион, инну, эвенки, охота.

The (In)Visible Third Wheel: Insects, Pests, and their Implications for the Archaeology of Human-Reindeer Interactions

Morgan Windle¹, Stephan Dudeck^{2, 3}, Henny Piezonka¹

¹ Institute of Pre- and Protohistoric Archaeology, Kiel University, Kiel, Germany; ² European University at St Petersburg, Saint Petersburg, Russia; ³ University of Lapland, Rovaniemi, Finland
morganmwindle@gmail.com; stephan.dudeck@ulapland.fi; hpiezonka@ufg.uni-kiel.de

Two herded reindeer outside a Sel'kup smokehouse, on the Taz River, West Siberia. Photo by H. Piezonka. August 2021.

Два пасущихся оленя возле коптильни селькупов на реке Таз, Западная Сибирь. Фото Х. Пьезонки. Август 2021.

In Arctic and Subarctic regions of Northern Eurasia, *Rangifer tarandus* (reindeer) helped shape the complex socio-cultural fabrics of mobile hunter-fisher-herder societies. Through an intimate partnership that is grounded in mutualism and symbiosis, reindeer in these societies are animate persons with roles as both herded and wild animals. In the West Siberian tundra and taiga zones, modern hunter-fisher-herder communities coexist with reindeer,

co-creating culture through their entwined multispecies lifeways. Archaeological evidence from Iron Age sites in the tundra demonstrates that this type of cohabitation may have existed for at least two millennia, and methods for investigating the timing and details of human-reindeer interactions in the archaeological record are currently expanding. The enduring practices of modern herders may help to structure inferences and inform on the formation processes of human-reindeer systems in the archaeological record. As techniques of investigation are being improved, we argue that the less visible entities which also co-construct these social, economic, and cultural systems should be considered.

Here, we investigate the human-reindeer-insect interface, specifically the role of Culicidae (mosquitoes), Ceratopogonidae (midges), and Tabanidae (horseflies) in reindeer herding. How do insects, and forest-tundra ecosystems reciprocally shape coexistence practices? How do these insects influence hunter-fisher-herder daily life and seasonal transhumance? How does insect stress and insect avoidance in reindeer influence herding architectures? In this paper, we will discuss the intersection of insects, reindeer, and hunter-fisher-herder ecologies in Western Siberia, comparing Indigenous folklores, ethnographic, ethnoarchaeological, and ethnozoological evidence. From material and architectural constructions to small and large-scale mobilities we seek to explore how entities, (mostly) invisible in the archaeological record, impact hunter-fisher-herder lifeways and trigger specific niche construction activities, and what traces these may leave behind. In assessing this interface, we could unravel potential mechanisms forming the archaeological record, improving studies of hunter-fisher-herder societies in the present and past.

Keywords: reindeer, herding practices, insects, folklore, ethnoarchaeology, West Siberia.

(Не)видимый третий лишний: насекомые, паразиты и их значение для археологии взаимодействий человека и оленя

Морган Виндл¹, Штефан Дудек^{2,3}, Хенни Пиезонка¹

¹ Институт до- и протоисторической археологии, Кильский университет, Киль, Германия; ² Европейский университет в Санкт-Петербурге, Санкт-Петербург, Россия;

³ Университет Лапландии, Рованиemi, Финляндия, morganmwindle@gmail.com; stephan.dudeck@ulapland.fi; hpiezonka@ufg.uni-kiel.de

В арктических и субарктических регионах Северной Евразии *Rangifer tarandus* (северный олень) помог сформировать сложные социокультурные структуры кочевых обществ охотников-рыболовов-пастухов. Благодаря тесному партнерству, основанному на взаимопонимании и симбиозе, олени в этих обществах предстают одушевленными личностями, играющими роль как одомашненных, так и диких животных. В западно-сибирской тундровой и таежной зонах современные сообщества охотников-рыболовов-пастухов сосуществуют с оленями, они живут вместе, зависят друг от друга и вместе создают общую межвидовую культуру. Археологические данные памятников железного века в тундре показывают, что этот тип сосуществования мог бытовать по крайней мере два тысячелетия; продолжают развиваться археологические методы, уточняющие время и конкретные формы взаимодействия человека и оленя. Устойчивые практики современных оленеводов могут помочь структурировать выводы и дать информацию о процессах формирования взаимоотношений между человеком и оленем в археологии. Мы считаем, что по мере того, как совершенствуются методы исследования, следует учитывать менее заметные сущности, которые также по совокупности конструируют эти социальные, экономические и культурные системы.

Здесь мы исследуем взаимодействие человека, оленя и насекомого, в частности, роль *Culicidae* (комары), *Ceratopogonidae*

(мошки) и Tabanidae (слепни) в оленеводстве. Как насекомые и экосистемы лесотундры взаимно влияют на практики сосуществования? Как эти насекомые влияют на повседневную жизнь охотников-рыболовов-пастухов и сезонный перегон скота? Как стресс от насекомых и их избегание у северных оленей влияют на практики выпаса? В этой статье мы обратимся к взаимодействию экологий насекомых, северных оленей и охотников-рыболовов-пастухов в Западной Сибири, сравнивая фольклор коренных народов, этнографические, этноархеологические и этнозоологические данные. Начиная с материальных и структурных конструкций и заканчивая малыми и крупномасштабными мобильностями мы стремимся изучить как сущности, невидимые (в основном) для археологических исследований, влияют на образ жизни охотников-рыболовов-пастухов, как они запускают определенные процессы создания ниш, и какие следы они могут оставлять. Оценивая это взаимодействие, мы могли бы раскрыть потенциальные механизмы, формирующие археологические данные, улучшая тем самым исследование обществ охотников-рыболовов-пастухов в настоящем и прошлом.

Ключевые слова: северный олень, практики выпаса, насекомые, фольклор, этноархеология, Западная Сибирь.

The Ideal Opponent: Human-Wildlife Relations in Eastern Siberia

Lia Zola

University of Turin, Turin, Italy, lia.zola@unito.it

Wolf cub in Оймякон, Sakha-Yakutia, Russia.
Photo by Lia Zola. Summer 2019.
Волчонок в Оймяконе, Саха-Якутия, Россия.
Фото Лии Зола. Лето 2019.

Recent anthropological reasoning, fostered by the ontological turn debate (Descola 2005, Viveiros de Castro 1998, Ingold 1988, 2000) tackled the issue of multispecies ethnography: it deals with the lives and deaths of all the creatures that for decades have stayed on the margins of anthropology. According to this approach, animals, insects, plants, and other organisms, even viruses — what Agamben has called “bare life” (1995) — have started to appear alongside humans with their own biographical and political lives. Focused on the changing contours of the issue of “nature”, wriggling within whatever “human nature” might mean, multispecies ethno-

graphy recalls that “human nature is an interspecies relationship”, as Anna Tsing would put it (1995, p. 94). This last statement may also refer to the connections between humans and wildlife. Relying on an approach that favours an interdisciplinary “multispecies lens”, in which humans are observed as one of multiple organisms that interact with other species to shape and create environments, my paper will take into account the interconnections and coexistence between wolves and people in Sakha-Yakutia, Eastern Siberia.

Keywords: wolves, human-wildlife relations, multispecies lens, Sakha-Yakutia, Eastern Siberia.

Идеальный оппонент: отношения между человеком и дикой природой в Восточной Сибири

Лиа Зола

Туринский университет, Турин, Италия, lia.zola@unito.it

Недавний антропологический резонанс, вызванный дебатами по поводу нового онтологического поворота (Descola 2005, Viveiros de Castro 1998, Ingold 1988, 2000) затронул тему многовидовой этнографии: она касается жизни и смертей всех существ, которые десятилетиями оставались на обочине антропологии. Согласно этому подходу, животные, насекомые, растения и другие организмы, даже вирусы — то, что Агамбен назвал «голой жизнью» (1995) — начали появляться рядом с людьми с их собственными биографическими и политическими жизнями. Сфокусированная на меняющихся контурах темы «природа», работающая над вопросом, что на самом деле означает «человеческая природа», многовидовая этнография напоминает, что «человеческая природа — это межвидовые отношения», как выразилась Анна Цзин (1995, с.94). Это последнее утверждение может также относиться к связям между людьми и дикой природой. Опираясь на междисциплинарный многовидовый подход, рассматривающий человека как один из множества организмов, взаимодействующих с другими видами, формируя и создавая окружающую среду, я обращаюсь

в своем докладе к теме взаимосвязи и сосуществования волков и людей в Саха-Якутии, Восточная Сибирь.

Ключевые слова: волки, отношения человека с дикой природой, многовидовой подход, Саха-Якутия, Восточная Сибирь.

СОДЕРЖАНИЕ

Adonyeva S. B. The Dog as a Puberty Rite, or About Love	5
Адоньева С. Б. Собака как инициация, или о любви	6
Aleksashenko N. A. Polyeiconiya of Ekven: Plots and Technology	7
Алексашенко Н. А. Полиэikonия Эквена: сюжеты и технологический аспект	8
Alkin S. V. Insects: Annoying Resources and Sacred Jewel (On Archaeological Data from East Asia)	10
Алкин С. В. Насекомые: докучливый ресурс и сакральная ценность (по археологическим данным из Восточной Азии)	11
Azzena I., Scarpa F., Cossu P., Casu M., Sanna D. Humans Just Like Doctor Frankenstein Enjoy Creating New Life Forms: Marbled Crayfish Go Wild	13
Адзена И., Скарпа Ф., Коссу П., Казу М., Санна Д. Как и доктор Франкенштейн, люди любят создавать новые формы жизни: одичание мраморных раков	14
Balashova O. B. The Crane and the Stork as Figurants of Mythological Representations of the Inhabitants of the Bezhetsky Region	17
Балашова О. Б. Журавль и аист как фигуранты мифологических представлений жителей Бежецкого края	18
Baldynov V. B. Cooperation with Intelligent Natural Forces	20
Балдынов В. Б. Сотрудничество с Разумными Природными Силами	21
Basangova T. G. The Wolf in the Traditional Views of the Kalmyks	24
Басангова Т. Г. Волк в традиционных представлениях калмыков	25
Beliaeva-Sachuk V. A. «Sturdy like a Horse, Grunting like a Pig» — The Yak in the Culture of Oka Buryats and Soyots	26
Беляева-Сачук В. А. «Выносливый как лошадь, хрюкающий как свинья»: як в культуре окинских бурят и сойотов	27
Berezkin Yu. Ye. Types of Animal Actors in Traditional Narratives	29
Берёзкин Ю. Е. Типы животных-актеров в традиционных повествованиях	30

Berezniitsky S. V. Ethno-cultural Projections of Images of Real and Mythical Animals on the Modern Family Emblems of the Nanai People as the Basis for Constructing a Family Identity	32
Березницкий С. В. Этнокультурные проекции образов реальных и мифических животных на современных тамгах нанайцев как основа конструирования родовой идентичности	34
Brandišauskas D. Enemies or Relatives? Human and Wolf Interactions among Indigenous People of East Siberia	36
Брандишаускас Д. Враги или родственники? Взаимодействие человека и волка у коренных народов Восточной Сибири	37
Brednikova O. Ye. «Infernal Creatures» or «Another Branch of Civilization»? On the Question of the Relationship between Humans and Insects	39
Бредникова О. Е. «Адские создания» или «Другая ветвь цивилизации»? К вопросу о взаимоотношениях человека и насекомых	40
Cashian N. Classical and Christian Zoologies in Late Antiquity	42
Кэшиан Н. Классическая и христианская зоологии в период поздней античности	43
Davydov V. N., Davydova E. A. A Bear in the Village: Paradoxes of Human-predator Relationships in Chukotka	45
Давыдов В. Н., Давыдова Е. А. Медведь в селе: парадоксы взаимоотношений человека и хищника на Чукотке	46
De Vivo E. Tame(d) Reindeer, Wild Tourists and GPS Trackers: An Anthropological Perspective on Various Forms of Contemporary Sámi-Reindeer Relationships on the Norwegian Side of Sápmi	47
Де Виво Э. Одомашненные северные олени, дикие туристы и GPS-трекеры: антропологический взгляд на различные формы современных взаимоотношений саамов и оленей на норвежской стороне Лапландии (Sápmi)	48
Diemberger Ya. To “Speak Horse” in the Himalayas and Argentina: To What Extent Does Communication Between Humans and Horses Depend on a “Language”, and How Does it Differ in Distant Cultural Contexts?	50
Дембергер Я. «Говорить на лошадином языке» в Гималаях и Аргентине: в какой степени общение между людьми и лошадьми зависит от «языка» и чем оно отличается в удаленных культурных контекстах?	51

Dubost J.-M. Ethnobiology Interspecific Uses of Medicinal Resource and Knowledge Transfers: The Case of Mahouts and Elephants in Sayabury Province in Laos	53
Дюбо Ж.-М. Межвидовое использование медицинских ресурсов и передача знаний: кейс погонщиков и слонов в провинции Саябури в Лаосе	54
Eleuteri V. One Health: Applied Ecological Intelligence in Human-Animal Relationship. A Critical Investigation of the Cultural Paradigm Underpinning the 2030 Agenda	56
Элеутери В. Единое здоровье: прикладное экологическое мышление во взаимоотношениях человека и животных. Критическое исследование культурной парадигмы, стоящей в повестке дня до 2030 г.	57
Failla D. Animal Categories and Hierarchies in Edo-Period Japan as Stereotyped Models of Humans and Human Society.....	60
Файлла Д. Категории и иерархия животных в Японии периода Эдо как стереотипные модели человека и человеческого общества	60
Fais-Leutskaya O. D. The Bestiary of Sardinian Carnival <i>Carrasegare</i> : Figures and Symbols.....	62
Файс-Леутская О. Д. Бестиарий сардинского карнавала <i>Каррасегаре</i> : фигуры и символы	63
Fögen Th. Deceased Animals in Ancient Greek and Roman Literature	65
Фёген Т. Умершие животные в древнегреческой и римской литературе	66
Gavrilina T. A. The Image of a Bat on the Territory of the Northern Andes (Ecuador, Colombia, Venezuela): Archaeological and Mythological View.....	68
Гаврилина Т. А. Образ летучей мыши в археологических и мифологических сюжетах на территории Северных Анд (Эквадор, Колумбия, Венесуэла).....	69
Golovnev A. V. Swirling Herd: An Episode of Arctic Nomadism	71
Головнёв А. В. Кружащееся стадо: эпизод арктического нomaдизма.....	72
Goncharov N. S. Reindeer Herders without Reindeers: The Consequences and Problems of Domestication (Case of Northern Yakutia)	74

Гончаров Н. С. Оленеводы без оленей: к чему ведут проблемы доместикации (на материалах Северной Якутии)	75
Gordeeva I. V. The Paradox of Higher Animals Perception in the Modern World	77
Гордеева И. В. Парадоксальность восприятия высших животных в современном мире	78
Grando Válečková Š., Arbogast R.-M., Jeunesse Ch. Animal husbandry in Linearbandkeramik Culture: A Study through the Ethnological and Ethnoarchaeological Reference System	80
Грандо Валечкова Ш., Арбогаст Р.-М., Жонес К. Животноводство в культуре линейно-ленточной керамики: исследование посредством этнологической и этноархеологической референтных систем	81
Griber A. Yu. Animals as Referents of Russian Color Names	83
Грибер Ю. А. Животные как референты русских цветонаименований	85
Grinevich A. A. Animal Personages in Ritual Bear Songs of Kazym Khanty	87
Гриневич А. А. Животные-персонажи в обрядовых песнях медвежьего праздника казымских хантов	88
Harrison J. Women-with-Dogs: Grace, Care, and Patriarchy in British “Heelwork to Music”	90
Харрисон Дж. Женщины-с-собаками: грация, забота и патриархальность в британском “heelwork to music”	91
Iankovskaia A. A. B1 and How to Serve It: Dog Meat Consumption among the Batak of North Sumatra	93
Янковская А. А. B1 — что это и с чем его едят? Употребление в пищу собачатины у батаков Северной Суматры	94
Kalashnikov A. V. Animals in the Divine Comedy	96
Калашников А.В. Животные в «Божественной комедии»	97
Ivanova D. A. The Tradition of Animal Imaging in the Jomon, Yayoi and Kofun cultures of the Japanese Archipelago	99
Иванова Д. А. Традиция изображения животных в культурах дзёмон, яёй и кофун, Японский архипелаг	100
Kashina E. A., Mantere V. Zoomorphic Stone Weapons in North-Western Europe — Manifestations of First Indo-European Influence in the Northern European Taiga during the 3rd Millennium BC?	102

Кашина Е. А., Мантере В. Каменные зооморфные предметы вооружения на северо-западе Европы: манифестация влияния первых индоевропейцев в северных лесах в III тыс. до н.э.?	103
Khribar S. F. Animals in the Holy Bible: View from Different Sides	105
Хрибар С. Ф. Животные в Библии: взгляд с разных сторон	106
Kirkinen T. Wild Animal Skins in the Late Iron Age and Medieval Graves in Finland — Reflections of Human-Animal Relations	108
Киркинен Т. Шкуры диких животных в захоронениях эпохи позднего железного века и средневековья в Финляндии — отражение взаимодействий человека и животных	109
Kisser T. S. The Hare in the Identity of Russian Germans	111
Киссер Т. С. Заяц в идентичности российских немцев	112
Klovov K. B. Man, Reindeer, and Dogs — Rituals of Sacrifice in Our Time (Based on Field Research in South-East of Chukotka)	113
Клоков К. Б. Человек, олень и собака — ритуалы жертвоприношения в наши дни (по материалам полевых исследований на юго-востоке Чукотки)	114
Köhler-Rollefson I. Human-Camel Relationships from Prehistory to Now	117
Кёлер-Роллефсон И. Взаимоотношения человека и верблюда с доисторических времен до наших дней	118
Kolosova V. B., Belichenko O. S. Remedies of Animal Origin in Folk Medicine of Karelia and Pechorsky District	119
Колосова В. Б., Беличенко О. С. Лекарственные средства животного происхождения в народной медицине Карелии и Печорского района	121
Kosyak N. A. When Seal Hunting Turns to Murder: The Case of the Marine Mammal Hunting on the Kanin Peninsula in the 2000s	123
Косяк Н. А. Когда промысел становится убийством: добыча морзверя на п-ве Канин в 2000-е гг.	125
Kryukova V. Yu. The Dog in the Avestan Texts: Animal, Human and Divine Aspects	127
Крюкова В. Ю. Собака в авестийских текстах: животный, человеческий и божественный аспект	128

Kudinova M. A. Dogs Along the Silk Road: Western Dog Breeds in Medieval China (Northern Dynasties — Song)	130
Кудинова М. А. Собаки на Шелковом пути: западные породы собак в Китае эпохи средневековья (Северные династии — Сун)	132
Kudriavtseva O. I. The Concept of the Animal in Post-structuralist Anthropologies based on the Example of the Works of Eduardo Viveiros de Castro and Eduardo Cohn.....	134
Кудрявцева О. И. Концепция животного в постструктуралистских антропологиях на примере работ Эдуардо Вивейруша де Кастро и Эдуардо Кона	135
Kulakova O. Yu. «Despicable» Beasts in Otto Marseus Van Schrieck's Paintings.....	138
Кулакова О. Ю. «Презренные» существа в живописи Отто Марсеуса ван Схрика	139
Lewit T. Animals in the early Middle Ages: Traumas, Transformations and Taboos.....	141
Люит Т. Животные в раннем средневековье: травмы, трансформации и табу	142
Lucrezi S. Between Water, Earth and Sky. Symbolic Meanings and Ritual Use of the Pangolin in Sub-Saharan Africa	143
Лукреци С. Между водой, землей и небом. Символическое значение и ритуальное использование панголина в Африке к югу от Сахары	144
Lugli F., Cheremisin D. V., Novikov A. V. Presence-Absence of Dog Representation in Ancient Societies and in Ethnography	146
Лульи Ф., Черемисин Д. В., Новиков А. В. Наличие-отсутствие изображения собак в древних обществах и в этнографии	147
Maltseva O. V. The Idea of a Tamed Beast in the Sacred Sphere of the Amur Peoples	148
Мальцева О. В. Идея прирученного зверя в сакральной сфере амурских народов	149
Mannermaa K., Kirkinen T., Malyutina A. A., Gerasimov D. V. Mortuary Practices, Animals and Identities in Mesolithic Northeastern Europe	151

Маннермаа К., Киркинен Т., Малютин А. А., Герасимов Д. В. Погребальные практики, животные и идентичности эпохи мезолита на северо-востоке Европы	152
Manuylov A. N. The Horse in Cossack Communities of Southern Russia: Anthropology vs. Bioethics	154
Мануйлов А. Н. Конь в казачьих сообществах юга России: Антропология vs. Биоэтика	155
Mastronuzzi G., Tamiano D. Animals Sacrifice Rituals in Pre-Roman Southern Italy	156
Маструонуччи Дж., Тамиано Д. Ритуалы жертвоприношения животных в южной Италии в доримский период	158
Merenkova O. N. Transformation of the Role of Pets: from «Fuzzies» to Millionaires. The Experience of Russia and the West	160
Меренкова О. Н. Трансформация роли домашних питомцев: из «пушистиков» в миллионеры. Опыт России и Запада	161
Milne L. Animal-selves in Inuit Dream-Cultures	163
Милн Л. Животная самость в культурах сновидений инуитов	165
Missonova L. I. The Sea Turtle is the Person of the Cultures of the Far Eastern Peoples: Archeology, Mythology and Biomimetics	167
Миссонова Л. И. Морская черепаха — персона культур дальневосточных народов: археология, мифология и биомиметика	168
Osipova M. V., Mamcheva N. A. The Image of the Corvids in the Mythological Musical Choreographic Tradition of the Ainu	170
Осипова М. В., Мамчева Н. А. Образ врановых в мифоритуальной традиции и песенно-музыкальном и хореографическом творчестве айнов	171
Pagotto M. Animals Matter in Urban History	173
Паготто М. «Животные имеют значение» в городской истории	174
Pasarić M. Human-bear Encounters through Affects and Emotions	176
Пасарич М. Взаимодействие человека и медведя сквозь призму чувств и эмоций	177

Perevalova E. V. Song-Spell of the «Mosquito Shaman» (Blood-Sucking Insects in the Culture of the Nenets and Ob Ugrians)	179
Перевалова Е. В. Песня-заклинание «комариного шамана» (кровососущие насекомые в культуре ненцев и обских угров)	179
Petri O. V. Racing on Ice: A Story of Accelerating Relationships between a Horse and the City in Nineteenth-Century St Petersburg (1846–1900)	181
Петри О. В. Рысистые бега на льду: история ускорения отношений между лошастью и городом в Петербурге 19 в. (1846–1900)	182
Rainio R., Gerasimov D. V., Girya E. Yu., Mannermaa K. Prehistoric Pendants as Instigators of Sound and Body Movements: A Traceological Case Study from Northeast Europe, circa 8200 cal. BP	184
Райнио Р., Герасимов Д. В., Гиря Е. Ю., Маннермаа К. Доисторические подвески как источники звука и движений тела: трасологическое исследование кейса из Северо-Восточной Европы (ок. 8200 лет назад)	185
Rodionov M. A. The Asian Bestiary. A story in Fife Volumes	187
Родионов М. А. Азиатский Бестиарий. История в пяти томах	188
Rossi P. F., Fiore I., Tempesta C., Vaccaro S. Human and Animal Bone Remains in Burials of the via Laurentina Necropolis (I–III Cent. AD — Rome, Italy)	191
Росси П. Ф., Фьоре И., Темпеста К., Ваккаро С. Человеческие и животные костные останки в захоронениях некрополя Виа Лаурентина (I–III вв. н.э. — Рим, Италия)	192
Selin D. V. Animal Products as an Artificial Impurity in Ceramic Clay Paste in the South of Western Siberia	194
Селин Д. В. Продукты животного происхождения как искусственная примесь в керамике на территории юга Западной Сибири	195
Sem T. Yu. Shaman and Animal Spirits-Patrons in the Beliefs of the Tungus-Manchu: The Problem of Symbolism and Semantics	197

Сем Т. Ю. Шаман и животные духи-покровители в верованиях тунгусо-маньчжуров: проблема символики и семантики	198
Shatokhina V. S. Names of Animals in Swahili Proverbs	200
Шатохина В. С. Наименования животных в пословицах и поговорках суахили	201
Sokolovsky V. A., Kovaleva N. N. The Role of Spondylus and Strombus in the Ancient Cultures of Peru and Ecuador (IV–II millennium BC)	203
Соколовский В. А., Ковалева Н. Н. Роль моллюсков Spondylus и Strombus в древних культурах Перу и Эквадора (IV–II тыс. до н.э.)	204
Spiridonova E. V., Obnorskaya N. V. A Friend of the Bosom, a Cockroach from Behind the Stove (Cockroaches in Russian Folklore)	206
Спиридонова Е. В., Обнорская Н. В. Друг сердечный, таракан запечный (тараканы в русском фольклоре)	207
Stanyukovich M. V. Wild Buffalo in the Highlands of Northern Luzon, Philippines: Hunting, Sacrificing, Depicting in Oral Epics	209
Станюкович М. В. Дикие буйволы в горах Северного Лусона, Филиппины: охота, жертвоприношения, роль в эпических сказаниях	210
Starodubtsev G. Yu. The Role of Animals in the Rites of the Medieval Population of the Gochevo Complex	212
Стародубцев Г. Ю. Роль животных в обрядах средневекового населения Гочевского комплекса	213
Stepanova O. B. The Problem of Wolf Attacks in Modern Reindeer Husbandry of the Northern Selkups	215
Степанова О. Б. Проблема нападений волков в современном оленеводстве северных селькупов	216
Suleymanova M. N. Man and Animals in the Traditional Religious Worldview of the Bashkirs: Paradoxes of Relationships	218
Сулейманова М. Н. Человек и животные в традиционном религиозном мировоззрении башкир: парадоксы взаимоотношений	220

Sychenko G. B. Sonic Aspects of the Human-Animal Relationship	222
Сыченко Г. Б. Звуковые аспекты взаимоотношений людей и животных	223
Terekhina A. N., Volkovitskiy A. I. Arctic Foxes, Reindeer and Humans: Human-wildlife Conflicts in Yamal	224
Терёхина А. Н., Волковицкий А. И. Песцы-олени-люди: конфликт «человек-дикая природа» на Ямале	225
Torri D. Dialectic Oppositions. Wild and Domesticated Animals as Represented in Himalayan Indigenous Folklore	227
Торри Д. Диалектика противоположностей. Дикие и одомашненные животные, представленные в фольклоре коренных народов Гималаев	228
Tselichsheva V. G. Kaluga, Chum Salmon and a Fish Skin Robe: Fish in the Cultures of the Indigenous Peoples of the Lower Amur, Sakhalin and Kamchatka	230
Целищева В. Г. Калуга, кета и халат из рыбьей кожи: рыбы в культурах коренных народов Нижнего Амура, Сахалина и Камчатки	231
Vassilkov Ya. V. The Peacock as the Bird of Paradise: A Comparative Study	233
Васильков Я. В. Павлин как райская птица: сравнительное исследование	234
Vidale M. Keen Zoological Observation, not Symbolic Exploitation. Group Animal Scenes on the Carved Chlorite Artifacts of the Halil Rud Civilization (Kerman, Iran, 3rd Millennium BC)	236
Видале М. Внимательное зоологическое наблюдение, а не символическая эксплуатация. Групповые сцены животных на резных хлоритовых артефактах культуры Халил Руд (Джирофт, провинция Керман, Иран, 3-е тысячелетие до н.э.)	237
Voldina T. V., Moldanova I. M. Cat Worship among the Kazym Khanty: To Question the Permian Component in Khanty Culture	238
Волдина Т. В., Молданова И. М. Почитание кошки у казымских хантов: к вопросу о пермском компоненте в хантыйской культуре	239

Volzhanina E. A. Purchase and Sale of Reindeer and Carriage in the Yamal North in the First Third of the 20th century	241
Волжанина Е. А. Продажа и покупка оленей и извоз на Ямальском Севере в первой трети XX в.	242
Vorobiev D. V. Foetus of Caribou: Representations and Prohibitions of Hunters of the North of the New and Old World	244
Воробьев Д. В. Эмбрион карибу: представления и запреты охотников Севера Нового и Старого Света	245
Windle M., Dudeck S., Piezonka H. The (In)Visible Third Wheel: Insects, Pests, and their Implications for the Archaeology of Human-Reindeer Interactions	247
Виндл М., Дудек Ш., Пиезонка Х. (Не)видимый третий лишний: насекомые, паразиты и их значение для археологии взаимодействий человека и оленя	249
Zola L. The Ideal Opponent: Human-Wildlife Relations in Eastern Siberia	251
Зола Л. Идеальный оппонент: отношения между человеком и дикой природой в Восточной Сибири	252

Отпечатано в типографии ООО «Студия Успеха»
197136, г. Санкт-Петербург, улица Всеволода Вишневого,
дом 12, литер А, пом. 2Н, офис 604
тел. 309-73-33, e-mail: info@s-uspeha.ru, www.s-uspeha.ru

Тираж 35 экз.